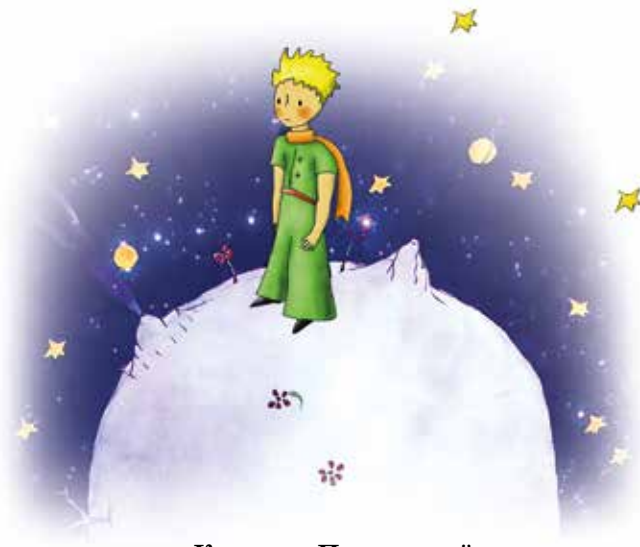

Симакова Л. А.

Интегрированный курс
ЛИТЕРАТУРА
(русская и зарубежная)

Учебник для 8 класса
общеобразовательных учебных заведений
с обучением на русском языке

Рекомендовано
Министерством образования и науки Украины

Каменец-Подольский

АБЕТКА

2016

Рекомендовано Министерством образования и науки Украины
(приказ Министерства образования и науки Украины
от 10.05.2016 г. № 491)

Издано за счёт государственных средств.
Продажа запрещена

Эксперты, осуществившие экспертизу данного учебника во время проведения конкурсного отбора проектов учебников для учащихся 8 класса общеобразовательных учебных заведений и сделали вывод о целесообразности предоставления учебнику грифа «Рекомендовано Министерством образования и науки Украины»:

О. В. Андриенко, учитель УВК «Константиновская гимназия с общеобразовательной школой I степени» Константиновского городского совета Донецкой области, учитель-методист;

И. М. Яненко, методист РМК отдела образования Бахмацкой РГА;

Л. Г. Андропова, доцент кафедры мировой литературы Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, кандидат филологических наук.

Симакова Л. А.

С37 Интегрированный курс «Литература» (русская и зарубежная) : учебник для 8 кл. общеобразоват. учеб. заведений с обучением на рус. яз. / Лидия Симакова. – Каменец-Подольский : Абетка, 2016. – 288 с. : ил.

ISBN 978-966-682-380-2.

СОДЕРЖАНИЕ

Вижу склоненное лицо читателя	6
Настоящая книга — это создание прекрасного	8
<i>Учимся быть компетентными читателями</i>	
О диалоге культур	12
ИЗ МИРОВОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ ВОСТОКА	14
<i>Омар ХАЙЯМ</i>	<i>17</i>
РУБАИ	20
<i>Шота РУСТАВЕЛИ</i>	<i>23</i>
ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ	25
<i>Учимся быть компетентными читателями</i>	
О героическом в литературе	37
Проверим свою компетентность	37
«ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ И ОБРАЗЫ»	
В ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ	38
<i>Вильям ШЕКСПИР</i>	<i>41</i>
РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА (В сокращении)	43
<i>Учимся быть компетентными читателями</i>	
О драматических произведениях	54
<i>Мигель де СЕРВАНТЕС СААВЕДРА</i>	<i>56</i>
ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО	
ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ (Отрывки)	58
<i>Учимся быть компетентными читателями</i>	
О вечных образах	84
О романе	85
О родах художественной литературы	86

РАЗНООБРАЗИЕ ЖАНРОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX СТОЛЕТИЯ..... 88

<i>Александр Сергеевич ПУШКИН</i>	91
И. И. ПУЩИНУ.....	94
19 ОКТЯБРЯ 1825.....	95
Из истории создания повести «Капитанская дочка»	99
КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА (В сокращении).....	100
<i>Учимся быть компетентными читателями</i>	155
О художественном образе	155
О жизненной правде и художественном вымысле в литературе	156
Сочинение-характеристика героя по изученному произведению.....	158
<i>Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ</i>	159
Я ЖИТЬ ХОЧУ! ХОЧУ ПЕЧАЛИ... ..	161
ПОЭТ.....	161
ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ... ..	163
<i>Учимся быть компетентными читателями</i>	
О лирическом герое	165
<i>Николай Васильевич ГОГОЛЬ</i>	166
РЕВИЗОР (В сокращении).....	167
<i>Учимся быть компетентными читателями</i>	
О комедии	212
О ремарках.....	213
Сочинение — групповая характеристика героев.....	214
<i>Расширяем культурный кругозор</i>	
Н. Гоголь о театре	215
<i>Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ</i>	216
Стихотворения в прозе	
ВОРОБЕЙ.....	218
ПАМЯТИ Ю. П. ВРЕВСКОЙ.....	218
<i>Учимся быть компетентными читателями</i>	
О стихотворениях в прозе.....	220
АСЯ.....	220

<i>Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН</i>	223
ПРЕМУДРЫЙ ПИСКАРЬ	226
МЕДВЕДЬ НА ВОЕВОДСТВЕ.....	226

Учимся быть компетентными читателями

Сатира как вид комического.....	228
Эзопов язык	229

<i>Лев Николаевич ТОЛСТОЙ</i>	230
Из истории создания рассказа «После бала»	232
ПОСЛЕ БАЛА.....	232

ПРОБЛЕМЫ, ВОЛНУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА МЫСЛЯЩЕГО В ЛИТЕРАТУРЕ XX СТОЛЕТИЯ

242

<i>Максим ГОРЬКИЙ</i> <i>(Алексей Максимович Пешков)</i>	245
СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ.....	246

<i>Антуан де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ</i>	257
МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ (Отрывки).....	259

Учимся быть компетентными читателями

О подтексте в художественном произведении.....	277
--	-----

<i>СТРУГАЦКИЕ Аркадий Натанович</i> <i>Борис Натанович</i>	279
ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ	282

Краткий словарь литературоведческих терминов	285
Для внеклассного чтения	287

Вижу склоненное лицо читателя

«Книга всегда волнует человека. Ее судьбы непросты: иногда величественны, иногда трагичны и горестны. Но на всех своих путях и при всех обстоятельствах книга служила и служит человеку — от восковых дощечек, папирусов и древних свитков на пергаменте.

Книге человечество доверило свои священные прозрения, великие открытия, опыт осмысленной, достойной жизни на планете Земля. Без книги человек чувствовал бы себя затерявшимся путником в огромной, безвестной ночной пустыне... Книга поэтому — верный, бескорыстный и наиболее сведущий друг. Она самый терпеливый учитель, готовый десятки раз повторять недоступную сразу мысль. Люди бывают пристрастны, бесчестны, несовершенны в своих увлечениях, и только настоящая книга может научить нас безошибочно распознавать добро и зло, истину и ложь, красоту и безобразие». Эти проникновенные слова принадлежат русскому писателю Л. М. Леонову (1899—1994).

О значении книги и огромной в связи с этим ответственности автора перед своими читателями сербский писатель Иво Андрич (1892—1975) говорил: «Я думаю, нет такого писателя, у которого никогда не возникал бы вопрос: как я буду выглядеть в глазах читателей через сто лет?... Случаются минуты, когда взглянув на только что написанное мной слово или предложение, я вдруг... вижу склоненное над моими словами лицо читателя 2038 года». Обращаясь к писателям, он напоминал: «Не забывайте, что вы — глашатай истины, то есть действительности. Вашими устами говорит о себе огромная человеческая правда».

Это утверждение Иво Андрича разделяет американский писатель Джон Чивер (1912—1982). Указывая на неразрывную связь автора и читателя, он писал: «Художественная литература — наше самое сокровенное и действенное средство общения. Это поистине единственный способ обсудить друг с другом глубинные наши заботы: одиночество, любовь, тревогу, заботу, страх... Возьмите книгу любого из моих коллег, и вы убедитесь, что у него есть нечто необходимое, нечто серьезное сказать вам. У нас нет другого уровня общения, равноценного художественной литературе».

Писательство принадлежит к тем редким вещам в жизни, какие невозможно делать в одиночку. Литература больше напоминает диалог, чем проповедь или лекцию. Когда я пишу, я более всего рассчитываю на интеллигентного¹ читателя, которому по душе то, что я занес на бумагу.

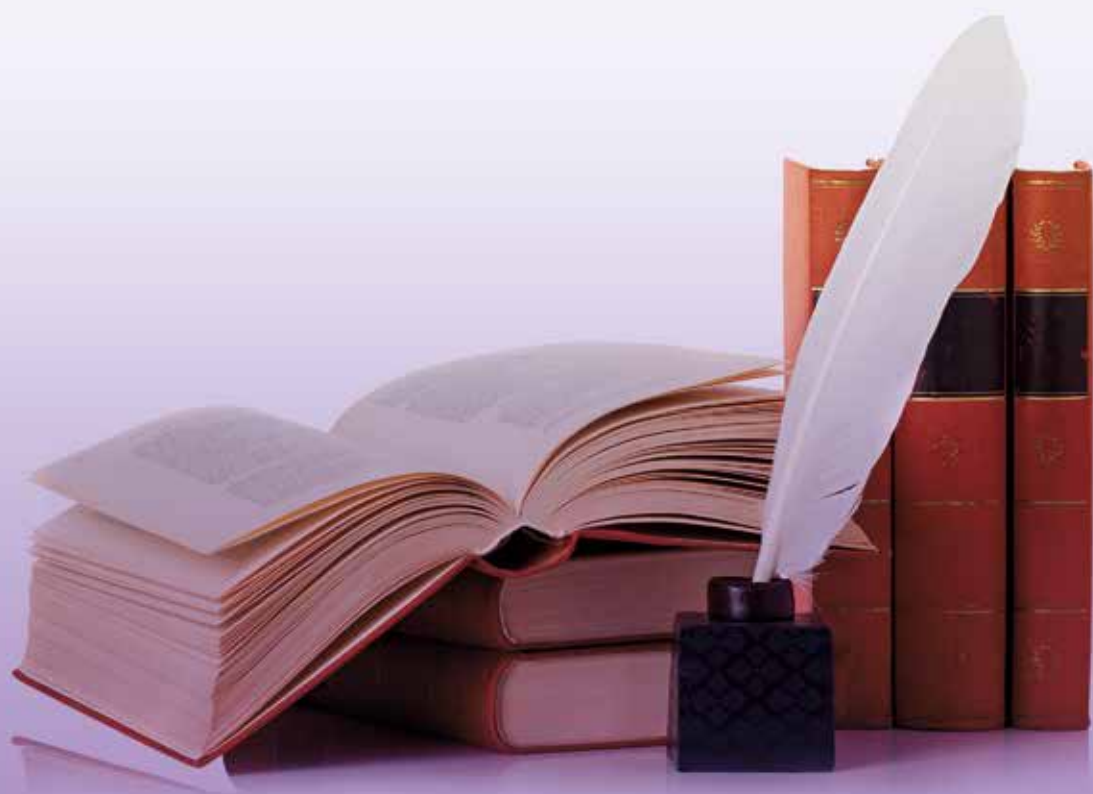
Все это стало очевиднее для меня с возрастом. Я постоянно помню о моем читателе, я все время задаю себе вопрос: «Важно ли то, что я хочу сказать? Важно ли это людям, которые будут читать мои книги?» Писатель всегда спрашивает себя: «Интересно ли это?»

Читатели составляют единственный род публики, который нельзя определить с помощью компьютеров или опросов общественного мнения... Я же заинтересован в читателе интеллигентном, начитанном, в каком бы уголке земли он ни жил. Я хочу разделить с этим читателем трепет самой жизни...»

¹ *Интеллигэнтный* — образованный, культурный; свойственный интеллигенту.

**НАСТОЯЩАЯ КНИГА –
ЭТО СОЗДАНИЕ
ПРЕКРАСНОГО**

**Мощь, мудрость и красота литературы
открываются во всей своей широте только
перед человеком просвещенным и знающим.**

К. Паустовский

1. Нашу первую беседу в этом учебном году начнем с высказывания современного русского писателя Юрия Бондарева о книге: «Книга — это источник света, посланный еще из детства человечества к нам, это сигнал и предупреждение, боль и страдание, смех и радость, жизнеутверждение и надежда...». Как перекликается это высказывание с содержанием статьи «Вижу склоненное лицо читателя», которой открывается учебник?
2. Определите в этой статье главные мысли о книге и ее создателе — авторе.
3. В чем, по вашему мнению, сербский писатель Иво Андрич видит ответственность автора перед своими читателями?
4. Какого читателя в будущем хотел видеть американский писатель второй половины XX столетия Джон Чивер? Что из его высказывания вы считаете особенно значительным?
5. Жизнь убеждает, что настоящие книги никогда не умирают. Эти книги всегда имеют широкий круг новых читателей. Какие книги для чтения выбираете вы? Расскажите о своих любимых авторах и их книгах. Какие книги русских и украинских писателей вы прочитали за прошедшее лето?

ИСКУССТВО СЛОВА

В воспоминаниях многих писателей есть интересные рассказы о том, какое воздействие оказывали на них книги в детстве, юности, в зрелом возрасте. Константин Паустовский, например, писал, что в детстве вместе с героями любимых книг он «осаждал старинные замки», «погибал на корабле с изодранными в клочья парусами у берегов Магелланова пролива или Новой Земли», «искал сокровища, так ловко запрятанные Стивенсоном на таинственном острове», «слышал шум знамен в Бородинском бою», «помогал Маугли в непролазных дебрях Индостана».

В чем же заключаются необыкновенные свойства любимых книг? Что заставляет читателей не только проникаться настроениями героев, но и «погружаться» в созданный фантазией художника мир его произведения, чувствовать себя участником описываемых событий?

Лучше понять это можно при сравнении художественной литературы с другими видами искусства — живописью, скульптурой, музыкой. Живописец и скульптор могут изображать только видимое глазу. Внутреннее же состояние людей, их характеры, отношения между ними и отношение художника к ним раскрываются на картине или в скульптуре через внешние проявления и запечатлены в какое-то определенное мгновение.

Писатель же с помощью слов вызывает в воображении читателей живые представления как о внешнем мире, так и о внутреннем состоянии героев (их мыслях, чувствах, переживаниях, устремлениях). В отличие от живописца или скульптора, он описывает необходимые подробности, одну вслед за другой.

Художественная литература как вид искусства имеет свои отличительные свойства и в сравнении с музыкой. Музыка обращена главным образом к человеческому сердцу, она способна выразить на языке звуков сложнейшие и тончайшие чувства и настроения, которые во многих случаях невозможно передать посредством слова. Но зато писатель может изобразить человека, воспринимающего музыку. В известном романе Льва Толстого «Война и мир» есть страницы, описывающие участие в сражении пятнадцатилетнего подростка Пети Ростова. Перед боем, задремав, Петя слышит во сне необыкновенную музыку. Это описание звучащей музыки позволяет читателю сильнее проникнуться взволнованным состоянием юного героя:

...И вдруг Петя услышал стройный хор музыки, игравшей какой-то неизвестный, торжественно сладкий гимн. Петя был музыкален... но он никогда не учился музыке, и потому мотивы, неожиданно приходившие ему в голову, были для него особенно новы и привлекательны. Музыка играла все слышнее и слышнее. Напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой. Происходило то, что называется фугой, хотя Петя не имел ни малейшего понятия о том, что такое fuga. Каждый инструмент, то похожий на скрипку, то на трубы, но лучше и чище, чем скрипки и трубы, — каждый инструмент играл свое и, не доиграв еще мотива, сливался с другим, начинавшим почти то же, и с третьим, и с четвертым, и все они сливались в одно, и опять разбегались, и опять сливались то в торжественно церковное, то в ярко блестящее и победное.

А утром Петя погибает. И описание только что слышанной им во сне музыки усиливает наши чувства сострадания к нему, скорби и негодования против бесчеловечности войны, оборвавшей жизнь юноши, сердце которого было исполнено доброты и восторженной любви к людям.

Говоря о литературе как об искусстве слова, важно знать, что, создавая свое произведение, автор не просто передает его содержание словами. Предостерегая от такого неверного понимания художественного творчества, Лев Толстой заявлял, что раскрыть, выразить смысл литературного произведения «непосредственно словами никак нельзя, а можно только... словами описывая образы, действия, положения».

Язык художественной литературы — это словесные образы, в которых предстают лица, предметы, события, состояния, мысли, чувства.

В поэзии, обращенной главным образом к сердцам людей, ясность и глубина изображения достигаются словесными изобразительными средствами. Поэт, который не просто описывает, а изображает то, что его волнует, умеет пользоваться всей энергией слова, накопленной веками, способен привлечь внимание читателей простым сочетанием немногих, но точных и выразительных слов. «Чертог сиял», — написал Пушкин, и этих двух слов вполне достаточно, чтобы мы представили себе роскошный дворец (стихотворение «Клеопатра» из повести «Египетские ночи»). Или:

...а всё плащи, да шпаги,

Да лица, полные воинственной отваги, —

всего только две строчки, но как передают они суровое время двенадцатого года (стихотворение Пушкина «Полководец»)?

О выразительности языка поэтических произведений прекрасно сказал критик В. Г. Белинский: «Поэзия выражается в свободном человеческом слове, которое есть и звук, и картина, и определенное, ясно выговоренное представление. Посему поэзия заключает в себе все элементы других искусств...»

Пользуясь неисчерпаемым богатством родного языка, поэт для изображения действительности находит самые емкие, самые поэтичные слова. В самом языке есть уже все элементы искусства: и впечатляющая выразительность, и музыка слова, и словесная живопись. Если бы язык не был поэтичен, не было бы и искусства слова — художественной литературы.

Валерий БРЮСОВ

Бог помочь вам, друзья мои!

А. Пушкин

Первая русская книга после далеких скитаний,
Стих дорогого поэта — и думы дрожат от рыданий.
Что мне шумное море, что скалы и светлые гроты!
Холодно сердце дивится на их чужие красоты,
Холодно я бродил у дворцов всесветной столицы,
Но предо мною открылись родные, святые страницы,
Стих дорогого поэта — и думы дрожат от рыданий, —
Первая русская книга после далеких скитаний.

Рабиндранат ТАГОР

Мне видятся — простишь ли самомненье?
В твоих руках мои стихотворенья,
О девушка грядущего столетья!
Ты у окна сидишь при лунном свете,
И льет луна в пробелы меж стихов
Слова, которых нет в пределах слов.
И скатится слеза, ресницы увлажнив,
И скажешь ты: «Будь он сегодня жив,
Меня любил бы он, тянулся бы ко мне».
И скажешь ты: «Пусть жив он только в слове,
Пусть не придет, я все равно с любовью
Поставлю для него светильник на окне».

Перевод Д. Седых

- ?** 1. Прочитайте статью «Искусство слова» и объясните, чем отличается художественная литература от других видов искусства (живописи, музыки, скульптуры).
2. Обратите внимание на то, что говорил Лев Толстой о главном отличительном признаке художественной литературы — ее образности. Как достигается создание словесных образов в художественном произведении?
3. Прочитайте стихотворения русского поэта Валерия Брюсова «Первая русская книга после далеких скитаний...» и индийского поэта Рабиндраната Тагора «Мне видятся — простишь ли самомненье?...».
- Чем затрагивают вас эти стихотворения?

4. Какие художественные средства способствуют лирическому содержанию стихотворений Валерия Брюсова «Первая русская книга после далеких скитаний...» и Рабиндраната Тагора «Мне видятся — простишь ли самомнение...»?

УЧИМСЯ БЫТЬ КОМПЕТЕНТНЫМИ¹ ЧИТАТЕЛЯМИ

О диалоге культур

Культура, культурное наследие, культурный человек, — эти понятия постоянно присутствуют в нашей современной жизни.

Слово «культура» (от лат. *cultura* — это возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) обозначает уровень развития общества, творческих сил народов разных наций, народностей в различные исторические эпохи — от глубокой древности и до современности. Это понятие включает в себя все достижения людей в материальной и духовной сферах жизни: создание машин, сооружений, результаты познания, произведения искусства, нормы морали и права и т. д.

Каждый человек в процессе жизни усваивает представления об окружающем его мире и людях, о нравственных нормах и общечеловеческих ценностях добра, любви, справедливости, человеческом достоинстве, милосердии и т. д. Кроме того, он является также носителем национальных особенностей и традиций своего народа, страны, в которой живет. Все это и свидетельствует об уровне культуры человека и вместе с тем определяет линию его поведения и поступков. Иными словами, можно говорить о культурной компетентности² человека.

Для существования и развития любой культуре, как и любому человеку, необходимы общение, диалог, взаимодействие. Понятие диалога культур подразумевает открытость культур друг другу. Но это возможно при выполнении ряда условий: равенства всех культур, признания права каждой культуры на отличия от других, уважения к чужой культуре.

Не существует изолированных культур — все они живут и развиваются только в диалоге с другими культурами.

Культурное многообразие — важное условие для самопознания человека: чем больше культур он узнает, чем больше стран посетит, чем больше языков выучит, тем лучше он поймет себя и тем богаче будет его духовный мир. Диалог культур — основа и важная предпосылка для формирования и укрепления таких ценностей, как толерантность³, уважение, взаимопомощь, милосердие.

Огромная роль в усвоении духовно-нравственных ценностей культуры отводится чтению и изучению выдающихся художественных произведе-

¹ *Компетентный читатель* — знающий, осведомленный, умеющий давать собственную, аргументированную оценку прочитанному.

² *Культурная компетентность* — усвоение достижений культуры настоящего и прошлого, особенностей и традиций своего народа и народов других культур.

³ *Толерантность* — терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям.

ний родной и мировой литератур. «Чем большими ценностями мы овладеваем, тем более утонченным и острым становится наше восприятие иных культур — культур, удаленных от нас во времени и пространстве древних и других стран», — писал в XX веке известный российский литературовед Д.С. Лихачев. Еще раньше, в XIX веке, английский писатель Томас Карлейль (1795—1881) отмечал: «Все, что человечество совершило, передумало, все, чего оно достигло, — все это сохранилось, как бы волшебством, на страницах книг». Осваивая духовно-нравственные основы жизни, раскрытые на страницах выдающихся произведений литературы разных народов и разных литературных эпох, осознавая необходимость поиска для самого себя общечеловеческих ценностей истины, добра, красоты, любви, счастья, современный человек должен научиться жить в условиях множества культур, представлений людей о бытии, идеалах, нравственных позициях, точках зрения по тем или иным жизненно важным вопросам. Следуя современному пониманию диалога культур, нужно учиться во время чтения погружаться в художественный мир литературного произведения, в эпоху, отраженную в нем, уметь слушать и вопрошать, соглашаться и сомневаться, удивляться и восхищаться, спорить и убеждать.

Понимание художественного текста, по мнению ученых, — это всегда диалог между читателем и автором. Созданное писателем художественное произведение всякий раз переживает свое новое рождение, так как «автор» и «читатель» всегда неодинаковы. Каждый из них обладает своей культурной компетентностью. Именно поэтому и возникает диалог культур. Но если «автор» всегда один и постоянен, то «читатель» всегда разный. Каждый новый «читатель» по-своему вступает в диалог и становится соавтором произведения. Однако, чтобы это произошло, необходимо уметь и любить читать — читать вдумчиво и заинтересованно. «Когда человек берет в руки книгу, между ним и автором происходит доверительный разговор наедине, какой может быть только между самыми близкими людьми, — пишет литератор Святослав Бэлза. В ходе этой неторопливой беседы рождаются новые идеи и образы... насколько богаче делается кругозор того, кто овладел тонким искусством «беседы» с великими мастерами слова! Их творения учат постижению той книги, которая испокон веку именуется книгой жизни».

Итак, **диалог культур** в широком смысле — *это открытость разных культур друг другу, их взаимодействие.*

Диалог культур, который осуществляется в процессе чтения художественного произведения, — это диалог между автором и читателем.

- ?
1. Что означает понятие «культура»?
 2. Какими культурными ценностями овладевает человек в течение жизни?
 3. Почему взаимодействие разных культур называют диалогом культур?
 4. Что способствует пониманию читателем художественного текста?
 5. Объясните, в чем неодинаковы «автор» и «читатель» в процессе своего взаимодействия, т. е. диалога культур?

ИЗ МИРОВОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ ВОСТОКА

Как зерно никогда не умрет,
потому что нет плоти без хлеба,
так и слово вовек не умрет,
потому что душа не живет
без него, как без хлеба.

Э. Межелайтис¹

1. Вспомните из уроков истории, какие значительные исторические события происходили в период средневековья на Ближнем Востоке и в Средней Азии?
2. Что вы знаете об Арабском халифате? Какими были культурные достижения народов, проживающих на территории этого государства?
3. Во времена средневековья на Ближнем Востоке жили и творили такие выдающиеся поэты, как Омар Хайям, Рудаки, Фирдоуси, Шота Руставели, Саади, Алишер Навои и др.

✿ Примите участие в подготовке проектов «Великие поэты средневекового Востока» (Подготовьте краткие сообщения о поэтах и видеоматериалы. Включите в свои выступления выразительное чтение стихотворений)

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Среди современных образованных людей едва ли найдутся такие, которым были бы не знакомы имена поэтов Фирдоуси, Саади, Омара Хайяма, Низами, Хафиза. Их творчеством не переставали восхищаться великие писатели мира, отмечавшие в произведениях своих предшественников неподражаемую восточную мудрость, любовь к родине и родному языку, сочувствие к простым труженикам.

История возникновения классической поэзии Ближнего Востока начинается в давние времена — в период вторжения войск Арабского халифата в VII веке в Иран, а позже и в Среднюю Азию. Культуре этих народов был нанесен сокрушительный удар. Огнем и мечом насаждались ислам и арабский язык. Для иранской словесности наступили «века молчания». И все же иранская литература не исчезла полностью, она продолжала развиваться на арабском языке.

В X веке на территории Восточного Ирана и Средней Азии, на бывших восточных окраинах Багдадского халифата, образовалось мощное государство Саманидов и сформировался таджикский народ. С этого времени начинается возрождение культуры восточно-иранских племен (предков таджиков), появляются литературные произведения на родном языке — фарси (старая форма современных персидского и таджикского языков).

На языке фарси в Хорасане (Восточный Иран) и Мавераннахре (Среднеазиатское Междуречье) была создана замечательная поэзия, уходящая своими корнями в народную лирику. В те времена творили такие великие поэты, как слепой, но жизнерадостный Рудаки, воспевавший величие духа и

¹ Эдуардас Межелайтис — народный поэт Литвы (1919—1997).

возвышенные чувства, и Фирдоуси, создавший эпопею¹ об иранских царях и богатырях «Шахнаме». Во время ее написания Фирдоуси пришлось испытать и голод, и стужу, и гонения местных правителей, но он неустанно трудился над поэмой в течение тридцати пяти лет. Книга была окончена и посвящена новому властителю, сменившему Саманидов, — султану Махмуду Ганзеви (999—1030), однако, проникнутая высокими идеалами и сочувствием к простому люду, она не пришлась по душе грозному завоевателю.

Глубокие философские раздумья, жизнерадостное свободомыслие отличают творчество Омара Хайяма. Великий поэт, он был и крупным ученым — астрономом, математиком, соавтором самого точного календаря, открывателем бинорма, который спустя много веков был вновь открыт Ньютоном. Но мировую известность Омар Хайям завоевал своими стихотворными миниатюрами — лирическими четверостишиями.

На фарси в конце XII века создавал свои замечательные поэмы и лирические произведения гениальный азербайджанский поэт Низами. (Фарси в те времена был литературным языком не только таджиков и персов, но и многих других народов Востока.) В своем творчестве Низами выразил лучшие, передовые чаяния народа и оказал огромное влияние на многие поколения поэтов Ближнего и Среднего Востока.

В XII веке, почти одновременно с Низами, совсем недалеко от его родной Гянджи, в солнечной Грузии творил величайший поэт того времени Шота Руставели — автор знаменитой поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Руставели изобразил земного человека во всем величии его духа, со свойственными ему страстями и стремлением к прекрасному.

К исключительным явлениям в истории культуры Средней Азии относится и творчество Алишера Навои — основоположника узбекской литературы. Он оставил потомкам богатейшее наследие на двух языках — фарси и староузбекском; важнейшая его часть — шесть больших поэм.

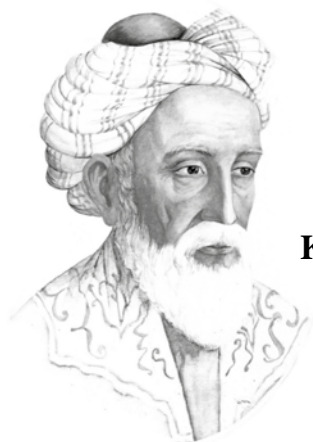
Завершающим периодом классической поэзии на фарси были XIII—XV век, давшие человечеству непревзойденных лириков Саади и Хафиза, а также Джамии, который в своей «Книге мудрости Искандера» выразил вековую мечту людей: о царстве свободы и равенства на земле.

При всем различии великих поэтов того времени их произведения утверждали общие, главные для всех времен и народов духовные ценности: любовь к родине, человеческое достоинство, свободу личности.

По И. Брагинскому

- ?
1. Какие значительные исторические события происходили в период средневековья на Ближнем Востоке и в Средней Азии? Как они повлияли на развитие литературы этих народов?
 2. В какое время появляются литературные произведения на языке фарси?
 3. Какие названные в статье имена поэтов вам уже знакомы? О ком из них вы узнали впервые?

¹ *Эпопе́я* (от *эпос* и греч. *poieo* — творю) — обширное повествование в стихах или прозе о выдающихся национально-исторических событиях.

Омар ХАЙЯМ

(1048—1131)

Когдабс крижалась судьбымневдруподвластна стала
Я все бы стер с нее и все писал сначала.
Из мира я печаль изгнал бы навсегда,
Чтоб радость головой до неба доставала.

О. Хайям

Личность Омара Хайяма (полное имя — Гияс ад-Дин Абу-аль-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нишапури) овеяна легендами, история его жизни до сих пор остается во многом таинственной и загадочной.

Хайям известен как автор глубоких философских трактатов; он занимался физикой и историей, политикой и музыкой; современники восхищались его математическими дарованиями. Изобретенный им более восьмисот лет назад астрономический календарь был точнее того, которым мы пользуемся сейчас. Но — удивительно! — большинство ныне живущих людей не знают о его научной деятельности и многочисленных трудах, которым он посвятил всю свою жизнь. В сознании людей Омар Хайям — это прежде всего гениальный поэт. Сборники его стихов изданы на многих языках народов мира, а имя Хайяма знают во всех странах и на всех континентах.

Читатели Европы узнали об этом поэте в 1859 году, когда в Англии вышла в свет книга «Рубайят Омара Хайяма» в вольном переводе Эдуарда Фицджеральда (1809—1883). Сборник вызвал такой интерес, что уже через несколько месяцев стал библиографической редкостью.

Основной жанр стихотворных произведений Хайяма — отдельное, законченное по смыслу и форме четверостишие — рубаи (в собирательной форме — рубайят).

Чем же рубаи Хайяма привлекают современного читателя? Краткостью? Простотой? А может быть, сжатым, концентрированным выражением философской мысли? Каждый читатель сам отвечает на эти вопросы, следя за мыслью поэта, наслаждаясь прелестью его четверостиший, их образностью и музыкальной ритмичностью.

Омар Хайям родился 18 мая 1048 года в Нишапуре, одном из культурных центров Востока. (Дата его рождения установлена сравнительно недавно по гороскопу, составленному, как предполагают, самим Хайямом). В Нишапур со всех концов Персии и арабского мира приезжали молодые и немолодые люди, стремившиеся к знаниям. И недаром здесь бытовала по-

словица: «Алмазу нужна шлифовка, человеку — образование». Знатные и не только знатные люди старались иметь и приумножать свои библиотеки. В Нишапуре Омар Хайям учился у известного ученого и богослова Насира ад-Дина Шейха Мухаммада Мансура, который любил повторять слова Пифагора: «Как хорошо, когда благополучие человека основано на законах разума». В эти годы лучшими друзьями юного Хайяма были книги. Он прошел нелегкий путь обучения, как, впрочем, и множество других ученых средневекового мусульманского Востока.

На жизнь и творчество Омара Хайяма большое влияние оказало учение великого мыслителя Востока Ибн Сины (Авиценны), создавшего более четырехсот работ на арабском языке и двадцать — на фарси.

Трудами своего знаменитого предшественника, видимо, пользовался Омар Хайям и в своей врачебной практике. Ведь сан «ученый» в то время включал понятие табиб — «врачеватель». К капитальному труду Ибн Сины «Книга исцеления» Хайям обращался всю свою жизнь. Есть свидетельства, что последней книгой, которую он держал в руках перед смертью, была именно «Книга исцеления», раскрытая на главе о единственном и множественном... Почти восемь лет провел Омар Хайям в напряженном творческом поиске новых знаний. В это время появляются его выдающиеся работы по математике. Примерно в 25 лет он создает третий и самый знаменитый свой алгебраический трактат, прославивший его как ученого. К сожалению, в Европе слишком поздно узнали о работах Омара Хайяма. По этому поводу профессор А. П. Юшкевич писал: «Можно жалеть, что книга Хайяма осталась неизвестной европейской математике XV—XVI веков. Насколько раньше поставлен был бы вопрос о числовом решении кубического уравнения, насколько облегчена была бы работа новой высшей алгебры!»

В 1074 году молодой ученый и поэт становится руководителем обсерватории в Исфакханах — столице сельджукского султана Малик-шаха. В обсерватории Хайям проводит опыты, создает новый астрономический календарь и один за другим пишет математические труды. В главном из них — «Комментарии к трудностям во введениях книги Евклида» — он разрабатывает теорию отношений и учение о числе, его волнует также недостаточность доказательства Евклида о параллельных прямых. Работы Омара Хайяма стали важнейшим звеном в цепи исследований, закончившихся созданием в XIX веке неевклидовой геометрии Лобачевского и Римана.

На протяжении многих лет Омар Хайям постоянно возвращался к тревожащему его вопросу о смысле человеческой жизни. Во многих его четверостишиях содержится призыв ценить жизнь, так как она не бесконечна, и быть ответственным за каждый свой поступок:

Коль можешь, не тужи о времени бегущем,
Не отягчай души ни прошлым, ни грядущим,
Сокровища свои потрать, пока ты жив,
Ведь все равно в тот мир предстанешь неимущим.

Перед лицом неминуемой смерти Хайям умеет дорожить каждым мгновением жизни:

Если к чаше приник — будь доволен, Хайям!
 Если с милой хоть миг — будь доволен, Хайям!
 Высыхает река бытия, но покуда
 Бьет еще твой родник — будь доволен, Хайям!

Главным в жизни каждого человека, утверждал Омар Хайям, является стремление к познанию истины. Он писал: «Я не знаю» — это символ¹ движения к Истине, к Реальности к самому себе... Мудр, имеющий знания и искренне говорящий «Я не знаю», ибо он осознал, что путь бесконечен. Глупец же, говоря «Я знаю», считает, что он нашел истину, забыв, что истина — прежде всего движение от «Я не знаю».

Я для знаний воздвиг сокровенный чертог.
 Мало тайн, что мой разум постигнуть не смог.
 Только знаю одно: ничего я не знаю!
 Вот моих размышлений последний итог.

Последние годы жизни Омар Хайям провел в родном Нишапуре, обходясь с близкими ему по духу людьми, читая книги, размышляя о смысле жизни.

Мир Хайяма, отраженный в его рубайяте, в его трудах по математике и астрономии, в его философских трактатах, — это мир мучительных вопросов и загадок, с которыми сталкивается каждый мыслящий человек и на которые каждый по-своему пытается найти ответ в течение своей жизни.

По Ш. Султанову. К. Султанову

- ?
1. Чем заинтересовал и затронул вас рассказ о жизни и творчестве великого поэта Омара Хайяма?
 2. Что привлекает вас в личности Омара Хайяма?
 3. Какие помещенные в статье четверостишия (рубаи) вам особенно понравились?
 4. Чем оригинальны, т. е. не похожи, рубаи Омара Хайяма на стихотворения других, известных вам поэтов?

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

Интересно, что Хайям-поэт и Хайям-математик долгое время считались двумя разными людьми. Вероятно, путаница произошла по следующей веской причине. Во времена Хайяма ученые свои труды писали на арабском языке. Рубаи же не предназначались для широкой публики, они писались для себя в минуты раздумий и, конечно же, выливались на бумагу на родном языке. Затем рубаи получали распространение среди близких и друзей поэта, также говорящих на персидском. Поэтому в кни-

¹ Символ (от греч. *symbolon* — условный знак) — предметный или словесный знак, условно выражающий сущность какого-либо явления.

гах, написанных на арабском языке (языке ученых), о Хайяме говорят исключительно как о математике.

?

Как вы объясните, что выдающийся для своего времени ученый-астроном и математик Омар Хайям в настоящее время больше известен как поэт — автор непревзойденных по своему художественному совершенству рубаи?

РУБАИ

* * *

Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, — а где, скажите, дым?

Перевод О. Румера

* * *

Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это — я!»

Перевод Г. Плесецкого

* * *

Вот снова день исчез, как ветра легкий стон,
Из нашей жизни, друг, навеки выпал он.
Но я, покуда жив, тревожиться не стану
О дне, что отошел, и дне, что не рожден.

Перевод О. Румера

* * *

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Перевод О. Румера

* * *

О тайнах сокровенных невеждам не кричи
И бисер знаний ценных пред глупым не мечи.
Будь скуп в речах и прежде взгляни, с кем говоришь:
Лелей свои надежды, но прячь от них ключи.

Перевод Л. В.

* * *

Дружи с разумными людьми, чтобы не знать мытарства,
Беги за тридевять земель от подлого коварства.
Тебе отраву даст мудрец — отраву эту выпей,
Тебе лекарство даст подлец — не принимай лекарства.

Перевод С. Лапкина

Будь вольнодумцем! Помни наш зарок:
 «Святоша узок, лицемер жесток».
 Звучит упрямо проповедь Хайяма:
 «Кем хочешь стань, но сердцем будь широк!»

Перевод Л. В.

* * *

О, если б каждый день иметь краюху хлеба,
 Над головою кров и скромный угол, где бы
 Ничьим владыкою, ничьим рабом не быть!
 Тогда благословить за счастье можно б небо.

Перевод О. Румера

* * *

Прекрасно воду провести к полям!
 Прекрасно солнце кинуть в душу нам!
 И подчинить добру людей свободных
 Прекрасно, как свободу дать рабам.

Перевод Л. В.

* * *

О небо, ты души не чаешь в подлецах!
 Дворцы, и мельницы, и бани — в их руках;
 А честный просит в долг лепешки черствой...
 О небо, на тебя я плюнул бы в сердцах!

Перевод В. Державина

* * *

Добро и зло враждуют, мир в огне
 А что же небо? Небо в стороне.
 Проклятия и радостные гимны
 Не долетают к синей вышине.

Перевод И. Тхоржевского

* * *

Солнце пламенного небосклона — это любовь.
 Птица счастья средь чаши зеленой — это любовь.
 Нет, любовь не рыданья, не слезы, не стон соловья.
 Вот, когда умираешь без стога — это любовь.

Перевод В. Державина

Вопросы и задания

● Углубимся в рубаи Омара Хайяма

1. В чем заключается особенность чтения четверостиший Омара Хайяма? Можно ли сказать, что читать их настолько же легко, насколько они кратки?
2. Рубаи — это четверостишия и одна из самых распространенных форм лирической поэзии.
 Какой теме посвящены три первых четверостишия? О чем заставляет нас задуматься поэт? Каков смысл каждого рубаи?

3. О чем следует всегда помнить, по мнению Омара Хайяма, и как поступать в жизни, «чтоб мудро жизнь прожить»? Прочитайте выразительно те рубаи, в которых содержатся наставления поэта.
4. Мысли о справедливой и достойной жизни для каждого человека пронизывают многие рубаи Омара Хайяма. Выделите рубаи с таким содержанием. Какими чувствами они проникнуты?
5. Что вам нравится в стихах Омара Хайяма о любви? Как, по мнению поэта, может проявляться это чувство?
6. Почему рубаи Омара Хайяма относят к лирико-философским произведениям?
7. Какие рубаи Омара Хайяма вы хотели бы помнить всю жизнь и почему?

Для самостоятельной работы

8. Подготовьте выразительное чтение четверостиший Омара Хайяма, соблюдая правильный ритм и интонацию.
9. Вы уже имели возможность убедиться, что рубаи Омара Хайяма отличаются глубиной заключенного в них смысла. Вдумчивый читатель всегда догадывается об имеющемся в четверостишиях поэта недосказанном содержании. Каким образом метафоры, аллегории, интонация углубляют смысл стихов поэта?
Выучите два-три четверостишия Омара Хайяма наизусть.
10. Жанр рубаи успешно развивается в современной русской, украинской, азербайджанской и других литературах. Ознакомьтесь с рубаи известного украинского поэта Дмитра Павлычко: «Роби добро, — мені казала мати...», «Життя без книги — хата без вікна...», «Безсмертні всі: цей виховав дитину...».
11. Объясните, в чем заключены особенности лирического содержания рубаи украинского поэта?
12. Используя сборники поэзии и Интернет-ресурсы, познакомьтесь с рубаи современных русских поэтов Андрея Багинского, Владимира Орданского, азербайджанских — Микаила Мушфига, Гамлета Исаханлы и др. Наиболее понравившиеся из них прочитайте в классе и объясните свой выбор.

Для будущих филологов

1. Подберите понравившиеся вам рубаи Омара Хайяма, отражающие темы: жизни и смерти; человеческих добродетелей и пороков; прошлого, грядущего и настоящего; любви.
2. Прочитайте в классе на уроке те рубаи, которые, на ваш взгляд, наиболее совершенны по содержанию и форме. (Назовите темы, которым они посвящены, определите их художественные достоинства).

Шота РУСТАВЕЛИ

(конец XII — начало XIII веков)

**Руставелинапоминаетнам,современникам,
чтовеличайшейценностьюмираявляется
человек...Прекраснымидолжныбытьего
душа и тело, разум, чувство и деяния.**

И. Абашидзе

Созданная в XII веке в Грузии поэма «Витязь в тигровой шкуре» сегодня переведена почти на все языки мира. На русском языке она живет даже в нескольких переводах. Шота Руставели давно признан корифеем мировой поэзии.

Родина Шота Руставели — Грузия, страна многовековой культуры и традиций. В древности ее называли Иверией, точнее, так называлась ее восточная часть; западная же, расположенная на черноморском побережье, была известна как Колхида. Под этими двумя наименованиями и упоминается Грузия в исторических источниках Древней Греции и Рима. Позже, в V веке, когда был создан грузинский алфавит, в Грузии появилась собственная письменная история на грузинском языке. Параллельно с грузинской письменной историей возникает и грузинская письменная литература.

Кто же такой был Шота Руставели? Так же, как о Гомере и Шекспире, о нем почти не сохранилось ни биографических данных, ни исторических документов. Правда, кое о чем мы узнаем из его же поэмы.

Прежде всего, мы узнаем, что ее автор жил и творил в XII веке, в эпоху царицы Тамар. Такие строки поэмы: «Пораженный ею в сердце, я горю в огне горнила», — говорят о том, что поэт любил царицу. Некоторые ученые даже предполагают, что вся поэма Шота Руставели есть не что иное, как история этой его любви. Доказано также, что Руставели был министром финансов при царице Тамар.

Что касается происхождения поэта, то он сам пишет о себе: «Некий месх, стихотворец», то есть поэт из Месхети.

Месхети — часть южной Грузии на границе с Турцией. Там-то и находится родина Шота Руставели — Рустави. Сегодня это — маленькая, ничем не примечательная деревня недалеко от Боржоми. Здесь расположен сооруженный в XII веке город в скале — Вардзия, с замечательными фресками, изображающими царицу Тамару и членов ее семьи.

По преданиям, Руставели получил образование сначала на родине, потом продолжал занятия в Греции, в Афинах, где в те времена обучались многие грузины. Поэт, блестяще владея греческим, глубоко изучил литературу и философию, а также другие науки. Судя по поэме, Руставели великолепно знал античную философию, разные науки, много путешествовал по свету.

В старости Шота Руставели отправился в Палестину, и там, в Иерусалиме, в грузинском Крестовом монастыре поэта настигла смерть.

Этот монастырь был построен грузинами в V веке; на протяжении двенадцати веков он был одним из грузинских культурных центров. Из года в год писалась летопись этого монастыря, сохранившая для потомков события из жизни тех, чья деятельность протекала в его стенах. В записях, относящихся к первой четверти XII века, встречается имя «Шота Казначей», а также имеется «поминование усопшего» — Шота, подтверждающее версию о том, что Шота Руставели последние годы жизни провел именно в этом монастыре, здесь же умер и был погребен. В монастырской хронике сообщается, что, памятуя заслуги Шота Руставели перед монастырем во время восстановления его после «крестовых» войн, братия Крестового монастыря решила запечатлеть его образ в фреске на одной из колонн своей обители, что и было сделано.

Самая древняя рукопись бессмертного творения Шота Руставели датирована 1646 годом. Подлинник же «Витязя в тигровой шкуре» утерян. Может быть, он превратился в пепел в то время, когда грозный Джалаладдин в 1225 году сжег Тбилиси, или позже, при уничтожении христианских рукописей монголами на площадях Тбилиси. Возможно, он был изорван в клочья во времена набегов персидских кизилбашей или турецких аскеров. Многое было уничтожено и потеряно для Грузии в эти черные времена.

«Витязь в тигровой шкуре» впервые был напечатан и издан в 1712 году по инициативе и под редакцией основателя грузинской типографии царя Вахтанга. Он, видимо, изучил древние рукописи поэмы. На основе этих рукописей Вахтанг отредактировал текст поэмы и научно обработал его.

Воспетая в поэме повесть о любви разворачивается не в христианских, а в магометанских странах, в основном в Аравии и Индии. «Витязь в тигровой шкуре» победоносно прошел через все века и победоносно шагает сегодня навстречу будущему.

По И. Абашидзе

- ❓ 1. Какими главными событиями отмечена жизнь великого Шота Руставели?
2. Когда впервые была издана поэма Шота Руставели в Грузии?

РАСПИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

Шли века, а написанная на неведомом миру грузинском языке гениальная поэма Шота Руставели все еще жила только на своей родине, читателем и почитателем ее оставался только грузинский народ. В XIX веке на русский и английский языки были переведены лишь отрывки и отдельные главы. Публикация полного русского перевода поэмы, осуществленного Константином Бальмонтом, началась лишь в 1916 году. Вот что писал Бальмонт тогда: «Это лучшая поэма любви, огневой мост, связующий небо и землю. Руставели поднял в своей поэме на недостижимую высоту — и для той эпохи и для более поздних времен — имя человека. Поэт был уверен, что мир создан Богом для человека, а сам человек — частица божества. Поэтому человеку предназначено жить, творить и действовать, а не пребывать в плену зла».

По И. Абашидзе

- ?** 1. Что самое ценное в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» отметил Константин Бальмонт? Прокомментируйте его высказывание.
2. Используя Интернет-ресурсы, установите, как увековечена память о Шота Руставели в Грузии и в Украине. Подготовьте об этом сообщение.

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

(Отрывки)

В поэме рассказывается о том, как славный полководец индийского царства Таризэл разыскивает свою похищенную невесту Нестан-Дареджан. Облаченный в шкуру тигра, он скитается по свету в поисках своей возлюбленной. В это время доблестный военачальник аравийского царства Автандил, который любит юную царицу Тинатину, отправляется в дальний путь, чтобы выполнить ее поручение — разузнать о чужеземном рыцаре в тигровой шкуре. Тинатина обещает Автандилу стать его женой, если он вернется с доброй вестью. После трех лет скитаний и мытарств Автандил находит Таризэла. Они встречаются и становятся друзьями. Совместными усилиями они продолжают поиски Нестан-Дареджан. Чтобы освободить ее из плена, Таризэл и Автандил выдержали невероятные испытания, преодолели нестерпимые муки, совершили нечеловеческие подвиги, почти немислимые для простых смертных. Их усилия вознаграждаются победой. Благодаря героическим, самоотверженным деяниям, справедливость и добро торжествуют в поэме.

И смягчилось сердце девы,
Затуманился слезою
Взор её. Склонив колена,

Витязь вымолвил с тоскою:
«На влюблённого безумца,
Дева, можно ли сердиться?
Враг и тот его жалеет.
Пожалей и ты, сестрица!

Я — влюблённый, я — безумец.
Жизнь моя страшной недуга.
По велению царицы
Твоего ищу я друга.
Сжался, дева, надо мною,
Возврати меня к невесте,
Возврати безумца к жизни
Иль убей его на месте».

«Витязь, — дева отвечала, —
Вижу я, что ты страдаешь,
Но помочь тебе сумеет
Только тот, кого ты знаешь.
В шкуру тигра облачённый,
Он зовётся Тариэлом.
Я — Асмат, его рабыня.
Горько мне на свете белом.

Мой несчастный повелитель
Возвратиться должен вскоре.
Пусть он сам тебе расскажет
Про любовь свою и горе.
Я устрою так, чтоб витязь
Полюбил тебя как брата.
Отдохни и успокойся:
Ждёт влюблённого награда».

И в ответ на эти речи
Шум донёсся из ущелья.
Конь, прекрасный как Мерани,
Полон дикого веселья,
Из реки на берег вышел,
И седок, луне подобный,
Весь светился бледным светом
Над дорогою неровной.

В глубине пещеры тёмной
Быстро спрятав Автандила,
Дева встретила скитальца
И светильник засветила.
Витязь снял свои доспехи,
Молчаливо сел за ужин.

На щеках застыли слёзы —
Две слезы светлей жемчужин.

«Витязь, — дева говорила, —
День за днём идут напрасно,
По горам скитаться трудно,
По лесам бродить опасно.
Ты умрёшь — она погибнет.
Разве в том твоя заслуга?
Тяжело тому в несчастье,
Кто найти не может друга».

«Ах, — ответил бедный витязь, —
Кто же нам с тобой поможет?
Кто поймёт, какое горе
День и ночь мне сердце гложет?
Только я один родился
Под несчастною планетой.
Одинок я в этом мире,
Нет мне друга в жизни этой».

«Тяжко слышать эти речи, —
Робко вымолвила дева. —
Если б я не опасалась
Твоего, мой витязь, гнева,
Я нашла бы человека,
Чьей гордиться можно дружбой,
Он пошёл бы за тобою
И служил бы верной службой».

«Я клянусь тебе! — воскликнул
Тариэл. — Клянусь любимой!
Пусть я стал подобен зверю,
Безутешный, нелюдимый, —
Если кто мне будет другом,
Я приму его как брата,
Полюблю его навеки,
Как умел любить когда-то».

И когда на зов девицы
Появился Автандил,
Тариэл навстречу вышел
И глаза в него вперил.
Были витязи как солнце;
Как луна, сияли оба.
Поцелуй скрепил их дружбу
Беззаветную до гроба.

Тариэл воскликнул: «Витязь!
Я молю тебя: открой,

Кто ты, сходный с кипарисом?
Из страны пришёл какой?
Удостой безумца дружбой!
Смерть и та меня забыла.
Роза инеем покрыта,
Сердце сжалось и застыло».

Автандил ответил: «Витязь,
Лев, кому подобных нет!
Я — араб. В стране далёкой
Я увидел божий свет.
Там у царского престола
Сердце отдал я царице.
Жжёт меня огонь любовный,
Разум горестный томится.

Помнишь день, когда, скитаясь,
Встретил царских ты рабов,
Как разбил их и рассеял,
Как исчезнул без следов?
Мы тебя искали всюду.
Но напрасно мы искали.
Весь дворец пришёл в унынье,
Царь был болен от печали.

И сказала мне царица:
«Если ты найдёшь героя

Кобуладзе С.С.

Иллюстрация к поэме. 1935–1937 гг.

И вернёшься с доброй вестью,
Буду я твоей женою».
Третий год к концу подходит —
Мы в печали и разлуке.
Как, скажи, не разорвалось
Сердце бедное от муки?

Сквозь леса я шёл и горы,
Через реки и пустыни,
Наконец, как солнце в небе,
Повстречал тебя я ныне.
И судьбу благословил я,
И готов служить тебе я,
Быть с тобой до самой смерти,
О прошедшем не жалея».

Изумлённый этой речью,
Таризэл воскликнул: «Боже!
Есть ли что-нибудь на свете
Друга верного дороже!
Уж таков закон влюблённых:
Все они друг другу братья.
Разлучив тебя с любимой,
Чем тебе могу воздать я?

Как сумею рассказать я,
Почему, забыв людей,
В шкуру тигра облачённый,
Я живу среди зверей?
Лишь уста свои открою —
Упаду я бездыханный,
Неземным огнём сожжённый,
Смертной мукой обуянный.

Встань, Асма, сестра родная,
Принеси кувшин с водой.
Как начну терять рассудок,
Наклоняйся надо мной,
Увлажняй мне грудь водою,
Чтоб опять вернулись силы.
А умру — да будет домом
Мне холодный мрак могилы».

И, отбросив шкуру тигра,
И прекрасен и могуч,
Витязь был подобен солнцу,
Что мерцает среди туч.
Он открыл уста и вскрикнул,

Не сумев сдержать рыдания.
Наконец, собравшись с духом,
Начал он повествование.

СКАЗАНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Моление Автандила светилам

О печальный мир, скажи мне,
В чем твоя сокрыта тайна?
Что ты гонишь человека
И гнетешь необычайно?
Ты ведешь его откуда
И смешаешь где с землею?
Только Бог один заступник
Всем, отвергнутым тобою!

Разлученный с Тариэлом,
Автандил в дороге плачет:
«Горе мне! В тоске и муке
Снова путь далекий начат.
Так же нам трудна разлука,
Как свиданье после смерти.
Человеческие души
Равной мерою не мерьте!»

Звери вокруг него толпились,
Слезы горестные пили.
Душу, полную печали,
Он сжигал в своем горниле.
Образ нежный Тинатины
Вспоминал он, полон муки, —
Розы губ полуоткрытых
Были скорбны от разлуки.

Вяла роза, увядала
Ветвь прекрасного алоэ,
Потемнел кристалл точеный,
И рубин померк от зноя,
Но шептал он сам с собою,
Чтобы сердце укрепилось:
«Что дивисься, сердце, мраку,
Если солнце закатилось?»

И воззвал тогда он к солнцу:
«Солнце! Образ Тинатины!
Оба вы с моей царицей
Освещаете долины.
Я, безумный, я, влюбленный,

Упиваюсь вашим светом.
Ах, зачем мое вы сердце
Оттолкнули несогретым!

Если солнце угасает,
Людям холодно зимою.
Не одно, но два светила
Ныне гаснут надо мною, —
Как же мне в беде не плакать?
Лишь утес не знает боли.
Нож — плохой больному лекарь:
Ранит тело поневоле».

И опять, взглянув на солнце,
Витязь жаловался бедный:
«Солнце, Солнце! В дальнем небе
Ты свершаешь путь победный,
Ты смиренных возвышаешь,
Счастье им даешь и силу.
Возврати меня к царице,
Будь защитой Автандилу!

О Зуал, планета скорби!
Ты умножь мои стенанья,
Положи на сердце траур,
Тьмой окутай мирозданья,
Бремя тяжкое унынья
Возложи ты мне на плечи,
Но скажи ей: «Твой любимый
О тебе грустит далече».

О Муштари! Над Землею
Ты судья благочестивый.
Вот пришли на суд два сердца —
Рассуди их, справедливый!
Не губи души, владыка,
Бессердечным приговором, —
Прав я, прав! Но ранен в сердце
И пронзен прекрасным взором.

О Марих, звезда сражений!
Бей меня копьем могучим,
Грудь мою без сожаленья
Обагри потоком жгучим,
Но, молю тебя, царице
О моих скажи страданиях —
Видишь, как томлюсь я ныне,
Обезумевший в скитаньях!

Аспироз, звезда любви,
На мои склонись моления!
Помоги мне: я сгораю
От любовного томленья!
Украшаешь ты красавиц
Беспримерной красотой, —
Я красавицей погублен,
Сжался, сжался надо мною!

Отарид, с твоей судьбою
Я судьбу свою равняю:
Солнце властвует тобою,
От него и я сгораю.
Опиши мои мученья!
Вот из слез моих чернила,
Пусть пером тебе послужит
Стан иссохший Автандила.

О Луна, твой лик прекрасный
То в ущербе, то в расцвете.
Так и я, по воле Солнца,
То сильнее всех на свете,
То слабее самых слабых.
Не покинь меня, молю я,
Расскажи моей царице,
Как скитаюсь я, тоскую.

Вот свидетельствуют звезды,
Наклоняясь надо мною,
Солнце, Отарид, Муштари
И Зуал полны тоскою,
Аспироз, Марих с Луною
На мои взирает муки, —
Не покинь меня, царица,
В день печали и разлуки».

И опять сказал он сердцу:
«Сердце, полно убиваться!
Дьявол нас подстерегает.
Чтоб над нами надругаться.
Над челом моей царицы
Реют вороновы крылья.
Чтобы радость к нам вернулась,
Собери свои усилия.

Если я в живых останусь,
Если мужественным буду, —
Может быть, увижу солнце

И о муках позабуду».
Сладко пел прекрасный витязь,
Слез поток струился, дробен.
Соловей пред Автандилом
Был сове лесной подобен.

Слыша пенье Автандила,
Звери плакали лесные,
Из реки на берег камни
Выходили, как живые,
И внимали, и дивились,
И напев его печальный
Заставлял их горько плакать
Над душой многострадальной.

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

О том, как Автандил возвратился в пещеру

Год прошел, весна настала —
Трав зеленых прозябанье.
Уж цвели повсюду розы,
Приближая миг свиданья.
Солнце утром поднималось
В доме нового созвездья.
Витязь, море переехав,
Дорогие вез известья.

Небо внешнее гремело,
Выпадали ночью росы.
Побледневшими устами
Целовал скиталец розы,
И шептал он им: «О розы!
О цветы любви невинной!
Только вы одни остались
Мне в разлуке с Тинатиной».

Витязь ехал по долинам,
Пропадал в пустынях жгучих,
В дикой чаще тростниковой
Убивал зверей могучих.
Вспоминая Тариэла,
Слезы горестные лил...
Наконец достиг пещеры
И коня остановил.

Недалеко от пещеры,
Над пустынную рекою,

Тариэл стоял могучий,
Попирая льва ногою.
Меч, залитый алой кровью,
Трепетал в его руке;
Конь, прекрасный как Мерани,
Мирно пасся вдалеке.

Братья в радости сердечной
Крепко обняли друг друга.
«Здесь, — сказал печальный витязь,
Умирал я от недуга,
Слез кровавыми струями
Омывал очей агат,
Но, тебя увидев ныне,
Все забыл я, милый брат».

Автандил, смеясь, воскликнул:
«Время розе обновиться!
Нету надобности боле
Одинокому томиться.
Получил я о царевне
Утешительную весть.
Есть еще на свете правда
И надежда также есть».

Автандил в куске вуали,
Подал витязю посланье.
Побледнел несчастный витязь,
Прекратилось в нем дыханье,
Пал на землю он, как мертвый.
Стража черная ресниц
Над закрытыми очами,
Трепеща, склонилась ниц.

Автандил на тело друга
Пал, рыдая безутешно.
«Горе мне! — сказал несчастный.
О, зачем я так поспешно
Это яростное пламя
Потушить хотел, глупец?
Неожиданная радость —
Гибель пламенных сердец».

Кровью льва из черной раны
Брызнул он на темя друга.
Тариэл зашевелился
И очнулся от недуга.
Стража черная открыла

Очи дивной глубины;
Вдалеке от света солнца
Стал лазурным луч луны.

Не живут зимою розы —
Губят их снега и стужи:
Летом, в засуху, от солнца
Им еще бывает хуже.
Таково людское сердце:
Горе, радость ли — оно
И безумствовать на свете
И сгорать осуждено.

Плача горькими слезами,
Тариэл читал посланье.
«Что ты плачешь? —

друг воскликнул.

Срок окончен испытанья,
Время радости пришло.
Завтра сядем на коней
И отправимся в Каджети
За невестою твоей».

И воспрянул дух страдальца,
И воскликнул он, ликуя:
«Отплатить тебе до смерти,
Милый брат мой, не смогу я!
На цветок, засохший в поле,
Ты излился, как родник,
Осушил мои ты слезы,
Прямо в сердце мне проник».

И пошли они к пещере
С песней мира и привета.
У дверей Асмаг сидела,
Вся в слезах, едва одета.
Страх ее объял великий:
Витязь, в горести своей
Вечно плачущий о деве,
Ныне пел, как соловей!

Помутилось в ней сознание,
Но они, смеясь, кричали:
«О Асмаг, творец всевышний
Исцелил нас от печали.
Мы нашли царевну нашу.
Вот послание ее!
Отвела судьба от сердца
Всемогущее копьё».

Увидав знакомый почерк
Госпожи своей любимой,
Громко вскрикнула рабыня,
И, подобно одержимой,
Затряслась, как в лихорадке,
И сказала: «О творец,
Неужели нашим мукам
Приближается конец?»

И, рыдая, Таризэла
Обвила она рукою.
Пали витязи на землю
С благодарственной мольбою.
И вошли они в пещеру,
И жаровню разожгли,
И, уставшие с дороги,
Подкрепились чем могли.

И, склоняясь к Автандилу,
Таризэл сказал: «Когда-то
Тут в пещерах жили дэвы
И привольно и богато.
Проезжая по дороге,
Перебил я всех чудовищ,
Поселился в их пещере,
Но не трогал их сокровищ.

Не хотел я раньше видеть,
Что скрывало это племя.
Распечатать их богатства
Лишь теперь настало время».
И повел он Автандила,
И они в проходах тесных
Сорок входов отворили
В сорок комнат неизвестных.

И лежали там богатства
Многочисленные кучей —
Отшлифованные камни,
Дивный жемчуг, самый лучший.
Много было там жемчужин
С крупный мяч величиною;
Груды золота сияли
И звенели под ногою.

Так прошли они вдоль комнат
И вступили в зарадхану —
Кладовую для оружия,

Что под стать любому хану.
Укреплен на длинных крючьях,
Там убор висел военный,
И стоял посередине
Там ковчег запечатленный.

И была на крышке надпись:
«Здесь для воинской потехи
Острый меч лежит басрийский,
Шлем с забралом и доспехи.
Если каджи к нам нагрянут,
Мы отплатим им сторицей.
Кто оружие похитит,
Будет тот царевубийцей».

Таризэл приподнял крышку.
В длинных яхонтовых ложах
Там лежали три убора,
На другие непохожих, —
Три меча, три светлых шлема,
Три блестящие кольчуги,
Наколенники стальные
И щитов литые круги.

Быстро витязи оделись
И сразились для примера.
От воинственного шума
Содрогнулась вся пещера.
Но кольчуги не согнулись,
Шлемы также устояли,
И мечи простые латы,
Как бумагу, рассекали.

«Славный знак! — сказали братья.
Сам господь нам оборона!»
Взяли три они убора —
Для себя и для Фридона,
Горстью злата зачерпнули
И отсыпали жемчужин.
И в пещеру возвратились
Продолжать веселый ужин.

Нарисуй мне здесь, художник,
Этих славных побратимов,
Этих храбрых и влюбленных
Полководцев-исполинов.
Скоро грянет час сраженья,
И увидите вы, дети,

Как они с врагом сразятся
В заколдованном Каджети!

СКАЗАНИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Взятие Каджети

Царь Фридон сказал героям:
«Вот, друзья, мое решение:
Если мы пойдем на приступ,
Будет страшное сражение.
Обречь себя на гибель
Было б слишком безрассудно:
Тут хоть сотню лет сражайся,
Взять ворота будет трудно.

С детства силу развивая,
Был я славным акробатом,
Перепрыгивал канавы,
Ловко бегал по канатам.
Кто из вас на выступ башни
Мой аркан закинуть может?
Пролетев над головами,
Он врагов не потревожит.

По натянутой веревке
Мне пройти — пустое дело.
Лишь миную я ворота,
Спрыгну на землю умело.
Налетев, подобно вихрю,
Перебью врагов без счета,
Проложу мечом дорогу
И открою вам ворота».

Автандил сказал Фридону:
«Ты Фридон, известный воин,
Силой рук ты льву подобен
И похвал иных достоин.
Хороши твои советы
И заслуги боевые,
Но взгляни, как близко к башне
Ходят эти часовые.

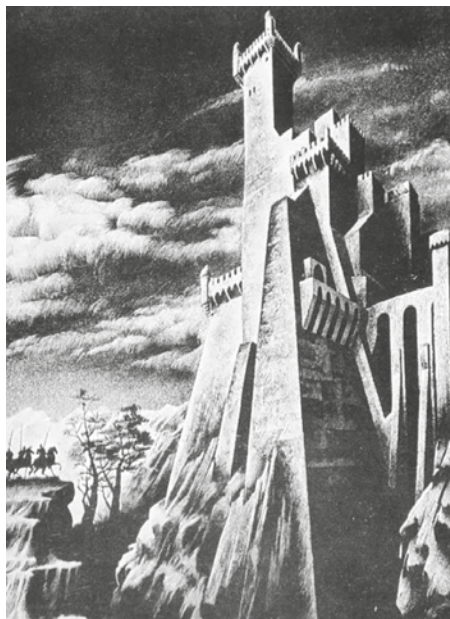
Слыша звяканье оружия
И кольчуги легкий скрежет,
Стража вмиг тебя заметит
И веревку перережет.
Дело плохо обернется,
И погибнешь ты напрасно.

Принимать совет твой нынче
Безрассудно и опасно.
Если здесь плоха надежда
На военные успехи,

Под купеческим кафтаном
Лучше скрою я доспехи.
Погоняя веткой мула,
Нагруженного поклажей,
Я пройду через ворота
И пропущен буду стражей.
В это время вам с отрядом
Нужно в скалах притаиться.

Если в городе со мною
Ничего не приключится,
Перебью я эту стражу
И ворота вам открою.
Вы появитесь внезапно
И ворветесь вслед за мною».
Тариэл сказал: «Я знаю,
Вы готовы драться смело.

Одного меня оставить
Вы желаете без дела.

Кобуладзе С.С.

Иллюстрация к поэме. 1935–1937 гг.

Нет, друзья, царевна с башни
 Всех увидит нас в бою.
 Если я не буду биться,
 Потеряю честь свою.
 Мой совет вернее ваших:
 На три малые отряда,

По сто всадников на каждый,
 Нам разбиться нынче надо.
 Лишь заря займется в небе,
 К трем воротам с трех концов
 Подлетим мы и с собою
 Приведем своих бойцов.
 Увидав, что нас немного,
 Каджи бросятся навстречу,
 От ворот мы их отрежем
 И затеем с ними сечу.

Кто успеет, тот в ворота
 Пусть прорвется на коне —
 Там пускай он погуляет
 И потешится вдвойне».
 Царь Фридон сказал с улыбкой:
 «Понял я, что это значит:
 Конь его подарен мною,
 Он быстрее всех доскачет.

Знай об этом я пораньше,
 Не расстался б я с конем,
 В крепость первым бы ворвался
 И оставил вас вдвоем».
 Посмеявшись этой шутке,
 Братья так и порешили
 И отряд бойцов могучих
 На три части разделили.

Уж светлело на востоке.
 Приближался лютый бой.
 Приближалось исполнение
 Изреченного судьбой.
 Видел этих я героев,
 Видел я сражение это.
 Семь планет их покрывали
 В эту ночь столпами света.

Таризэл, подобный солнцу,
 На коне сидел могучем,
 И твердыню пожирал он

Взором пламенным и жгучим.
 Этих витязей отважных
 С горным я сравню потоком.
 Низвергаясь с гор высоких,
 Мчит в ущелье он глубоко.
 И ревет, и тяжело воет;
 Наконец, впадая в море,

Успокоенный, смолкает
 И несется на просторе.
 Автандил был воин грозный,
 И Фридон был крепок телом,
 Но никто из них сразиться
 Не желал бы с Таризэлом...
 Рассвело. Планеты скрылись,
 И померкнули Плеяды.

Таризэл с двумя друзьями
 Тихо вышел из засады.
 Словно путники простые,
 Шли они неторопливо.
 Стража их не испугалась
 И ждала их терпеливо.
 Но, проехав полдороги,
 Братья гикнули и вдруг,

Словно вихорь, полетели.
 И за каждым — сотня слуг.
 Крепость вздрогнула от крика.
 На дорогу пали трупы.
 Барабан вверх ударил,
 На стене завывли трубы,
 Но друзья, надвинув шлемы,
 Путь расчистили.

И вот Беспощадный и кровавый
 Грянул бой у трех ворот!
 И тогда постиг Каджети
 Божий гнев неизмеримый.
 Злобный Хронос, глядя с неба,
 Проклял город нелюбимый;
 Опрокинул он на землю
 Колесо небесных сводов,
 И повергнутые трупы
 Пали горами у входов.

Мощный голос Таризэла
 Заставлял терять сознание.

Витязь рвал мечом кольчуги,
 Рушил латы, одеянья.
 Осажденные ворота
 Стража бросила с испугом.
 Братья в город устремились
 И ворвались друг за другом.

Лев Фридон, залитый кровью,
 Скоро встретил Автандила.
 Братья обняли друг друга,
 Радость их преобразила.
 Враг бежал куда попало,
 Оставляя груды тел...
 Но никто из них не видел,
 Где сражался Тариэл.

С криком гнева и печали
 Братья бросились к воротам,
 Но в живых от целой стражи
 Не осталось никого там.
 Смотрят братья: смерть повсюду,
 Кровь рекой, и стон, и ад,
 И разбитые ворота
 С петель сорваны, лежат.

Десять тысяч лучших стражей
 Пало здесь. И стало ясно,
 Что могучий их товарищ
 Здесь рубился не напрасно.
 Братья к башне устремились,

Где зиял подземный ход,
 И, готовые к сраженью,
 Смело бросились вперед.

Поднялись они и видят:
 Возвышаясь над толпою,
 Тариэл стоит на башне
 С обнаженной головою.
 И разлука и скитанья —
 Все осталось позади,
 И прекрасная царевна
 На его лежит груди.

Солнце так встречает розу,
 Так Муштари справедливый
 И Зуал — звезда печали, —
 Заключив союз счастливый,
 Благодатными лучами
 Заливают небосвод...
 Только тот узнает счастье,
 Кто печаль перенесет.
 Так закончилось сраженье
 В честь героя Тариэла.
 Из бойцов его лишь только
 Половина уцелела —
 Остальные пали в битве
 На развалинах Каджети...

Перевод Н. Заболоцкого

Вопросы и задания

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. Какое впечатление произвело на вас описание встречи Автандила с рабыней Асма? Как разрешается напряженная сцена их разговора?
2. Благодаря чему возникает понимание и примирение между ними? Какие строки их диалога подкупают читателя своей искренностью и человечностью?
3. Что, по-вашему, покоряет читателя в описании первой встречи Тариэла и Автандила? Прочитайте выразительно строки, говорящие о благородстве витязей.

● Углубимся в текст поэмы

4. Во времена Шота Руставели в представлениях живущих между небом и землей, то есть между Богом и людьми, была целая пропасть. Поэт же всем содержанием «Витязя в тигровой шкуре» утверждает неразделенность божественного и человеческого. Он постоянно сравнивает своих любимых героев с солнцем, его сиянием, а солнце для поэта — проявление божественного.

Найдите подтверждение этому в сказаниях «О том, как Автандил встретился с Тариэлом» и «Моление Автандила светилам».

5. Только ли в мольбах к светилам видит Автандил путь к осуществлению своего заветного желания? Ответьте на этот вопрос словами текста и прокомментируйте их.
6. Какие поэтические средства передают силу любви и глубину душевных страданий Автандила?
7. Как следует понимать строки: «Человеческие души Равной мерою не мерьте»?
8. Как описывается радость встречи Тариэла и Автандила в сказании «О том, как Автандил возвратился в пещеру»? Прочитайте выразительно самые волнующие строки из этого сказания.
9. На протяжении всей поэмы автор открыто выражает свою любовь и восхищение витязями Тариэлом и Автандилом. Благодаря каким поэтическим средствам это отношение передается читателю? Зачитайте соответствующие отрывки из поэмы.
10. Заметьте, что витязи в поэме часто не скрывают своих слез, горячо и страстно выражают мысли и чувства.
Какие характерные черты национального грузинского характера проявляются у них при этом?
11. «Витязь в тигровой шкуре» — героическая поэма. Какие подвиги и во имя чего совершают герои поэмы?
12. Поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» содержит много метких и ярких выражений — афоризмов. Отметьте их и объясните смысл каждого.
13. На протяжении веков в Грузии самым ценным приданым для невест считалась книга «Витязь в тигровой шкуре». Грузины вместе со Святым Писанием клали у своего изголовья «Витязя в тигровой шкуре». Как вы думаете, почему поэма Шота Руставели стала таким бесценным сокровищем для грузинского народа?
14. Какими знаниями о выдающихся литературных произведениях средневековья вы обогатились, познакомившись с поэмой Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»?

Для самостоятельной работы

15. Подготовьте краткие устные изложения сказаний поэмы, повествующих о том, как Тариэл и Нестан-Дареджан полюбили друг друга, о похищении и освобождении царевны.
16. Подготовьте выразительное чтение сказания «Моление Автандила светилам».
17. Прочитайте самостоятельно всю поэму «Витязь в тигровой шкуре».
18. Используя Интернет-ресурсы, установите, кто переводил поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на русский и украинский языки.
19. Подготовьте видеоряд иллюстраций к поэме «Витязь в тигровой шкуре» художников С. Кобуладзе, В.Гудиашвили, И. Тоидзе, М. Зичи и др. для демонстрации их в классе.

Для будущих филологов

Создайте устное сочинение на тему: «Воплощение величия человеческого духа в поэме «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели».

УЧИМСЯ БЫТЬ КОМПЕТЕНТНЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

О героическом в литературе

Героизм (от греч. *heros* – герой) — свершение выдающихся по своему общественному значению действий, требующих от человека личного мужества, стойкости, готовности к самопожертвованию.

Мы знаем много примеров проявления героического в жизни: люди, жертвуя собой, защищают свое отечество, спасают при пожарах, наводнениях и других бедствиях.

В произведениях художественной литературы проблема героического — одна из главных и одна из самых интересных и волнующих для читателей. Вспомним, какой подвиг совершают отец и сын в балладе Р. Стивенсона «Вересковый мед»? Ценой собственных жизней они не выдают врагам тайну рецепта изготовления верескового напитка. В балладе А. Мицкевича «Свitezь» погибают все защитники древнего города, но память об их подвиге остается в веках.

Герои поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» также преодолевают тяжелые испытания и лишения. В своих поисках они годы странствуют по пустыне, смело вступают в неистовое сражение с врагами. Пламенными и грозными воинами, храбрыми полководцами-побратимами называет автор своих любимых героев Таризла и Автандила. Не щадя себя, они не отступают ни перед какими преградами и побеждают во всех испытаниях.

Таким образом, поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» — **героическая поэма**, прославляющая мужество, стойкость героев, готовых к борьбе и самопожертвованию ради торжества любви и верности.

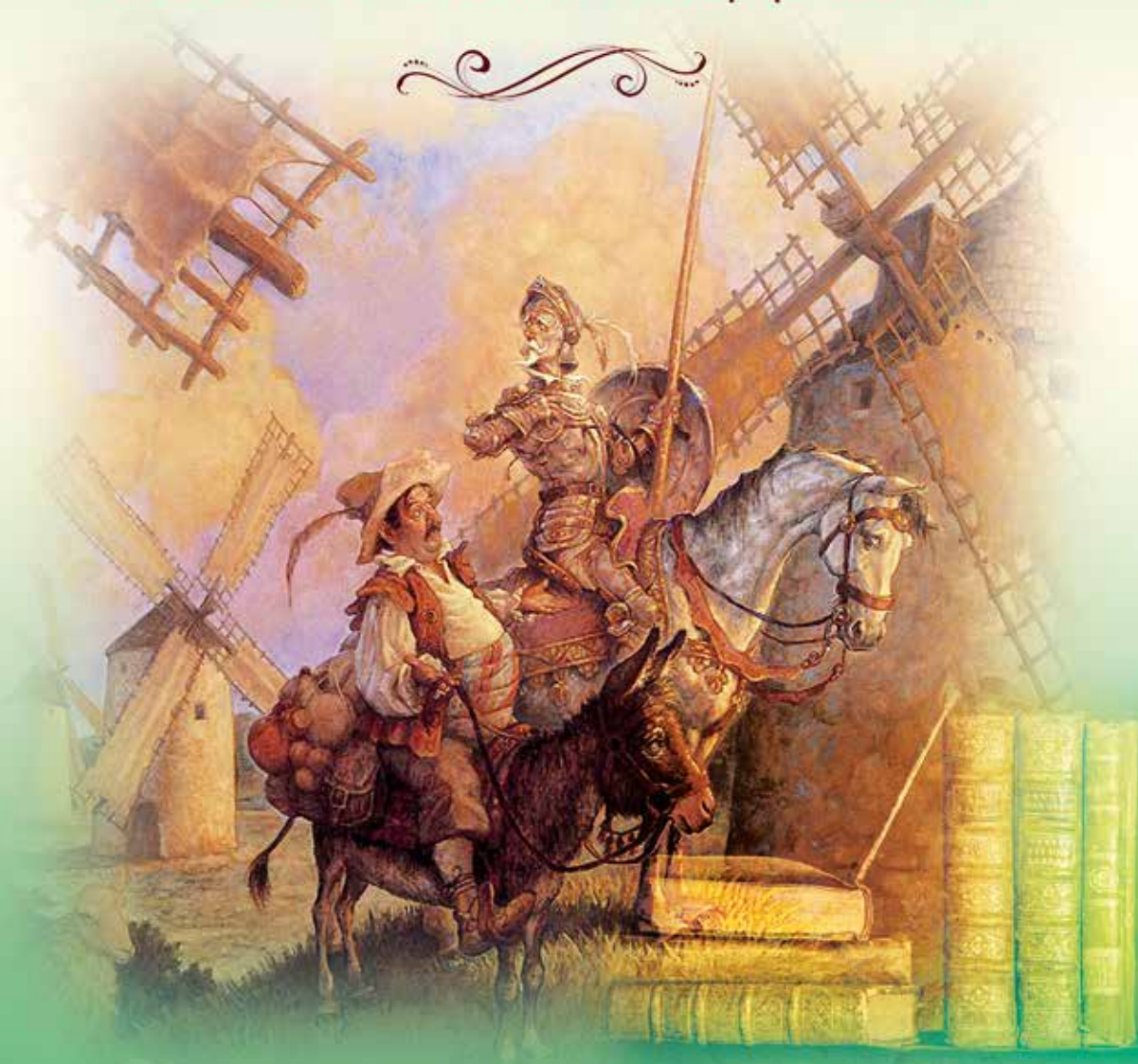
1. Объясните значение понятия «героизм».
2. Почему поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» — это героическая поэма?

ПРОВЕРИМ СВОЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

1. Назовите выдающихся поэтов Ближнего Востока и Средней Азии. Почему их поэзия считается классической и входит в сокровищницу мировой литературы?
2. Какое значение имело для вас знакомство с произведениями Омара Хайяма? Какие его рубаи вы знаете наизусть?
3. В чем заключается художественное своеобразие жанра рубаи? Почему рубаи относят к лирическим произведениям?
4. В чем проявляется величие подвига в героической поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»?
5. Какие общечеловеческие ценности утверждаются в этой поэме?

**«ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ И
ОБРАЗЫ»
В ЛИТЕРАТУРЕ
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ**

...Врезанные в память письма Бегущие столетья не сотрут.

В. Шекспир

1. Что вы знаете об эпохе Возрождения, с которой знакомились на уроках истории в 7 классе? Какое время она охватывает?
2. Почему эта эпоха имеет такое название? Какими культурными достижениями отмечен этот период истории?
3. Кто такие гуманисты? С какими новыми явлениями в жизни того времени связано их появление?
4. Какие вам известны имена выдающихся художников, скульпторов, писателей эпохи Возрождения?
5. Примите участие в подготовке проектов «Великие культурные достижения эпохи Возрождения» (подготовьте краткие сообщения о выдающихся представителях этого времени: Томасе Море, Эразме Роттердамском, Иоганне Гутенберге, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэле и др. Организуйте выставку иллюстраций картин художников и подготовьте видеоматериалы произведений искусства эпохи Возрождения).

Ромео и Джульетта, Гамлет, Дон Кихот — литературные герои, созданные гением ярчайших писателей разных стран Европы в эпоху Возрождения. Их образы, символизирующие силу всепобеждающей любви, стремление противостоять несправедливости и злу, защищать бедных и обездоленных, продолжают вот уже на протяжении четырехсот лет волновать сердца людей в разных уголках мира. Ставшие необходимыми спутниками множества поколений читателей, зрителей, они получили название «вечных образов», так как давно вышли за пределы не только своих произведений, но и своего времени. Почему же, как и в давние времена, так и сегодня, они не перестают вдохновлять и наших современников на создание новых фильмов, спектаклей, произведений изобразительного и музыкального искусства?

Эпоха Возрождения, или Ренессанса (от франц. *renaissance*), — это время расцвета культуры стран Европы после долгого застоя. Оно охватывает XIV—XVI века и знаменует собой переход от Средневековья к новому времени.

В этот период в европейских странах происходит освобождение людей от феодально-крепостнической зависимости, стремительно растут города, развиваются мировая торговля и книгопечатание, совершаются великие географические открытия. Люди все больше начинают верить в свои силы и все меньше боятся средневековых запретов. Ослабевают влияние церкви на жизнь общества. Возрождается интерес к античным временам, когда главное внимание уделялось личности человека и его возможностям совершенствования. В искусстве и науке провозглашаются вера в силу и красоту человека, уважение к его разуму, воспеваются его отважные

дела и смелые мысли. Таких поэтов, художников, скульпторов, ученых современники стали называть гуманистами (латинское слово *humanus* означает «человеческий»).

Самые первые гуманисты появились на итальянской земле в XIV веке. Для этого было много причин. Крепостное право в Италии отжило свой век раньше, чем в других странах; здесь раньше, чем на севере, начали развиваться торговля и промышленность, выросли большие города, появились первые наемные рабочие. Именно в Италии раньше, чем в других странах, под натиском нового отступали старые порядки, а вместе с ними и старые взгляды Средневековья.

На земле Италии сохранилось много памятников культуры древнего Рима. Из древней Греции сюда еще во времена античности было вывезено много замечательных произведений искусства. В памятниках искусства и литературы римской и греческой древности гуманисты увидели изображение прекрасного, сильного, гармонически развитого человека. Благодаря деятельности гуманистов были найдены, сохранены, изучены, возрождены произведения искусства и идеи античной древности. Отсюда и происходит название — Возрождение. Вскоре это понятие приобрело более широкий смысл: оно стало означать не только возрождение старых, но порождение Новых культурных ценностей.

Эпоха Возрождения стала временем нового, невиданного расцвета литературы и искусства.

Гуманисты были людьми необыкновенной широты интересов. Замечательный пример этому — Леонардо да Винчи. Гениальный скульптор, художник и теоретик искусства, он был также выдающимся механиком и математиком, проектировал плотины и крепости, размышлял над устройством летательных аппаратов, сочинял притчи и басни, высказывал догадки о происхождении гор, изобретал станки и машины. Эпоха Возрождения знала и других людей, которые совмещали в себе поэта и зодчего, или скульптора и философа, или дипломата и врача.

Итальянские гуманисты: Петрарка, Данте, Джотто, Боккаччо, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Тициан — создали непревзойденные по красоте и гармонии художественные творения.

Вечными литературными памятниками стали произведения таких выдающихся поэтов и писателей эпохи Возрождения, как Данте Алигьери и Франческо Петрарка (Италия), Вильям Шекспир (Англия), Франсуа Рабле (Франция), Мигель Сервантес (Испания), Эразм Роттердамский (Германия) и др. Их произведения, посвященные вечным темам любви, свободы, торжества правды и справедливости, утверждают высшие человеческие ценности и поэтому до сих пор волнует читателей всех стран и народов.

- ?
1. Почему обращение к временам античности способствовало становлению эпохи Возрождения?
 2. Какие духовные ценности провозгласили гуманисты?
 3. Какие произведения Шекспира, Сервантеса вам известны? Расскажите, каким образом состоялось ваше знакомство с ними.

Вильям ШЕКСПИР

(1564—1616)

Первая же страница Шекспира, которую прочитал, покорила меня навсегда, а долев первую его вещь, я стал как слепорожденный, которому чудотворная рука врударовала зрение.

И.В. Гете

Вильям Шекспир — великий английский драматург и поэт эпохи Позднего Возрождения. Созданные им четыре столетия назад пьесы и сегодня волнуют и потрясают воображение зрителей и читателей. Лучшие театры мира и выдающиеся актеры считают для себя честью и счастьем поставить и сыграть шекспировский спектакль.

Мы до сих пор очень мало знаем о Шекспире. Для своих современников он был только актер и драматург — занятие далеко не самое почтенное, как считалось в Англии на рубеже XVI—XVII веков. Сочинителей пьес даже не относили к кругу писателей. Работать им приходилось усиленно. Театр был любимым зрелищем и аристократов, и бедноты, а значит, была потребность в новых пьесах. После их постановок оставался лишь рукописный экземпляр, по которому актеры разучивали свои роли.

Только после смерти Шекспира вышло первое издание его сочинений, и почти сразу родилась легенда, будто Шекспир — только псевдоним, под которым скрылось некое известное в обществе лицо. Кто именно, об этом спорили целые века. Почему? Да потому, что сведения о Шекспире были крайне скудны. Кроме того, ни до Шекспира, ни после него английская поэзия не знала такого богатства мыслей, образов, чувств. А доступно ли было все это выразить в те времена человеку неродовитому и едва образованному? Ведь Шекспир не смог кончить даже школы, не говоря уж об университете. Поколения шекспироведов буквально по крупицам восстанавливали хронику его дней и трудов.

Вильям Шекспир родился в провинциальном английском городке Стратфорде. Трудное материальное положение отца, скромного ремесленника и торговца, вынудило его рано оставить школу и помогать семье. В 1585 году Шекспир покидает родной город и приезжает в Лондон, где вскоре начинает свою театральную деятельность как актер и драматург. Около пятнадцати лет он играл на сцене. И писал пьесы для своей знаменитой труппы — театра «Глобус».

Творчество Вильяма Шекспира — самая яркая и волнующая картина времени, отделенного от нас четырьмя столетиями. А бессмертным оно сделалось оттого, что образы, созданные Шекспиром, вместили в себя огромный мир чувств, мыслей, противоречий, переживаемых каждым поколением, сколько бы их с той поры ни сменилось на Земле.

«Представим себе, что нам удалось попасть на спектакль в театре «Глобус». Полдень. По узким, улицам без тротуаров, мимо лавок, складов, садов с аренами для медвежьей травли, тянется толпа людей разного звания и положения. Уже издали видно круглое здание с башней, над которой поднят флаг, означающий, что представление начнется ровно в два часа. У входа установлено панно¹, изображающее Геркулеса: он держит на плечах небесную сферу. Назвав свой театр «Глобусом», устроители давали понять, что на сцене его будут показывать жизнь всего земного шара...

Публики много; скоро она заполнит и соломенные галереи, и скамьи под открытым небом — для тех, кто небогат. Сцена, с трех сторон окруженная зрителями, выступает далеко в зал. Декорации практически отсутствуют, их заменяют два-три бутафорских предмета да старые ковры, а то и просто холсты, наспех раскрашенные художником. Пол устлан камышом до самого навеса на двух столбах в глубине сцены; сбоку идет стена с альковом², который прикрыт занавесом. В нужных местах действия занавес поднимается, и альков предстает то комнатой замка, то кладбищенским склепом, то кельей ученого монаха.

Иллюзия правдоподобия исключена: поля сражений, залитые солнцем площади итальянских городов, датские равнины, венецианские каналы — все это зрители должны вообразить без подсказок. Убеждают только сама пьеса и актерская игра...

Перед спектаклем стоит шум: обсуждают драгоценности посетителей, запасаются пудингом и яблоками, которые можно купить у спящих между рядами торговых. Но вот ударил гонг, прозвучала флейта, появился актер, который кратко поясняет, о чем будет рассказано со сцены (он взял на себя функции хора, у античных авторов комментировавшего главные моменты пьесы). И все стихло. Зрители будут с напряжением следить за каждым поворотом судьбы героев, ловить каждую их фразу. Быстро тускнеет серое лондонское небо, становится прохладно, сыро, но действие не прерывается, внимание публики не ослабевает. Шекспировский гений покорила ее.

Сегодня дают «Ромео и Джульетту».

Эту трагедию поставили еще в 1595 году в старом помещении театра, но затем она шла и в «Глобусе», пользуясь неизменным успехом. В ней блистал Бербеж — лучший актер труппы. Мальчики, исполнявшие роль заглавной героини (в те времена труппы были чисто мужскими, актрис просто не существовало), вырастали, осваивали другие амплуа³, но пьеса продолжала жить.

По А. Звереву

¹ Панно — здесь: картина.

² Альков — ниша в стене.

³ Амплуа — определенные роли, исполняемые артистом (трагик, комик и др.). В данном случае речь идет о женской и мужской ролях

1. Чем заинтересовала вас личность Шекспира? Почему авторство его произведений долгие века оспаривалось?
2. Каким был знаменитый театр «Глобус», для которого великий драматург писал свои пьесы?
3. Какие пьесы и герои Шекспира вам знакомы? Расскажите о них.
4. Если вы видели театральные постановки, фильмы, балет, созданные на основе сюжета трагедии «Ромео и Джульетта», то поделитесь своими впечатлениями в классе.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

(В сокращении)

Место действия — Верона и Мантуя.

Пролог

Две равно уважаемых семьи
 В Вероне, где встречаются нас события,
 Ведут междоусобные бои
 И не хотят унять кровопролития.
 Друг друга любят дети главарей,
 Но им судьба подстраивает козни
 И гибель их у гробовых дверей
 Кладет конец непримиримой розни.
 Их жизнь, и страсть, и смерти торжество,
 И поздний мир родни на их могиле
 На два часа составят существо
 Разыгрываемой пред вами были.
 Помилостивей к слабостям пера.
 Грехи поэта выправит игра.

Акт I

Сцена II

Улица. Входят Капулетти, Парис и слуга.

Капулетти

Монтекки и меня оштрафовали.
 А разве трудно было б жить в ладу?

Парис

Да, это странно. Два почтенных старца,
 И почему-то вечно на ножах.
 Однако вы мне не дали ответа.

Капулетти

Я повторю, что я уже сказал:
 Ведь дочь моя совсем еще ребенок.
 Ей нет еще четырнадцати лет.
 Еще повремените два годочка,
 И мы невестою объявим дочку.

Парис

Я знал еще моложе матерей.

Капулетти

Такие-то и старятся скорей.
 Из всех детей, проглоченных могилой,
 Мне только эту Небо сохранило.
 Столкнитесь с нею, дорогой Парис.
 Вот все, что надо, чтобы мы сошлись.
 Узнайте наперед ее желанье,
 А я благословляю вас заране.
 Сегодня вечером у нас прием:
 Мы ежегодный праздник задаем.
 Тут соберется множество народа.
 Мы будем рады вашему приходу.
 Вы попадете на богатый съезд,
 Как звезды ночи, блещущих невест
 И будете свидетелем веселья,
 Подобного разливу вод в апреле.
 Когда вас окружит их хоровод
 И вы очутитесь среди красот,
 Решите вы, какая с большей силой
 Воображение ваше поразила.
 Без права на такую похвалу
 Дочь будет тоже ночью на балу.
 Пойдемте, граф.
(Слуге, отдавая ему записку.)
 А ты, мошеник низкий,
 Всех приглашенных обойди по списку.
 Скажи гостям, чье имя здесь стоит,
 Что вход для них широко к нам открыт.

Капулетти и Парис уходят.

Сцена V

*Зал в доме Капулетти. Музыканты. Слуги с салфетками.
 Входят Капулетти, леди Капулетти, Джульетта,
 Тибальт с домашними навстречу гостям и ряженым.*

Капулетти

Привет, синьоры! Дамам без мозолей
 У нас работы хватит до утра.
 Что скажете, красавицы? Какая
 Не станет после этого плясать?
 Сейчас и заподозрим, что мозоли.
 Вот видите, у нас вы и в руках.
 Привет, синьоры! Дамам, было время,
 И я признанья на ухо шептал.
 То время миновало, миновало...

Входят Ромео, Меркуцио, Бенволио и другие.

Привет, друзья! Играйте, музыканты!
 С дороги все! Танцоры, дамы — в круг!

Музыка. Гости танцуют.

Побольше света! Отодвиньте стулья!
Залейте жар в камине: духота.
(*Дяде Капулетти.*)
Глядишь на танцы, так и разбирает.
Нет, что вы, сядьте, где уж нам плясать!
Когда, скажите, дядя Капулетти,
Плясали в масках мы в последний раз?

Дядя Капулетти

Да, думаю, тому назад лет тридцать.

Капулетти

О нет, не так давно, не так давно!
Считайте, сколько лет женат Люченцо?
Никак не больше двадцати пяти.
На свадьбе у него мы и плясали.

Дядя Капулетти

Да нет, их сыну тридцать с чем-то лет.

Капулетти

Он только год, как вышел из опеки.

Ромео (*случе из своей компании*)

Кто эта барышня, с которой в ряд
Стал этот кавалер?

Слуга

Не знаю, сударь.

Ромео

Ее сиянье факелы затмило.
Она, подобно яркому бериллу
В ушах арапки, чересчур светла
Для мира безобразия и зла.
Как голубя среди вороньей стаи,
Ее в толпе я сразу отличаю.
Я к ней пробьюсь и посмотрю в упор.
Любил ли я хоть раз до этих пор?
О нет, то были ложные богини.
Я истинной красы не знал доныне.

Савва Бродский. Иллюстрация к трагедии. 1982 г.

Тибальт

Мне показалось, голосом — Монтекки.
Мальчишка, шпагу! Этот негодяй
Осмелился пробраться к нам под маской
В насмешку над семейным торжеством!
Ну что ж, у нас находчивости хватит.
Он жизнью мне за этот шаг заплатит.

Капулетти

Мой дорогой, зачем ты поднял крик?

Тибальт

У нас Монтекки! Как он к нам проник?
Врывается к нам, ни на что не глядя,
Чтобы позорить нас на маскараде!

Капулетти

Ты о Ромео?

Тибальт

О дрянном Ромео.

Капулетти

Приди в себя. Что ты к нему пристал?
Он держится, как должно, и в Вероне
Единогласно признан, говорят,
Примером истинного благородства.
За все богатства мира я не дам
Кому-нибудь у нас его обидеть.
Оставь его, вот мой тебе приказ.
И если для тебя я что-то значу,
Развеселись и больше лба не хмурь.
В гостях надутость эта неуместна.

Тибальт

Нет, к месту, если лишние в гостях.
Я не снесу...

Капулетти

Снесешь, когда прикажут!
Вы слышали? Каков! Он не снесет!
Он не снесет! Не я, а он хозяин!
Он не снесет! Он мне, того гляди,
В моей гостиной общество взбунтует!
Он главный тут! Он все! Он коновод!

Тибальт

Но, дядя, это срам.

Капулетти

Без разговоров!
Угомонись!

(Гостям.)

Так, так. Не может быть!

(Тибальту.)

Он будет мне давать еще советы!

- (Гостям.)
- Не может быть!
- (Тибальту.)
- Ты неуч и буян!
Учись манерам.
- (Слугам.)
- Свету, больше свету!
- (Тибальту.)
- Добром не хочешь — силой научу.
- (Гостям.)
- Что за разброд? Дружнее, дорогие!
- Тибальт
- Уйти, смиреньем победивши злость?
Что ж, и уйду. Но ваш незваный гость,
Которого нельзя побеспокоить,
Еще вам будет много крови стоить!
- (Уходит.)
- Ромео (одетый монахом, Джульетте)
- Я ваших рук рукой коснулся грубой,
Чтоб смыть кощунство, я даю обет:
К угоднице спаломничают губы
И зацелуют святотатства след.
- Джульетта
- Святой отец, пожатые рук законно.
Пожатые рук — естественный привет
Паломники святыням бьют поклоны,
Прикладываться надобности нет.
- Ромео
- Однако губы нам даны на что-то?
- Джульетта
- Святой отец, молитвы воссылать.
- Ромео
- Так вот молитва: дайте им работу.
Склоните слух ко мне, святая мать.
- Джульетта
- Склоненье слуха не склоняет стана.
- Ромео
- Не надо наклоняться, сам достану.
- (Целует ее.)
- Джульетта
- Вот с губ моих весь грех теперь и снят.
- Ромео
- Зато мои впервые им покрылись.
- Джульетта
- Тогда отдайте мне его назад.
Мой друг, где целоваться вы учились?
- Кормилица
- Тебя зовет мамаша на два слова.
- Джульетта уходит

Ромео
А кто она?

Кормилица
Да вы-то сами где?
Она глава семьи, хозяйка дома.
Я в мамках тут и выходила дочь.
Вы с ней сейчас стояли. Помяните:
Кто женится на ней, тот заберет
Хороший куш.

Ромео
Так это Капулетти?
Я у врага в руках и пойман в сети...

Джульетта
Кормилица, послушай:
Кто этот гость у выхода в углу?

Кормилица
Сын и наследник старика Тиберью.
Бенволио уходит.

Джульетта
А этот вот, который стал в дверях?

Кормилица
А это, кажется, Петруччо младший.
Меркуцио уходит.

Джульетта
Поди, узнай-ка.
Кормилица отходит к расходящимся.

Джульетта
Если он женат,
Пусть для венчанья саван мне кроят.

Кормилица (*возвращаясь*)
Его зовут Ромео. Он Монтекки,
Сын вашего заклятого врага.

Джульетта
С таким лицом и сын такого змея!
Что ж я пожну, когда так страшно сею?
Что могут обещать мне времена,
Когда врагом я так увлечена?

АКТ II

Сцена II

Сад Капулетти. Входит Ромео.

Ромео
Им по незнанию эта боль смешна.
Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день
Стань у окна, убей луну соседством;

Она и так от зависти больна,
Что ты ее затмила белизною.

На балконе показывается Джульетта.

О милая! О жизнь моя! О радость!
Стоит, сама не зная, кто она.
Губами шевелит, но слов не слышно.
Пустое, существует взглядов речь!
О, как я глуп! С ней говорят другие.
Две самых ярких звездочки, спеша
По делу с неба отлучиться, просят
Ее глаза покамест посверкать.
Ах, если бы глаза ее на деле
Переместились на небесный свод!
При их сиянье птицы бы запели,
Принявши ночь за солнечный восход.
Стоит одна, прижав ладонь к щеке.
О чем она задумалась украдкой?
О, быть бы на ее руке перчаткой,
Перчаткой на руке!

Джульетта

О, горе мне!

Ромео

Проговорила что-то. Светлый ангел,
Во мраке на балконе надо мной
Ты реешь, как крылатый вестник неба
Над головами пораженных толп,
Которые рассматривают снизу,
Как он над ними по небу плывет.

Джульетта

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отринь отца да имя измени,
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.

Ромео

Прислушиваться дальше иль ответить?

Джульетта

Лишь это имя мне желает зла.
Ты был бы ты, не будучи Монтекки.
Что есть Монтекки? Разве так зовут
Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?
Неужто больше нет других имен?
Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!

Ромео

О, по рукам! Теперь я твой избранник.
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.

Джульетта

Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

Ромео

Не смею
Назвать себя по имени.
Оно благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попало мне в письмо,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.

Джульетта

Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?

Ромео

Ни тот, ни этот: имена запретны.

Джульетта

Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высока и неприступна.
Тебе здесь неминуемая смерть,
Когда б тебя нашли мои родные.

Ромео

Меня перенесла сюда любовь,
Ее не останавливают стены.
В нужде она решается на все,
И потому — что мне твои родные!

Джульетта

Они тебя увидят и убьют.

Ромео

Твой взгляд опасней двадцати кинжалов,
Взгляни с балкона дружелюбней вниз,
И это будет мне от них кольчугой.

Джульетта

Не попадись им только на глаза!

Ромео

Меня плащом укроет ночь. Была бы
Лишь ты тепла со мною. Если ж нет,
Предпочитаю смерть от их ударов,
Чем долгий век без нежности твоей.

Джульетта

Кто показал тебе сюда дорогу?

Ромео

Ее нашла любовь. Я не моряк,
Но если б ты была на крае света,
Не медля мига, я бы наобум —
Пустился в море за таким товаром.

Джульетта

Мое лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличие,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Не ставит ни во что любовных клятв.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковерной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатление
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупою должна тебе казаться,
Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц.
Мне следовало б сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за легкость и доступность.

Ганс Макарт. Ромео и Джульетта. 1863—1864 гг.

Ромео

Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...

Джульетта

О, не клянись луною, в месяц раз
Меняющейся, — это путь к изменам.

Ромео

Так чем мне клясться?

Джульетта

Не клянись ничем
Или клянись собой, как высшим благом,
Которого достаточно для клятв.

Ромео

Клянусь, мой друг, когда бы это сердце.

Джульетта

Не надо, верю. Как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.
Все слишком второпях и сгоряча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц».
Спокойной ночи! Эта почка счастья
Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи! Я тебе желаю
Такого же пленительного сна,
Как светлый мир, которым я полна.

Ромео
Но как оставить мне тебя так скоро?

Джульетта
А что прибавить к нашему сговору?

Ромео
Клянись и ты, как клялся я тебе.

Джульетта
Я первая клялась и сожалею,
Что дело в прошлом, а не впереди.

Ромео
Ты б эту клятву взять назад хотела?

Джульетта
Да, для того, чтоб дать ее опять.
Мне не подвластно то, чем я владею.
Моя любовь без дна, а доброта —
Как ширь морская. Чем я больше трачу,
Тем становлюсь безбрежней и богаче.

Голос кормилицы за сценой.

Меня зовут. Я ухожу. Прощай. —
Иду, иду! — Прости, не забывай.
Я, может быть, вернусь еще. Постой-ка.
(Уходит.)

Святая ночь, святая ночь!
А вдруг Все это сон?
Так непомерно счастье;
Так сказочно и чудно это все! —
На балкон возвращается Джульетта

Джульетта
Еще два слова. Если ты, Ромео,
Решил на мне жениться не шутя,
Дай завтра знать, когда и где венчанье.
С утра к тебе придет мой человек
Узнать на этот счет твое решение,
Я все добро сложу к твоим ногам
И за тобой последую повсюду...

Перевод Б. Пастернака

Полный текст трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» рекомендуем взять в библиотеке или воспользоваться Интернетом.

Вопросы и задания

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. Чем взволновала вас, современных читателей, история любви Ромео и Джульетты, изложенная в трагедии Шекспира?
2. Каким образом уже в прологе читателям трагедии передается чувство тревоги за судьбу героев?

3. Какое отношение к себе с первых страниц пьесы у вас вызывают Ромео, Джульетта, Парис, Тибальт и др.?
4. Если бы вам представилась возможность экранизировать это произведение, то каких актеров вы пригласили бы на роли Ромео, Джульетты и других действующих лиц пьесы? (Имеются в виду внешность, возраст, особенности актерского таланта).
5. Какие сцены из этой трагедии вы хотели бы проиллюстрировать? Что особенно значительное вы запечатлели бы на них?

● Углубимся в текст трагедии

6. Чем Джульетта покорила Ромео, когда он впервые увидел ее на балу? Что необыкновенное отличало ее от других? Какими художественными средствами автор передает красоту юной Джульетты? (*задание для мальчиков*)
7. Перечитайте сцену свидания Ромео и Джульетты в саду (акт II, сцена II). Как проявляются сила и красота их чувств?
8. Прислушайтесь к словам Джульетты:

Моя любовь без дна, а доброта —
Как ширь морская. Чем я больше трачу,
Тем становлюсь безбрежной и богаче.

Как нужно понимать это признание героини? (*задание для девочек*)

9. В начале XVII века в библиотеке Оксфордского университета в Англии был один экземпляр однотомного издания пьес Шекспира, который постоянно читали студенты. Особенно затертыми оказались страницы, где описывается последняя встреча Ромео и Джульетты (акт III, сцена V). Чем, по вашему мнению, так волновала эта сцена молодежь времени Шекспира? Прочитайте выразительно диалог Ромео и Джульетты в лицах.
10. Какие силы противостоят любви Ромео и Джульетты? Как борются юные герои за свое счастье? Какие все новые преграды встают на их пути?
11. Почему Париса, соперника Ромео, Шекспир изображает молодым, красивым и богатым?
12. Какие строки, описывающие сцену расставания Ромео и Джульетты, передают силу и красоту их любви? Какой художественный прием усиливает чувства невозможности расставания влюбленных? (акт II, сцена V).
13. Какие мысли и чувства вызывает у вас финал трагедии?
14. Имена Ромео и Джульетты стали нарицательными. Почему образы этих влюбленных живут в веках? Какие вечные человеческие ценности воплощены в них?
15. Что дало вам чтение и изучение трагедии «Ромео и Джульетта»?
16. Какие идеалы эпохи Возрождения отразились в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».

Для самостоятельной работы

17. Подготовьте выразительное чтение одного-двух отрывков трагедии.
18. Примите участие в подготовке проектов «Ромео и Джульетта» Шекспира на сцене и в кино.
19. Создайте устное (или письменное) сочинение на тему: «Ромео и Джульетта» Шекспира — гимн великому чувству любви.

Для дискуссии

20. Примите участие в обсуждении проблемного вопроса: могло ли осуществиться счастье Ромео и Джульетты, если бы все произошло так, как предполагал брат Лоренцо?

Для будущих филологов

Подготовьте выступление на тему: с помощью каких художественных средств достигается эмоциональная напряженность монологов трагедии «Ромео и Джульетта»?

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

Все началось в 1937 году с письма отчаявшегося англичанина, который, излив на бумаге всю боль страдавшего от несчастной любви сердца, написал на конверте адрес: Верона, Джульетте. Безусловно, имела в виду единственная Джульетта, способная понять его страдания, — из знаменитой шекспировской трагедии. Вряд ли англичанин рассчитывал на ответ, но, как иной раз бывает в жизни, случилось чудо, и утешительный ответ пришел: от некоего сеньора Солимани, хранителя музея, ухаживающего за могилой Джульетты, которая послужила прототипом героини Шекспира. Должно быть, совет англичанину помог, потому что вскоре на Верону обрушился поток писем, адресованных Джульетте. Люди со всего мира доверяют ей свои самые сокровенные тайны, как будто героине Шекспира, в ее вечные четырнадцать лет, ведом секрет, отчего разбиваются людские сердца...

Влюбленные из разных стран мира в наши дни приезжают в Верону и на балконе Джульетты дают обеты любви и верности.

1. Каким образом приведенные выше примеры свидетельствуют о значении в жизни наших современников шекспировских героев Ромео и Джульетты?

УЧИМСЯ БЫТЬ КОМПЕТЕНТНЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

О драматических произведениях

Драматические произведения так же, как и эпические и лирические, имеют свои, ярко выраженные отличительные свойства.

Драмой (от греч. *драта* — действие) называют в широком смысле литературные произведения, предназначенные для постановки на сцене. В равной степени они принадлежат и театру, и литературе. Созданные для коллективного восприятия, эти произведения всегда отражают острые общественные и личные проблемы.

Композиция драматических произведений также своеобразна: текст делится на акты (действия), а внутри актов (действий) — на явления (или сцены). Характеры людей в таких произведениях раскрываются в действии, поступках, речи.

Важнейшей особенностью произведения, предназначенного для сцены, является наличие в нем *драматизма* — напряженности действия. Он создается тогда, когда заветное или самое необходимое для человека не может осуществиться или находится под угрозой. Например, драматизм трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» проявляется в страстном желании юных героев любить и быть счастливыми, несмотря на все запреты, распри и предрассудки.

Важно помнить, что в драматическом произведении все сцены должны иметь драматический смысл. Этому в любом сценическом произведении способствует *драматургический конфликт* — столкновение, борьба противоположных сил. Так, великое чувство любви Ромео и Джульетты у Шекспира противостоит непримиримости враждующих семей, всевластию установленных в обществе понятий и отношений. Именно ощущение этого, постоянно проявляющегося в содержании трагедии конфликта, обостряет наш интерес к пьесе и заставляет с неослабевающим вниманием следить от ее начала и до конца за историей всепобеждающей любви Ромео и Джульетты.

Особенностью драматических произведений является и то, что события, изображенные в них, воспринимаются нами как совершающиеся в настоящее время. Этим объясняется их особое воздействие на чувства людей.

Драматические произведения подразделяются на такие основные виды: комедия, драма, трагедия.

В **трагедии** писатель вскрывает глубочайшие конфликты действительности, показывает героев в напряженной борьбе с непреодолимыми препятствиями, обрекающими их на гибель. В этой борьбе проявляются сила характера героев и их возвышенные устремления.

Драма (в узком смысле) изображает сложную борьбу героев: препятствия, встающие перед ними, часто преодолеваются ценой огромных усилий и не всегда ведут героев к физической смерти.

Комедия осмеивает человеческие недостатки и общественные пороки.

- ?
1. Назовите отличительные особенности драматических произведений.
 2. Что такое *драматизм*?
 3. Отметьте характерные признаки трагедии как драматического жанра.
 4. Определите, изображение каких событий в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» следует отнести к завязке действия, кульминации и развязке? Обоснуйте свое мнение.
 5. Что способствует развитию драматического действия? Подкрепите свои ответы примерами из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».

Мигель де СЕРВАНТЕС СААВЕДРА

(1547—1616)

...Картина, достойная живописца-мыслителя:
«Шекспир, читающий Дон Кихота»! Счаст-
ливый страны, среди которых возникают такие
люди, учителя современников и потомков!

И. Тургенев

В начале 1605 года в мадридских книжных лавках появился роман писателя, скорее пользовавшегося известностью за свои страдания в алжирском плену, чем литературной славой, человека уже пожилого, к тому же инвалида. Это был роман Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», в котором, по выражению М. Горького, перед нами предстали «изумительно обработанные в образе и слове сгустки мысли, чувства, крови и горьких жгучих слез мира сего».

По отцу Сервантес принадлежал к старинной, но ко времени рождения писателя пришедшей в упадок дворянской семье, на примере которой можно без труда проследить историю обеднения испанского дворянства и появления идальго — дворян, не имевших состояния, не занимавших высоких общественных постов. К бедным дворянам принадлежала и мать писателя.

К концу шестидесятих годов XVI столетия семья Сервантесов окончательно разорилась. В связи с этим Мигелю и его младшему брату Родриго пришлось думать о том, как самим зарабатывать хлеб. В их семье была в ходу любимая поговорка отца: «Три вещи: церковь, море, дворец. Избери одну — и нужде конец». Мигель Сервантес избрал море.

Пять лет, проведенных Сервантесом в рядах испанских войск в Италии, были очень важным периодом в его жизни. Он посетил крупнейшие итальянские города — Рим, Милан, Болонью, Венецию, Палермо, познакомился с укладом итальянской жизни, с богатой итальянской литературой. Сервантес не только овладел итальянским языком, но и расширил свои знания, приобретенные в мадридской школе; к основательному знакомству с античной литературой и мифологией он присоединил широкое знакомство со всем лучшим, что создало итальянское Возрождение.

Седьмого октября 1571 года произошла знаменитая морская битва при Лепанто, когда соединенный флот Священной лиги (Испании, Папы Римского и Венеции) положил конец агрессивной политике Турции в восточной части Средиземного моря. Сервантес болел лихорадкой, но попросил разрешения принять участие в бою. Он охранял лодочный трап и

получил три огнестрельные раны: две в грудь и одну в предплечье. С тех пор Сервантес не владел левой рукой — «к вящей славе правой», как он сам, не унывая, говорил, имея в виду свое писательство. После выздоровления Сервантес еще в продолжение четырех лет оставался на военной службе: участвовал в морской битве при Наварине, был в составе экспедиционного корпуса в Северной Африке.

20 сентября 1575 года Сервантес вместе со своим братом Родриго, также служившем в армии, на борту галеры «Солнце» отбыл из Неаполя в Испанию. Надежды отца не оправдались: море не избавило его сыновей от нужды. Они ехали домой без единого дуката в кармане.

Близ Марселя галеру захватили в плен алжирские пираты. С большим трудом семья и друзья Сервантеса собрали денег для братьев, однако для выкупа обоих денег не хватило. Поэтому Мигель предложил выкупить сначала младшего брата, а сам еще несколько лет находился в ужасном положении.

Возвратясь из плена, Сервантес бродил по Испании в поисках работы. Наконец, он получил место сборщика недоимок в провинции Гренада.

Эта тяжелая работа закончилась новой бедой для Сервантеса. Бесследно исчезли казенные деньги, которые доверил он для большей сохранности одному из своих знакомых — банкиру Симону Фрейре. И несмотря на то, что вскоре они были взысканы с банкира, Сервантеса арестовали. В тюрьме его навещали друзья; они договорились о переводе Сервантеса в отдельное помещение, уговаривали его писать заявление с просьбой об освобождении, так как ошибка была слишком очевидной.

Однако Сервантес не торопился. Впервые в жизни он имел досуг. Странное довольство овладело им. Должен же человек хоть раз всмотреться в самого себя. Ведь он уже не молод. Он хотел вспомнить прошлое, хотя все спутывалось и переплеталось. Надежды, мечты, а в действительности — тяжелые раны, неудачная попытка хирургов спасти левую руку, плен и рабство в Алжире, голодная жизнь в Испании, тюрьма.

Сервантес не стал писать заявления, вместо него на бумаге появился рисунок. Он набросал свое лицо, худое, преувеличенно длинное и горбоносое. Изобразил себя верхом на муле, выезжающем каменистой дорогой на проклятую службу. Получился, правда, не правительственный сытый мул с огненными глазами, а убогий, истощенный лошадиный скелет. На скелете высилось тощее тело всадника. Он украсил себя родом панциря и шлемоподобным сооружением без забрала. Пририсовал еще шпоры к сапогам.

Рыцарь! Наконец-то привелось ему слезть с коня и расположиться на отдых... в тюрьме. Грустно и смешно, что только в тюрьме можно отдохнуть и собраться с мыслями. В Испании не было свободы, не было благополучия. Он вспомнил бедные испанские деревни и богатые дома испанской знати. Вспомнились ему и тяжелые корабли Филиппа II, лежащие на дне английского канала, — чудовищное поражение Великой Армады, поглотившей все средства Испании. Королю католического мира остался лишь его собственный обескровленный народ. Всюду нищета и страдания.

При зыбком свете огарка Сервантес взгляделся в свой рисунок. Нет, его рыцарь не прелестный юноша, а бодрый костлявый старик, поверив-

ший, что не прошли еще рыцарские времена, что можно с одним мечом и копьем восстановить справедливость. По дорогам Испании едет рыцарь, готовый каждую минуту броситься в бой, помочь бедным и угнетенным, защитить обиженных и гонимых. И всюду он получает побои, и снова встает, и едет дальше.

Сервантес забыл о заявлении, которое должен был писать. Он схватил перо. Под рисунком появились первые слова будущей книги: «В некоем селе Ламанчском, название которого у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идальго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке...»

Так в королевской тюрьме Севильи создавалось великое произведение Сервантеса — «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

Первая часть «Дон Кихота» (1605) имела колоссальный успех. Все знали фамилию автора, все знали Дон Кихота. Вскоре Сервантес был освобожден. Он по-прежнему нуждался. За год до смерти Сервантес написал вторую часть своей великой книги (1615). Умер он в полной бедности.

Такова судьба этого человека, создавшего всемирно известный роман.

По Ф. Кельину и Б. Франку

- ?
1. Какой была жизнь народа в Испании во второй половине XVI — в начале XVII века? Кто такие идальго?
 2. Какие человеческие достоинства сделали Сервантеса известным человеком в своей стране еще до появления его первого знаменитого романа о Дон Кихоте?
 3. Чем необычно начало литературной деятельности Сервантеса?
 4. Если вы читали роман о Дон Кихоте или видели фильм, поставленный по этому произведению, расскажите о запомнившихся вам эпизодах из них и главных героях.

ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ

(Отрывки)

Глава I,

*повествующая о нраве и образе жизни славного
идальго Дон Кихота Ламанчского*

В некоем селе Ламанчском, которого название у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идальго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке... При нем находились ключница, коей перевалило за сорок, племянница, коей не исполнилось и двадцати, и слуга для домашних дел и полевых работ, умевший и лошадь седлать, и с садовыми ножницами обращаться. Возраст нашего идальго приближался к пятидесяти годам; был он крепкого сложения, телом сухопар, лицом худощав, любитель вставать спозаранку и заядлый охотник...

Надобно знать, что вышеупомянутый идальго в часы досуга, — а досуг длился у него чуть ли не весь год, — отдавался чтению рыцарских романов с таким жаром и увлечением, что почти совсем забросил не только

охоту, но даже свое хозяйство; и так далеко зашли его любознательность и его помешательство на этих книгах, что, дабы приобрести их, он продал несколько десятин пахотной земли и таким образом собрал у себя все романы, какие только ему удалось достать...

Одним словом, идальго наш с головой ушел в чтение, и сидел он над книгами с утра до ночи и с ночи до утра; и вот оттого, что он мало спал и много читал, мозг у него стал иссыхать, так что в конце концов он и вовсе потерял рассудок. Воображение его было поглощено всем тем, о чем он читал в книгах: чародейством, распрями, битвами, вызовами на поединок, ранениями, объяснениями в любви, любовными похождениями, сердечными муками и разной невероятной чепухой, и до того прочно засела у него в голове мысль, будто все это нагромождение вздорных небылиц — истинная правда, что для него в целом мире не было уже ничего более достоверного...

И вот, когда он уже окончательно свихнулся, в голову ему пришла такая странная мысль, какая еще не приходила ни одному безумцу на свете, а именно: он почел благоразумным и даже необходимым как для собственной славы, так и для пользы отечества сделаться странствующим рыцарем, сесть на коня и, с оружием в руках отправившись на поиски приключений, начать заниматься тем же, чем, как это ему было известно из книг, все странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почет. Бедняга уже представлял себя увенчанным за свои подвиги, по малой мере, короной Трапезундского царства; и, весь отдавшись во власть столь отрадных мечтаний, доставлявших ему наслаждение неизъяснимое, поспешил он достигнуть цели своих стремлений. Первым делом принялся он за чистку принадлежавших его предкам доспехов, некогда сваленных как попало в угол и покрывшихся ржавчиной и плесенью. Когда же он с крайним тщанием вычистил их и привел в исправность, то заметил, что недостает одной весьма важной вещи, а именно: вместо шлема с забралом он обнаружил обыкновенный шишак; но тут ему пришла на выручку его изобретательность: смастерив из картона полушлем, он прикрепил его к шишаку, и получилось нечто вроде закрытого шлема. Не скроем, однако ж, что когда он, намереваясь испытать его прочность и устойчивость, выхватил меч и нанес два удара, то первым же ударом в одно мгновение уничтожил труд целой недели; легкость же, с какою забрало разлетелось на куски, особого удовольствия ему не доставила, и, чтобы предотвратить подобную опасность, он сделал его заново, подложив внутрь железные пластинки, так что в конце концов остался доволен его прочностью и,

Кукрыниксы. Иллюстрация к роману. 1949—1952 гг.

найдя дальнейшие испытания излишними, признал его вполне годным к употреблению и решил, что это настоящий шлем с забралом удивительно тонкой работы.

Затем он осмотрел свою клячу и, хотя она хромала на все четыре ноги и недостатков у нее было больше, чем у лошади Гонеллы, которая *tantum pellis et ossa fuit*, нашел, что ни Буцефал Александра Македонского, ни Бабьека Сиды не могли бы с нею тягаться. Несколько дней раздумывал он, как ее назвать, ибо, говорил он себе, коню столь доблестного рыцаря, да еще такому доброму коню, нельзя не дать какого-нибудь достойного имени. Наш идальго твердо держался того мнения, что если произошла перемена в положении хозяина, то и конь должен переменить имя и получить новое, славное и громкое, соответствующее новому сану и новому поприщу хозяина; вот он и старался найти такое, которое само показывало бы, что представлял собой этот конь до того, как стал конем странствующего рыцаря, и что он собой представляет теперь; итак, он долго придумывал разные имена, роясь в памяти и напрягая воображение, — отвергал, отметал, переделывал, пускал насмарку, сызнова принимался составлять, — и в конце концов остановился на Росинанте, имени, по его мнению, благородном и звучном, поясняющем, что прежде конь этот был обыкновенной клячей, ныне же, опередив всех остальных, стал первой клячей в мире.

Столь удачно, как ему казалось, назвав своего коня, решился он подыскать имя и для себя самого и, потратив на это еще неделю, назвался наконец Дон Кихотом, — отсюда, повторяем, и сделали вывод авторы правдивой этой истории, что настоящая его фамилия, вне всякого сомнения, была Кихада, а вовсе не Кесада, как уверяли иные. Вспомнив, однако ж, что доблестный Амадис не пожелал именоваться просто Амадисом, но присовокупил к этому имени название своего королевства и отечества, дабы тем прославить его, и назвался Амадисом Галльским, решил он, что и ему, как истинному рыцарю, надлежит присовокупить к своему имени название своей родины и стать Дон Кихотом Ламанчским, чем, по его мнению, он сразу даст понять, из какого он рода и из какого края, и при этом окажет честь своей отчизне.

Вычистив же доспехи, сделав из шишака настоящий шлем, выбрав имя для своей лошаденки и окрестив самого себя, он пришел к заключению, что ему остается лишь найти даму, в которую он мог бы влюбиться, ибо странствующий рыцарь без любви — это все равно что дерево без плодов и листьев или же тело без души...

Должно заметить, что, сколько нам известно, в ближайшем селении жила весьма миловидная деревенская девушка, в которую он одно время был влюблен, хотя она, само собою разумеется, об этом не подозревала и не обращала на него никакого внимания. Звали ее Альдонсою Лоренсо, и вот она-то и показалась ему достойною титула владычицы его помыслов; и, выбирая для нее имя, которое не слишком резко отличалось бы от ее собственного и в то же время напоминало и приближалось бы к имени

какой-нибудь принцессы или знатной сеньоры, положил он назвать ее Дульсинеей¹ Тобосскою – ибо родом она была из Тобоссо,² — именем, по его мнению, приятным для слуха, изысканным и глубокомысленным, как и все ранее придуманные им имена...

Глава II,

повествующая о первом выезде хитроумного Дон Кихота из его владений

Покончив со всеми этими приготовлениями, наш идадьго решился тотчас же осуществить свой замысел, ибо он полагал, что всякое промедление с его стороны может пагубно отозваться на человеческом роде: сколько беззаконий предстоит ему устранить, сколько кривды выпрямить, несправедливостей загладить, злоупотреблений искоренить, скольких обездоленных удовлетворить! И вот, чуть свет, в один из июльских дней, обещавший быть весьма жарким, никому ни слова не сказав о своем намерении и оставшись незамеченным, облачился он во все свои доспехи, сел на Росинанта, кое-как приладил нескладный свой шлем, взял щит, прихватил копье и, безмерно счастливый и довольный тем, что никто не помешал ему приступить к исполнению благих его желаний, через ворота скотного двора выехал в поле. Но как скоро он очутился за воротами, в голову ему пришла страшная мысль, до того страшная, что он уже готов был отказаться от задуманного предприятия, и вот почему: он вспомнил, что еще не посвящен в рыцари и что, следственно, по законам рыцарства, ему нельзя и не должно вступать в бой ни с одним рыцарем; а если б даже и был посвящен, то ему как новичку подобает носить белые доспехи, без девиза на щите, до тех пор, пока он не заслужит его своею храбростью. Эти размышления поколебали его решимость; однако ж безумие взяло верх над всеми доводами, и по примеру многих рыцарей, о которых он читал в тех самых романах, что довели его до такого состояния, вознамерился он обратиться с просьбой о посвящении к первому встречному. Что же касается белых доспехов, то он дал себе слово на досуге так начистить свои латы, чтобы они казались белее горноста, и, порешив на том, продолжал свой путь, — вернее, путь, который избрал его конь, ибо Дон Кихот полагал, что именно так и надлежит искать приключений...

Весь этот день Дон Кихот провел в пути, а к вечеру он и его кляча устали и сильно проголодались; тогда, оглядевшись по сторонам в надежде обнаружить какой-нибудь замок, то есть шалаш пастуха, где бы можно было подкрепиться и расправить усталые члены, заметил он неподалеку от дороги постоялый двор, и этот постоялый двор показался ему звездой, которая должна привести его не к преддверию храма спасения, а прямо в самый храм. Он тронул поводья и подъехал к постоялому двору, как раз когда стало смеркаться...

¹ Дульсинейя — имя Дульсинейя происходит от слова «dulce» (сладкая, нежная).

² Тобосо — город в Ламанче, в ста километрах к юго-востоку от Толедо.

Глава III,

*в коей рассказывается о том, каким забавным способом
Дон Кихот был посвящен в рыцари*

...Дон Кихот, быстро покончив со своим скудным трактирным ужином, подозвал хозяина, удалился с ним в конюшню, пал на колени и сказал:

— Доблестный рыцарь! Я не двинусь с места до тех пор, пока ваша любезность не соизволит исполнить мою просьбу, — исполнение же того, о чем я прошу, покроет вас неувядаемою славой, а также послужит на пользу всему человеческому роду.

Увидев, что гость опустил перед ним на колени, и услышав такие речи, хозяин оторопел: он не знал, что делать и что говорить, а затем стал убеждать его подняться с колен, но тот поднялся лишь после того, как хозяин дал слово исполнить его просьбу.

— Меньшего, государь мой, я и не ожидал от вашего несказанного великодушия, — заметил Дон Кихот. — Итак, да будет вам известно, что просьба, с которой я к вам обратился и которую ваше человеколюбие обещало исполнить, состоит в том, чтобы завтра утром вы посвятили меня в рыцари; ночь я проведу в часовне вашего замка, в бдении над оружием, а завтра, повторяю, сбудется то, чего я так жажду, и я обрету законное право объезжать все четыре страны света, искать приключений и защищать обиженных, тем самым исполняя долг всего рыцарства, а также долг рыцаря странствующего...

Хозяин, будучи, как мы уже говорили, изрядною шельмой, отчасти догадывался, что гость не в своем уме, — при этих же словах он совершенно в том уверился и решившись потакать всем его прихотям, дабы весело провести ночь, сказал Дон Кихоту следующее: намерение-де его и просьба более чем разумны, и, вполне естественно и законно, что у такого знатного, сколько можно судить по его наружности и горделивой осанке, рыцаря явилось подобное желание; да и он, хозяин, в молодости сам предавался этому почтенному занятию... К этому хозяин прибавил, что у него в замке нет часовни, где бы можно было бодрствовать над оружием... но что, сколько ему известно, в крайнем случае бодрствовать над оружием допускается где угодно, так что Дон Кихот может провести эту ночь на дворе, а завтра, бог даст, все приличествующие случаю церемонии будут совершены и он станет настоящим рыцарем, да еще таким, какого свет не производил...

Дон Кихот обещал в точности исполнить все, что ему советовал хозяин, а затем начал готовиться к ночи, которую ему надлежало провести на обширном скотном дворе в бдении над оружием; он собрал свои доспехи, разложил их на водопойном корыте, стоявшем возле колодца, и, взяв копье и щит, с крайне независимым видом стал ходить взад и вперед; и только он начал прогуливаться, как наступила ночь.

Хозяин рассказал своим постояльцам о сумасшествии Дон Кихота, о его намерении провести ночь в бдении над оружием и о предстоящей возне с посвящением его в рыцари. Присутствовавшие подивились такому странному виду умственного расстройства и пошли посмотреть

на Дон Кихота издали, а Дон Кихот между тем то чинно прохаживался, то, опершись на копье, впивался глазами в свои доспехи и долго потом не отводил их. Дело было глухою ночью, однако ясный месяц вполне заменял дневное светило, коему он обязан своим сиянием, так что все движения новоиспеченного рыцаря хорошо видны были зрителям. В это время одному из погонщиков, ночевавших на постоялом дворе, вздумалось напоить мулов, для чего надлежало снять с водопойного корыта доспехи нашего рыцаря; и, едва увидев погонщика, Дон Кихот тотчас же заговорил громким голосом:

— Кто б ни был ты, о дерзкий рыцарь, осмеливающийся прикасаться к оружию самого доблестного из всех странствующих рыцарей, какие когда-либо опоясывались мечом! Помысли о том, что ты делаешь, и не прикасайся к нему, не то жизнью заплатишься ты за свою продерзость!

Погонщик и в ус себе не дул, — а между тем лучше было бы, если бы он дул: по крайности его самого тогда бы не вздули, — он схватил доспехи и постарался зашвырнуть их как можно дальше. Тогда Дон Кихот возвел очи к небу и, по-видимому, обращаясь мысленно к госпоже своей Дульсине, сказал:

— Помогите мне, госпожа моя, отомстить за оскорбление, впервые нанесенное моему сердцу — вашему верноподданному. Ныне предстоит мне первое испытание — не лишайте же меня защиты своей и покрова.

Продолжая взывать к своей даме, Дон Кихот отложил в сторону щит, обеими руками поднял копье и с такой силой опустил его на голову погонщика, что тот упал замертво, так что если б за этим ударом последовал второй, то ему уже незачем было бы обращаться к врачу. Засим Дон Кихот подобрал свои доспехи и, как ни в чем не бывало, снова стал прогуливаться...

Хозяину надоели выходки гостя, и, чтобы положить им конец, вознамерился он сей же час, пока не стряслось горшей беды, совершить над ним этот треклятый обряд посвящения. Подойдя к нему, он принес извинения в том, что этот подлый народ без его ведома так дерзко с ним обошелся, и обещал строго наказать наглецов. Затем еще раз повторил, что часовни в замке нет, но что теперь всякая необходимость в ней отпала: сколько ему известен церемониал рыцарства, обряд посвящения состоит в подзатыльнике и в ударе шпагой по спине, вот, мол, и вся хитрость, а это и среди поля с успехом можно проделать; что касается бдения над оружием, то с этим уже покончено, потому что бодрствовать полагается всего только два часа, а Дон Кихот бодрствует уже более четырех. Дон Кихот всему этому поверил; он объявил, что готов повиноваться, только предлагает как можно скорее совершить обряд, а затем добавил, что когда его, Дон Кихота, посвятят в рыцари, то в случае, если на него снова нападут, он никого здесь не оставит в живых — впрочем, за кого владелец замка попросит, тех он из уважения к нему пощадит.

Перепуганный владелец замка, не будь дурак, тотчас сбежал за книгой, где он записывал, сколько овса и соломы выдано погонщикам, и вместе со слугой, державшим в руке огарок свечи, и двумя помянутыми девицами

подошел к Дон Кихоту, велел ему преклонить колена, сделал вид, что читает некую священную молитву, и тут же изо всех сил треснул его по затылку, а затем, все еще бормоча себе под нос что-то вроде молитвы, славно огрел рыцаря по спине его же собственным мечом. После этого он велел одной из шлюх препоясать этим мечом рыцаря, что та и исполнила, выказав при этом чрезвычайную ловкость и деликатность: в самом деле, немалое искусство требовалось для того, чтобы во время этой церемонии в любую минуту не лопнуть от смеха...

Дон Кихот не чаял, как дожидаться минуты, когда можно будет снова сесть на коня и отправиться на поиски приключений, и, после того как были закончены все эти доселе невиданные церемонии, совершенные с такою быстротою и поспешностью, он тот же час оседлал Росинанта, сел верхом и, обняв хозяина, в столь мудреных выражениях изъяснил ему свою благодарность за посвящение в рыцари, что передать их нам было бы не под силу. В ответ хозяин на радостях, что отделался от него, произнес не менее высокопарную, хотя и не столь пространную речь и, ничего не взяв за ночлег, отпустил его с миром.

Глава IV

*О том, что случилось с рыцарем нашим,
когда он выехал с постоялого двора*

Уже занималась заря, когда Дон Кихот, ликующий, счастливый и гордый сознанием, что его посвятили в рыцари, от радости подсакивая в седле, выехал с постоялого двора. Но как скоро пришли ему на память наставления хозяина, положил он возвратиться домой, чтобы запастись всем необходимым, главное — деньгами и сорочками; в оруженосцы же себе прочил он одного хлебопашца, своего односельчанина, бедного, многодетного, однако ж для таковых обязанностей как нельзя более подходившего. С этою целью он поворотил Росинанта в сторону своего села, и Росинант, словно почуяв родное стойло, обнаружил такую резвость, что казалось, будто копыта его не касаются земли.

Только успел Дон Кихот немного отъехать, как вдруг справа, из чащи леса, до него донеслись тихие жалобы, точно кто-то стонал, и, едва заслышав их, он тотчас воскликнул:

— Хвала небесам за ту милость, какую они мне явили, — за то, что так скоро предоставили они мне возможность исполнить мой рыцарский долг и пожать плоды моих благих желаний! Не подлежит сомнению, что это стонет какой-нибудь беззащитный или же беззащитная, нуждающиеся в помощи моей и защите.

С этими словами он дернул поводья и устремился туда, откуда долетали стоны. Проехав же несколько шагов по лесу, увидел он кобылу, привязанную к дубу, а рядом, к другому дубу, привязан был голый до пояса мальчуган лет пятнадцати, и вот этот-то мальчуган и стонал, и стонал не зря, ибо некий дюжий сельчанин нещадно стегал его ремнем, сопровождая каждый удар попреками и нравоучениями.

— Смотри в оба, а язык держи за зубами, — приговаривал он.

А мальчуган причитал:

— Больше не буду, хозяин, Христом-богом клянусь, не буду, обещаю вам глаз не спускать со стада!

Увидев, что здесь происходит, Дон Кихот грозно воскликнул:

— Неучтивый рыцарь! Как вам не стыдно нападать на того, кто не в силах себя защитить! Садитесь на коня, возьмите копьё, — надобно заметить, что у сельчанина тоже было копьё: он прислонил его к тому дубу, к коему была привязана кобыла, — и я вам докажу всю низость вашего поступка.

Сельчанин, обнаружив у себя над головой увешанную доспехами фигуру, перед самым его носом размахивающую копьём, подумал, что пришла его смерть.

— Сеньор кавальеро! — вкрадчивым голосом заговорил он. — Я наказываю мальчишку, моего слугу, который пасет здесь отару моих овец; из-за этого ротозея я каждый день недосчитываюсь овец. И наказываю я его за разгильдяйство, вернее, за плутовство, а он говорит, что я из скупости возвожу на него напраслину, чтобы не платить ему жалованья, но я клянусь богом и спасением души, что он врет.

— Как вы смеее, мерзкий грубиян, говорить в моем присутствии, что он врет? — воскликнул рыцарь. — Клянусь солнцем, всех нас освещающим, что я сию минуту вот этим самым копьём проткну вас насквозь. Без всяких разговоров уплатите ему, не то, да будет мне свидетелем всевышний, я с вами разделаюсь и уложу на месте. Ну, отвязывайте его, живо!

Г. Доре. Иллюстрация к роману. 1868 г.

Сельчанин, понурив голову, молча отвязал своего слугу; тогда Дон Кихот спросил мальчика, сколько ему должен хозяин. Мальчик ответил, что всего за девять месяцев, считая по семи реалов за месяц. Дон Кихот высчитал, что в сумме это составляет шестьдесят три реала, и сказал сельчанину, чтоб он немедленно раскошеливался, если только ему дорога жизнь. На это испуганный сельчанин ответил так: он, дескать, уже клялся, — хотя до сих пор об этом не было и речи, — и теперь говорит, как на духу, что долг его вовсе не так велик, ибо надлежит принять в расчет и сбросить со счетов стоимость трех пар обуви, которые износил пастух, да еще один реал за два кровопускания, которые были ему сделаны, когда он занемог.

— Это все так, — возразил Дон Кихот, — однако вы ни за что ни про что отхлестали его ремнем, — пусть же это пойдет в уплату за обувь и

кровопускания: ведь если он порвал кожу на башмаках, которые вы ему купили, то вы, в свою очередь, порвали ему собственную его кожу. И если цирюльник пускал ему кровь, когда он был болен, то вы пускаете ему кровь, когда он находится в добром здравии. Таким образом, тут вы с ним в расчете.

— Беда в том, сеньор кавальеро, что я не взял с собой денег, — придется Андресу пойти со мной, и дома я уплачу ему все до последнего реала.

— Чтобы я с ним пошел? — воскликнул мальчуган. — Час от часу не легче! Нет, сеньор, ни за что на свете. Если я останусь с ним наедине, то он сдерет с меня кожу, вроде как со святого Варфоломея или с кого-то там еще.

— Он этого не сделает, — возразил Дон Кихот, — я ему прикажу, и он не посмеет меня ослушаться. Пусть только он поклянется тем рыцарским орденом, к которому он принадлежит, и я отпущу его на все четыре стороны и поручусь, что он тебе заплатит.

— Помилуйте, сеньор, что вы говорите! — воскликнул мальчуган. — Мой хозяин — вовсе не рыцарь, и ни к какому рыцарскому ордену он не принадлежит, — это Хуан Альдудо, богатый крестьянин из деревни Кинтанар.

— Это ничего не значит, — возразил Дон Кихот, — и Альдудо могут быть рыцарями. Тем более что каждого человека должно судить по его делам.

— Это верно, — согласился Андрес, — но в таком случае как же прикажете судить моего хозяина, коли он отказывается платить мне жалованье, которое я заработал в поте лица?

— Брат мой Андрес, да разве я отказываюсь? — снова заговорил сельчанин. — Сделай милость, пойдем со мной, — клянусь всеми рыцарскими орденами, сколько их ни развелось на свете, что уплачу тебе, как я уже сказал, все до последнего реала, с радостью уплачу.

— Можно и без радости, — сказал Дон Кихот, — уплатите лишь ту сумму, которую вы ему задолжали: это все, что от вас требуется. Но бойтесь нарушить клятву, иначе, клянусь тою же самой клятвой, я разыщу вас и накажу: будь вы проворнее ящерицы, я все равно вас найду, куда бы вы ни спрятались. Если же вы хотите знать, от кого получили вы этот приказ, дабы тем ревностнее приняться за его исполнение, то знайте, что я — доблестный Дон Кихот Ламанчский, заступник обиженных и утесненных, засим оставайтесь с богом и под страхом грозящей вам страшной кары не забывайте обещанного и скрепленного клятвой.

С этими словами он прищипорил Росинанта и стал быстро удаляться. Сельчанин посмотрел ему вслед и, удостоверившись, что он миновал рошу и скрылся из виду, повернулся к слуге своему Андресу и сказал:

— Поди-ка сюда, сынок! Сейчас я исполню повеление этого заступника обиженных и уплачу тебе долг.

— Я в этом нимало не сомневаюсь, ваша милость, — заметил Андрес. — В ваших же интересах исполнить повеление доброго рыцаря, дай бог ему прожить тысячу лет; он такой храбрый и такой справедливый, что, если вы мне не уплатите, клянусь святым Роке, он непременно вернется и приведет угрозу свою в исполнение.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — сказал сельчанин, — но я так люблю тебя, желанный мой, что желаю еще больше тебе задолжать, чтобы затем побольше заплатить.

Тут он схватил мальчугана за руку и, снова привязав его к дубу, всыпал ему столько горячих, что тот остался чуть жив.

— Теперь зовите заступника обиженных, сеньор Андрес, посмотрим, как он за вас заступится, — сказал сельчанин. — Полагаю, впрочем, что я вас еще недостаточно обидел, — у меня чешутся руки спустить с вас шкуру, чего вы как раз и опасались...

Глава VI

О втором выезде доброго нашего рыцаря Дон Кихота Ламанчского

...Дон Кихот вступил в переговоры с одним своим односельчанином: это был человек добропорядочный (если только подобное определение применимо к людям, которые не могут похвастаться порядочным количеством всякого добра), однако ж мозги у него были сильно набекрень. Дон Кихот такого ему наговорил, такого наобещал и так сумел его убедить, что в конце концов бедный хлебопашец дал слово отправиться вместе с ним в качестве его оруженосца. Между прочим, Дон Кихот советовал ему особенно не мешкать, ибо вполне, дескать, может случиться, что он, Дон Кихот, в мгновение ока завоюет какой-нибудь остров и сделает его губернатором такового. Подобные обещания соблазнили Санчо Пансу — так звали нашего хлебопашца, — и он согласился покинуть жену и детей и стать оруженосцем своего односельчанина.

Санчо Панса не забыл приторочить суму и бурдюк, и теперь он, горя желанием сделаться губернатором обещанного острова, как некий патриарх, восседал на осле. Между тем Дон Кихот избрал тот же самый путь и двинулся по той же дороге, по какой ехал он в прошлый раз, то есть по Монтельской равнине, только теперь он чувствовал себя несравненно бодрее, ибо время было еще раннее и косые лучи солнца не очень его беспокоили. Тут-то и обратился Санчо Панса к своему господину:

— Смотрите же, ваша милость, сеньор странствующий рыцарь, не забудьте, что вы мне обещали насчет острова, а уж я с каким угодно островом управлюсь.

Дон Кихот ему на это сказал:

— Надобно тебе знать, друг мой Санчо Панса, что в былые времена странствующие рыцари имели обыкновение назначать правителями завоеванных ими островов и королевств своих же собственных оруженосцев, а уж за мной дело не станет, ибо я положил восстановить похвальный этот обычай...

Глава VII

О славной победе, одержанной доблестным Дон Кихотом в страшной и доселе неслыханной битве с ветряными мельницами, равно как и о других событиях, о которых мы не без приятности упомянем

Тут глазам их открылось не то тридцать, не то сорок ветряных мельниц, стоявших среди поля, и как скоро увидел их Дон Кихот, то обратился к своему оруженосцу с такими словами:

— Судьба руководит нами как нельзя лучше. Посмотри, друг Санчо Панса: вон там виднеются тридцать, если не больше, чудовищных великанов, — я намерен вступить с ними в бой и перебить их всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, явятся основой нашего благосостояния. Это война справедливая: стереть дурное семя с лица земли — значит верой и правдой послужить богу.

— Где вы видите великанов? — спросил Санчо Панса.

— Да вон они, с громадными руками, — отвечал его господин. — У некоторых из них длина рук достигает почти двух миль.

— Помилуйте, сеньор, — возразил Санчо, — то, что там виднеется, вовсе не великаны, а ветряные мельницы; то же, что вы принимаете за их руки, — это крылья: они кружатся от ветра и приводят в движение мельничные жернова.

— Сейчас видно неопытного искателя приключений, — заметил Дон Кихот, — это великаны. И если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись, а я тем временем вступлю с ними в жестокий и неравный бой.

С последним словом, не внемля голосу Санчо, который предупреждал его, что не с великанами едет он сражаться, а, вне всякого сомнения, с ветряными мельницами, Дон Кихот дал Росинанту шпоры. Он был совершенно уверен, что это великаны, а потому, не обращая внимания на крики оруженосца и не видя, что перед ним, хотя находился совсем близко от мельниц, громко восклицал:

— Стойте, трусливые и подлые твари! Ведь на вас нападает только один рыцарь.

В это время подул легкий ветерок, и, заметив, что огромные крылья мельниц начинают кружиться, Дон Кихот воскликнул:

— Машите, машите руками! Если б у вас их было больше, чем у великана Бриарея, и тогда пришлось бы вам поплатиться!

Сказавши это, он всецело отдался под покровительство госпожи своей Дульсинеи, обратился к ней с мольбою помочь ему выдержать столь тяжкое испытание и, заградившись щитом и пустив Росинанта в галоп, вонзил копье в крыло ближайшей мельницы; но в это время ветер с такой бешеной силой повернул крыло, что от копья остались одни щепки, а крыло, подхватив и коня и всадника, оказавшегося в весьма жалком положении, сбросило Дон Кихота на землю. На помощь ему во весь ослиный мах поскакал Санчо Панса и, приблизившись, удостоверился, что господин его не может пошевелиться — так тяжело упал он с Росинанта.

— Ах ты, господи! — воскликнул Санчо. — Не говорил ли я вашей милости, чтобы вы были осторожнее и что это всего-навсего ветряные мельницы? Их никто бы не спутал, разве тот, у кого ветряные мельницы кружатся в голове.

— Помолчи, друг Санчо, — сказал Дон Кихот. — Должно заметить, что нет ничего изменчивее военных обстоятельств. К тому же, я полагаю, и не без основания, что мудрый Фрестон, тот самый, который похитил у меня книги вместе с помещением, превратил великанов в ветряные мельницы, дабы лишить меня плодов победы, — так он меня ненавидит. Но рано или поздно злые его чары не устоят пред силою моего меча...

Глава XIII

О глубокомысленных замечаниях, коими Санчо поделился со своим господином, о приключении с мертвым телом, равно как и о других необычайных происшествиях

...Они продолжали свой путь, ибо Санчо был совершенно уверен, что на больших дорогах постоялые дворы попадаются не реже чем через каждые две мили. Итак, ехали-ехали голодный оруженосец и его господин, который тоже хотел есть, и вдруг заметили, что к ним приближается бесчисленное множество огней, похожих на движущиеся звезды. При виде их Санчо оторопел, а Дон Кихот не поверил собственным глазам; и тот и другой натянули поводья и стали зорко вглядываться, пытаясь уяснить себе, что бы это могло быть; наконец оба увидели, что огни идут прямо на них и по мере своего приближения все увеличиваются в размерах; тут Санчо задрожал как лист, а у Дон Кихота волосы встали дыбом; затем, слегка приободрившись, он сказал:

— Сомнений нет, Санчо: это одно из величайших и опаснейших приключений, и я должен буду напрячь все свои силы и выказать все свое мужество.

— Что я за несчастный! — воскликнул Санчо. — По всему видно, что это опять призраки, а коли так, то где же я возьму ребра, чтобы расплатиться и за это приключение?...

— Во всяком случае, не теряя самообладания, Санчо, прошу тебя, — сказал Дон Кихот, — а я не замедлю показать тебе пример.

— Бог даст, не потеряю, — отозвался Санчо.

Оба отъехали в сторону и стали зорко вглядываться, сясь понять, что собой представляют эти блуждающие огни, и немного погодя им удалось различить множество фигур в белых балахонах; это страшное зрелище так подействовало на Санчо Пансу, что он совершенно потерял самообладание: у него зуб на зуб не попадал, точно его трясла лихорадка. Но как же он задрожал и как застучали у него зубы, когда оба они наконец явственно различили, что это такое! Ибо они увидели до двадцати всадников в балахонах, ехавших с зажженными факелами в руках впереди похоронных дрог, а за дрогами следовали еще шесть всадников в длинном траурном одеянии, ниспадавшем чуть ли не до копыт мулов, — судя по их медленному шагу, это были именно мулы, а не лошади. Балахоны словно переговаривались между собой голосами тихими и жалобными. Необычайное зрелище, явившееся взорам наших путешественников в столь поздний час и в таком пустынном месте, способно было навести страх не только на Санчо, но и на его господина. Дело было за Дон Кихотом, а у Санчо давно уже душа в пятки ушла, но, к сожалению, Дон Кихот испытывал противоположное чувство, ибо в эту самую минуту ему живо представилось одно из тех приключений, которые описываются в его любимых романах.

Он вообразил, что похоронные дроги — это траурная колесница, на которой везут тяжело раненного или же убитого рыцаря, и что отомстить за него суждено не кому-либо, а именно ему, Дон Кихоту; и вот, недолго думая, он выпрямился в седле и, полный отваги и решимости, выехал на

середину дороги, по которой неминуемо должны были проехать балахоны, и, как скоро они приблизились, заговорил громким голосом:

— Рыцари вы или не рыцари, — все равно, остановитесь и доложите мне, кто вы такие, откуда и куда путь держите и кого везете вы на этой колеснице. По всем признакам вы являетесь обидчиками или же, наоборот, обиженными, и мне должно и необходимо это знать для того, чтобы наказать вас за совершенное вами злодеяние или же отомстить тем, кто совершил по отношению к вам какую-либо несправедливость.

— Мы торопимся, — отвечал один из балахонов, — а до постоянного двора далеко, и нам недосуг давать столь подробные объяснения.

С этими словами он хлестнул мула и хотел было проехать мимо. Но Дон Кихот, до глубины души оскорбленный таким ответом, схватил мула за узду и сказал:

— Остановитесь, будьте повежливее и отвечайте на мои вопросы, не то я всех вас вызову на бой.

Мул был пугливый, и, когда его схватили за узду, он до того испугался, что взвился на дыбы и сбросил седока наземь. Шедший пешком слуга, видя, что один из балахонов упал с коня, принялся осыпать Дон Кихота бранью; тогда Дон Кихот, и так уже раздраженный, без дальних размышлений взял копьёцо наперевес и, ринувшись на одного из облаченных в траур, тяжело ранил его и вышиб из седла; затем он бросился на его спутников, и нужно было видеть, как стремительно он на них нападал и обращал вспять! Казалось, у Росинанта выросли крылья — столь резвый и горделивый скок неожиданно появился у него. Люди в балахонах, народ боязливый и к тому же еще безоружный, мгновенно, не оказав ни малейшего сопротивления, покинули поле битвы и с горящими факелами в руках помчались в разные стороны, так что, глядя на них, можно было подумать, что это ряженные затеяли веселую игру в праздничную ночь. Что же касается облаченных в траур, то они, запутавшись в долгополом своем одеянии, не могли сдвинуться с места, вследствие чего Дон Кихот совершенно безнаказанно и отколотил их всех до единого, и они волей-неволей принуждены были отступить в полной уверенности, что это не человек, а сам дьявол, явившийся из преисподней, дабы похитить у них мертвое тело, лежавшее на дорогах.

Санчо смотрел на все это и, дивясь смелости своего господина, говорил себе: «Стало быть, мой господин и на деле так же храбр и силен, как на словах». Рядом с тем, которого сбросил мул, валялся пылающий факел, и, увидев его при свете этого факела, Дон Кихот подъехал к нему, приблизил острие копья к его лицу и велел сдаваться, пригрозив в противном случае умертвить его. Поверженный ему на это сказал:

— Куда ж мне еще больше сдаваться, коли я не могу сдвинуться с места: ведь у меня сломана нога! Умоляю вас, ваша милость: если только вы христианин, то не убивайте меня, ибо это будет величайшее святотатство, — ведь я лицензиат, меня рукоположили.

— Коль скоро вы духовная особа, то какой же черт вас сюда занес? — спросил Дон Кихот.

— Что меня сюда занесло, сеньор? — переспросил поверженный. — Мой горький жребий.

— Он станет еще горше, — возразил Дон Кихот, — если вы не дадите мне удовлетворительных объяснений, коих я у вас с самого начала потребовал.

— Сейчас я вам все объясню, — сказал лицензиат. — Итак, да будет известно вашей милости, что хотя я сперва сказал, что я лицензиат, но на самом деле я всего только бакалавр, а зовут меня Алонсо Лопес; родом я из Алькобендаса; еду из города Баэсы, вместе с одиннадцатью священнослужителями — теми самыми, что бежали с факелами в руках; едем же мы в город Сеговию: мы сопровождаем мертвое тело, лежащее на этих дорогах, — тело некоего кавальеро, который умер в Баэсе и там же был похоронен, а теперь, как я уже сказал, мы перевозим его останки в Сеговию, откуда он родом и где находится его фамильный склеп.

— А кто его умертвил? — спросил Дон Кихот.

— Господь бог при помощи гнилой горячки, которая его и доконала, — отвечал бакалавр.

— Значит, господь избавил меня от обязанности мстить за его смерть, — заключил Дон Кихот, — обязанности, которую я вынужден был бы принять на себя, в случае если б его убили. Но коли он умер именно так, как вы рассказываете, то мне остается лишь молча развести руками, ибо если бы мне самому была послана такая смерть, то я поступил бы точно так же. Надобно вам знать, ваше преподобие, что я рыцарь Ламанчский, а зовут меня Дон Кихот, и мой образ действий заключается в том, что я странствую по свету, выпрямляя кривду и заступаясь за обиженных.

— Какой у вас образ действий и как вы там выпрямляете кривду — это мне неизвестно, — возразил бакалавр, — а меня вы самым настоящим образом искалечили, ибо из-за вас я сломал ногу и теперь мне ее не выпрямить до конца моих дней. Заступаясь же за обиженных, вы меня так изобидели, что обиду эту я буду помнить всю жизнь, и потому встреча с искателем приключений явилась для меня истинным злостью.

— Раз на раз не приходится, — заметил Дон Кихот. — Вся беда в том, сеньор бакалавр Алонсо Лопес, что вы ехали ночью, в траурном облачении, с зажженными факелами, и что-то бормотали, — ну прямо выходцы с того света, — невольно подумаешь, что тут дело нечисто. Разумеется, я не мог не исполнить своего долга и напал на вас, и я напал бы на вас, даже если бы знал наверное, что вы бесы из преисподней, за каковых я и принимал вас до последней минуты.

— Видно, уж такая моя судьба, — рассудил бакалавр. — Но раз уж вы, сеньор странствующий рыцарь, обошлись со мной отнюдь не по-рыцарски, то, по крайней мере, помогите мне, умоляю вас, выкарабкаться из-под мула: ведь у меня нога застряла между стремянем и седлом.

— Вот тебе на! — воскликнул Дон Кихот. — Что же вы мне раньше не сказали?

Он сейчас же позвал Санчо Пансу, но тот и ухом не повел: его внимание было поглощено разгрузкой обозного мула, которого эти добрые люди основательно навьючили съестными припасами. Санчо сделал из

своего пыльника мешок, напихал в него все, что только могло туда войти, навьючил своего осла и только после этого, явившись на зов Дон Кихота, помог сеньору бакалавру выбраться из-под мула и сесть на него верхом, а затем вложил ему в руку факел. Дон Кихот посоветовал бакалавру отправиться вслед за его спутниками и попросил принести им от его имени извинения за то зло, которое он им сделал по не зависящим от него причинам, а Санчо к этому еще прибавил:

— В случае, если эти сеньоры пожелают узнать, кто таков этот удалец, который нагнал на них такого страха, то скажите, ваша милость, что это Дон Кихот Ламанчский, по прозванию Рыцарь Печального Образа.

Когда же бакалавр удалился, Дон Кихот спросил Санчо, что ему вздумалось вдруг, ни с того ни с сего, назвать его Рыцарем Печального Образа.

— Сейчас вам скажу, — отвечал Санчо. — Потому я вам дал это название, что когда я взглянул на вас при свете факела, который увез с собой этот горемыка, то у вас был такой жалкий вид, какого я что-то ни у кого не замечал. Верно, вас утомило сражение, а может, это оттого, что вам выбили коренные и передние зубы.

— Не в этом дело, — возразил Дон Кихот. — По-видимому, тот ученый муж, коему вменено в обязанность написать историю моих деяний, почел за нужное, чтобы я выбрал себе какое-нибудь прозвище, ибо так поступали все прежние рыцари: один именовался Рыцарем Пламенного Меча, другой — Рыцарем Единорога, кто — Рыцарем Дев, кто — Рыцарем Птицы Феникс, кто — Рыцарем Грифа, кто — Рыцарем Смерти, и под этими именами и прозвищами они и пользуются известностью во всем подлунном мире. Вот я и думаю, что именно он, этот ученый муж, внушил тебе мысль как-нибудь меня назвать и подсказал самое название: Рыцарь Печального Образа, и так я и буду именоваться впредь. А для того, чтобы это прозвище ко мне привилось, я при первом удобном случае велю нарисовать на моем щите какое-нибудь весьма печальное лицо.

— Незачем тратить время и деньги на то, чтобы вам рисовали какие-то лица, — возразил Санчо. — Вам стоит лишь поднять забрало и выставить на поглядение собственное свое лицо, и тогда безо всяких разговоров и безо всяких изображений на щите каждый назовет вас Рыцарем Печального Образа. Поверьте, что я не ошибаюсь. Честное слово, сеньор, — не в обиду вам будь сказано, ваша милость, — от голода и отсутствия коренных зубов вы так подурнели, что, повторяю, вы смело можете обойтись без грустного рисунка.

Шутка Санчо насмешила Дон Кихота; и все же он не отказался ни от прозвища, ни от придуманного им самим рисунка...

Глава XVI,

*из коей явствует, каких вершин и пределов могло достигнуть
и достигло неслыханное мужество Дон Кихота,
и в коей речь идет о приключении со львами, которое
Дон Кихоту удалось счастливо завершить*

В истории сказано, что, в то время как Дон Кихот кричал Санчо, что-бы он подал ему шлем, Санчо покупал у пастухов творог; настойчивый

зов господина сбил его с толку, и он не знал, что с этим творогом делать и в чем его везти; расстаться с ним было жалко, ибо деньги за него были уже уплачены, и по сему обстоятельству порешил он сунуть его в шлем своего господина; с этими-то славными дарами направился он к Дон Кихоту, дабы узнать, что ему требуется, а тот при его приближении молвил:

— Друг мой! Подай мне шлем, — или я мало смыслю в приключениях, или же то, что там виднеется, представляет собою такое приключение, которое долженствует принудить меня и уже принуждает взяться за оружие...

— А теперь будь что будет, — у меня достанет мужества схватиться с самим сатаной.

Тем временем повозка с флажками подъехала ближе, и тут оказалось, что, кроме погонщика верхом на одном из мулов и еще одного человека на передке повозки, никто больше ее не сопровождал. Дон Кихот выехал вперед и молвил:

— Куда, братцы, путь держите? Что это за повозка, что вы в ней везете и что это за стяги?

Погонщик же ему на это ответил так:

— Повозка моя, а везу я клетку с двумя свирепыми львами, которых губернатор Оранский отсылает ко двору в подарок его величеству, флаги же — государя нашего короля в знак того, что везем мы его достояние.

— А как велики эти львы? — осведомился Дон Кихот.

— Столь велики, — отвечал человек, сидевший на передке, — что крупнее их или даже таких, как они, еще ни разу из Африки в Испанию не привозили. Я — львиный сторож, много львов перевез на своем веку, но таких, как эти, еще не приходилось. Это лев и львица — лев в передней клетке, а львица в задней, и сейчас они голодные, потому с утра еще ничего не ели, так что, ваша милость, уж вы нас пропустите, нам надобно поскорее добраться до какого-нибудь селения и покормить их.

Дон Кихот же, чуть заметно усмехнувшись, ему на это сказал:

— Львят — против меня? Теперь против меня — львят? Ну так эти сеньоры, пославшие их сюда, вот как перед богом говорю, сейчас увидят, такой ли я человек, чтобы устрашиться львов! Слезай с повозки, добрый человек, и если ты сторож, то открой клетки и выпусти зверей, — назло и наперекор тем волшебникам, которые их на меня натравили, я сейчас покажу, кто таков Дон Кихот Ламанчский...

Возница, видя, что это вооруженное пугало преисполнено решимости, молвил:

— Государь мой! Будьте настолько любезны, сжальтесь вы надо мной и велите выпустить львов не прежде, чем я распрягу мулов и отведу их в безопасное место, а то если львы их растерзают, то мне тогда всю жизнь придется терзаться: ведь мулы и повозка — это все мое достояние.

— О малOVER! — вскричал Дон Кихот. — Слезай, распрягай мулов, словом, поступай как знаешь, — сейчас ты увидишь, что напрасно хлопчешь и что все старания твои ни к чему.

Возница спешил и, нимало не медля, распряг мулов, а сторож между тем заговорил громким голосом:

— Призываю во свидетели всех здесь присутствующих, что я против воли и по принуждению открываю клетки и выпускаю львов, и объявляю этому сеньору, что за весь вред и ущерб от этих зверей отвечает он, и он же возместит мне мое жалованье и то, что я имею сверх жалованья. Вы, сеньоры, спасайтесь бегством, прежде нежели я открою, а насчет себя я уверен, что звери меня не тронут...

Тут Санчо со слезами на глазах взмолился к Дон Кихоту, чтобы он отказался от этого предприятия, в сравнении с коим приключение с ветряными мельницами и ужасающее приключение с сукновальнями, а равно и все подвиги, которые он на своем веку совершил, это, дескать, только цветочки.

— Поймите, сеньор, — говорил Санчо, — тут нет колдовства, ничего похожего тут нет, сквозь решетку я разглядел коготь всамделишного льва и заключил, что ежели у этого льва такой коготь, то сам лев, уж верно, больше горы.

— Со страху он тебе и с полмира мог показаться, — возразил Дон Кихот. — Удались, Санчо, и оставь меня. Если же я погибну, то ведь тебе известен прежний наш уговор: поспеши к Дульсинее, все прочее сделается само собой.

К этому Дон Кихот прибавил много такого, что отняло у окружающих всякую надежду отговорить его от столь нелепой затеи. Всадник в зеленом плаще охотно бы ему противостал, но он видел, что Дон Кихот вооружен лучше, и оттого почел безрассудным связываться с сумасшедшим, а что перед ним сумасшедший — в этом он был теперь совершенно уверен; коротко говоря, в то время как Дон Кихот снова приступил к сторо-

жу с угрозами, идалго прищипорил свою кобылу, Санчо — своего серого, возница — своих мулов, и все они старались как можно дальше отъехать от повозки, прежде чем львы выйдут из заточения. Санчо заранее оплакивал гибель своего господина, ибо на сей раз нимало не сомневался, что быть ему в когтях львиных; он проклинал свою судьбу и тот час, когда ему вспало на ум снова поступить на службу к Дон Кихоту; впрочем, жалобы и слезы не мешали ему нахлестывать серого, чтобы он быстрее удалялся от повозки. Когда же сторож наконец уверился, что беглецы далеко, он опять начал молить и заклинать Дон Кихота так же точно, как молил и заклинал прежде, но Дон

Г. Доре. Иллюстрация к роману. 1868 г.

Кихот ему сказал, что он это уже слышал и что пусть, дескать, сторож более себя не утруждает просьбами и заклинаниями, ибо все это напрасно, а пусть лучше, мол, поторопится. Пока сторож возился с первой клеткой. Дон Кихот обдумывал, как благоразумнее вести сражение — пешим или же на коне, и, поразмыслив, решил, что пешим, ибо львы могли испугать Росинанта. Того ради он соскочил с коня, бросил копье, схватил щит, обнажил меч и, исполненный изумительной отваги и бесстрашия, важною поступью двинулся прямо к повозке, всецело поручая себя сначала богу, а потом госпоже своей Дульсине. Надобно заметить, что, дойдя до этого места, автор правдивой этой истории восклицает: «О могучий и выше всяких похвал отважный Дон Кихот Ламанчский, зеркало, в которое могут глядеться все удалцы на свете, новый, второй дон Мануэль Львиный, краса и гордость рыцарей испанских! Где мне взять слова для описания столь страшного подвига, какие я должен подобрать выражения, дабы поздние потомки мне поверили? Есть ли такие похвалы, которые бы тебе не подошли и не подходили, будь они гиперболические любых гиперболов? Пеший, одинокий, бесстрашный, великодушный, с одним лишь мечом, да и то не слишком острым, без «собачки», и со щитом, да и то не из весьма блестящей и сверкающей стали, ты ожидаешь и высматриваешь двух самых хищных львов, каких когда-либо выращивали дебри африканские. Нет, пусть собственные деяния прославляют тебя, доблестный ламанчец, я же предоставляю им говорить самим за себя, ибо не имею довольно слов, дабы превознести их».

На этом кончается вышеприведенное восклицание автора, и, связав прерванную было нить повествования, он продолжает: едва сторож увидел, что Дон Кихот уже наготове и что, из боязни навлечь на себя гнев вспыльчивого и дерзкого кавальера, ему не миновать выпустить льва, он настежь распахнул дверцу первой клетки, где, повторяем, находился лев величины, как оказалось, непомерной, — чудовищный и страховидный лев. Прежде всего лев повернулся к своей клетке, выставил лапы и потянулся всем телом, засим разинул пасть, сладко зевнул и языком почти в две пяди длиною протер себе глаза и облизал морду; после этого он высунулся из клетки и горящими, как угли, глазами повел во все стороны; при этом вид его и движения могли бы, кажется, навести страх на самую смелость. Дон Кихот, однако, смотрел на него в упор, — он с нетерпением ждал, когда же наконец лев спрыгнет с повозки и вступит с ним в рукопашную, а он изрубит льва на куски.

Вот до какой крайности дошло его доселе невиданное безумие. Однако благородный лев, не столь дерзновенный, сколь учтивый, оглядевшись, как уже было сказано, по сторонам и не обращая внимания на Дон-Кихотово ребячество и молодечество, повернулся и, показав Дон Кихоту зад, прехладнокровно и не торопясь снова вытянулся в клетке; тогда Дон Кихот велел сторожу ударить его, чтобы разозлить и выгнать из клетки.

— Этого я делать не стану, — возразил сторож, — ведь коли я его раздражаю, так он первым делом разорвет в клочки меня. Пусть ваша милость, сеньор кавальеро, удовольствуется уже сделанным, ибо по части

храбрости лучшего и желать невозможно, испытывать же судьбу дважды не годится. В клетке у льва дверца отворена: он волен выходить или не выходить, но ежели он до сей поры не вышел, стало быть, и до вечера не выйдет. Твердость духа вашей милости уже доказана, — от самого храброго бойца, сколько я понимаю, требуется лишь вызвать недруга на поединок и ожидать его на поле брани, если же неприятель не явился, то позор на нем, а победный венок достается ожидавшему.

— И то правда, — молвил Дон Кихот, — закрой, приятель, дверцу и в наилучшей форме засвидетельствуй все, что здесь на твоих глазах произошло, а именно: как ты открыл льву, как я его ждал, а он не вышел, как я его снова стал ждать, а он опять не вышел и снова улегся. Мой долг исполнен, прочь колдовские чары, и да поможет господь разуму, истине и истинному рыцарству, ты же закрой, повторяю, клетку, а я тем временем знаками подзову бежавших и отсутствовавших, дабы они услышали из твоих уст о моем подвиге.

Сторож так и сделал, а Дон Кихот, нацепив на острие копья платок... стал звать беглецов, которые все еще, предводительствуемые идальго, мчались и поминутно оборачивались; как же скоро Санчо увидел, что Дон Кихот машет белым платком, то сказал:

— Убейте меня, если мой господин не одолел этих диких зверей, — ведь он нас кличет.

Все остановились и уверились, что делает знаки не кто иной, как сам Дон Кихот; это их несколько ободрило, они осторожно двинулись обратно, и вскоре до них уже явственно донеслись крики Дон Кихота, который их звал. В конце концов они приблизились к повозке, и тогда Дон Кихот сказал вознице:

— Запрягай, братец, своих мулов и трогайся в путь, а ты, Санчо, выдай ему два золотых, один — для него, другой — для сторожа, за то, что я у них отнял время.

— Выдать-то я им с великим удовольствием выдам, — сказал Санчо, — но, однако же, что случилось со львами? Живы они или мертвы?

Тут сторож обстоятельно и с расстановкою принялся рассказывать об исходе схватки, преувеличивая, как мог и умел, доблесть Дон Кихота, при одном виде которого лев якобы струхнул и не пожелал и не посмел выйти из клетки, хотя дверца долгое время оставалась открытою; и только после того как он, сторож, сказал этому кавальеро, что дразнить льва и силком гнать из клетки значит испытывать долготерпение божие, а кавальеро, дескать, именно добивался, чтобы льва раздражили, он неохотно и скрепя сердце позволил запереть клетку.

— Что ты на это скажешь, Санчо? — спросил Дон Кихот. — Какое чародейство устоит против истинной отваги? Чародеи вольны обрекать меня на неудачи, но сломить мое упорство и мужество они не властны.

Санчо выдал деньги, возница запряг мулов, а сторож поцеловал Дон Кихоту руки за оказанное благодеяние и обещал рассказать о славном этом подвиге самому королю, когда придет в столицу.

— Буде же его величество спросит, кто этот подвиг совершил, скажите — что Рыцарь Львов, ибо я хочу, чтобы прежнее мое прозвание, Рыцарь Печального Образа, изменили, переменили, заменили и сменили на это, и тут я следую старинному обычаю странствующих рыцарей, которые меняли имена, когда им этого хотелось или же когда это напращивалось само собой.

Повозка двинулась своею дорогою, а Дон Кихот, Санчо и всадник в зеленом плаще — своею.

Глава XVIII,

повествующая о многих великих событиях

...До того, как все приблизились к летнему дворцу, иначе говоря к замку, герцог поехал вперед и отдал распоряжение всем своим слугам, как должно обходиться с Дон Кихотом, и когда Дон Кихот вместе с герцогиней подъехал к воротам замка, то навстречу вышли два не то лакея, не то конюха в длинных, до пят, так называемых утренних платьях из великолепного алого атласа, и не успел он оглянуться, как они уже подхватили его на руки и сказали:

— Соболаговолите, ваше величие, помочь сеньоре герцогине сойти с коня.

Дон Кихот хотел было ей помочь, но тут между ним и герцогиней произошел длительный обмен любезностями; герцогиня, однако ж, настояла на своем и изъявила твердое желание сойти и спуститься с коня только с помощью герцога, ибо она-де чувствует, что недостойна утруждать понапрасну столь великого рыцаря. В конце концов приблизился герцог и помог ей спешиться; когда же все вошли в обширный внутренний двор, две прелестные девушки набросили Дон Кихоту на плечи великолепную алую мантию, и в тот же миг во всех галереях появились слуги и служанки и начали громко восклицать:

— Добро пожаловать, краса и гордость странствующего рыцарства!

И при этом все они или почти все опрыскивали из флаконов герцога, герцогиню и Дон Кихота душистою жидкостью, что привело Дон Кихота в крайнее изумление. И тут он впервые окончательно убедился и поверил, что он не мнимый, а самый настоящий странствующий рыцарь, ибо все обходились с ним так же точно, как обходились с подобными рыцарями во времена протекшие, о чем ему было известно из романов.

Затем ему предложили подняться по лестнице и провели в залу, увешанную драгоценною парчою и златоткаными коврами; шесть девушек сняли с него доспехи и стали прислуживать ему, как пажи, — все они были научены и предуведомлены герцогом и герцогинею, что им нужно делать и как должно обходиться с Дон Кихотом, чтобы он вообразил и удостоверился, что его принимают за странствующего рыцаря. Когда с Дон Кихота сняли доспехи, он, тощий, высокий, долговязый, с такими впалыми щеками, что казалось, будто они целуют одна другую изнутри, остался в узких шароварах и в камзоле из верблюжьей шерсти, и вид у него был такой, что если бы девушки не делали над собой усилие, чтобы

не прыснуть (а на сей предмет они получили от своих господ особый наказ), они бы, уж верно, покатались со смеху.

Затем прислужницы попросили Дон Кихота раздеться донага, чтобы они могли переменить на нем сорочку, но он этому решительно воспротивился, объявив, что благопристойность так же подобает странствующим рыцарям, как и храбрость. Со всем тем он попросил передать чистую сорочку Санчо и, запершись с ним в другом покое, где находилось роскошно убранное ложе, разделся и переменял сорочку; оставшись же наедине с Санчо, он обратился к нему с такими словами:

— Отвечай, новорожденный шут и исконный дурачина: как ты смел бесчестить и оскорблять почтенную и достойную всяческого уважения дуэнью? Разве ты не мог найти более подходящего времени, чтобы вспомнить о своем сером, и неужели ты думаешь, что сеньоры, которые оказали нам столь пышный прием, не позаботились бы о наших животных? Ради бога, Санчо, совладай ты с собою и не выставляй на поглазенье своей пряжи, а то все догадаются, что ты сработан из грубой деревенской ткани. Помни, греховодник, что господа пользуются тем большим уважением, чем добропорядочнее и благовоспитаннее их слуги, и что одно из главных достоинств, коими принц отличается от остальных людей, состоит в том, что слуги его так же хороши, как и он сам. Горе мне с тобой, никудышный ты человек, неужели ты не понимаешь, что если все признают тебя за грубого мужика и придурковатого шута, то подумают, что я жулик и обманщик? Нет, нет, друг Санчо, остерегайся подобных неприятностей. Кто не знает меры в болтовне и острологии, тот при первом же неосторожном шаге впадет и ударится в жалкое скоморошество. Обуздай свой язык. Обдумывай и взвешивай каждое слово, прежде нежели оно изойдет у тебя из уст, и прими в соображение, что мы попали наконец в такое место, где с помощью господ бога и моей доблести мы приумножим нашу славу и достояние.

Санчо твердо обещал во исполнение господской воли зашить себе рот и скорее откусить язык, нежели произнести хотя одно неуместное и необдуманное слово; можно, дескать, не беспокоиться: никто по его поведению не поймет, что они за люди.

Герцог предложил Дон Кихоту занять почетное место, тот сначала было отнекивался, но в конце концов сдался на уговоры. Духовник сел напротив Дон Кихота, герцог же и герцогиня — справа и слева от него.

Духовник, слышавший весь этот разговор про великанов, душегубов и колдовство, догадался, что это и есть Дон Кихот Ламанчский, которого историю герцог читал постоянно, между тем духовник порицал его за это многократно и уверял, что глупо с его стороны читать подобные глупости. И вот теперь, совершенно удостоверившись в правильности своих предположений, он в превеликом гневе заговорил с герцогом:

— Ваша светлость! Вам, государь мой, придется давать ответ богу за выходки этого молодца. Я склонен думать, что этот самый Дон Кихот, Дон Остолоп или как его там, не столь уж слабоумен, каким ваша свет-

лость себе его представляет, а потому и не след вам потворствовать его дурачествам и сумасбродствам.

Затем он обратился непосредственно к Дон Кихоту и сказал:

— Послушайте вы, пустая голова: кто это вам втемяшил, что вы странствующий рыцарь и что вы побеждаете великанов и берете в плен лиходеёв? Опомнитесь и попомните мое слово: возвращайтесь к себе домой, растите детей, если у вас есть таковые, занимайтесь хозяйством и перестаньте мыкаться по свету, ловить в небе журавля и смешить всех добрых людей, знакомых и незнакомых. Откуда вы взяли, что были на свете и сейчас еще существуют странствующие рыцари, не к ночи будь они помянуты? Где же это в Испании водятся великаны или в Ламанче — душегубы, и где эти заколдованные Дульсинеи и вся эта уйма чепухи, которая про вас написана?

Дон Кихот со вниманием выслушал почтенного сего мужа, а когда тот умолк, он, несмотря на свое уважение к герцогской чете, вскочил с места и, всем своим видом выражая гнев и возмущение, заговорил...

Впрочем, ответ его заслуживает особой главы.

Глава XXIII

О советах, которые Дон Кихот преподал Санчо Пансе перед тем, как тот отправился управлять островом, а равно и о других весьма важных вещах

— Послушай, друг Санчо, — заговорил герцог, — я не властен кого бы то ни было наделять ни единым кусочком неба, будь он даже величиною с ноготь, — подобные милости и щедроты могут исходить только от господ бога. Я даю тебе, что могу, а именно самый настоящий остров, круглый и аккуратный, в высшей степени плодородный и обильный, так что если тебе удастся прибрать его к рукам, то при наличии стольких земных благ ты приобретешь и блага небесные.

— Ин ладно, — молвил Санчо, — остров так остров, я постараюсь быть таким губернатором, чтобы назло всем мошенникам душа моя попала на небо. И это я не из корысти мечу в высокие начальники и залетаю в барские хоромы, — просто мне хочется попробовать, какое оно, это губернаторство...

Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть нитруднейшее из всех, какие только могут быть. Познавши самого себя, ты уже не станешь надуваться, точно лягушка, пожелавшая сравняться с волом, если же станешь, то, подобно павлину, смущенно прячущему свой пышный хвост при взгляде на уродливые свои ноги, ты невольно будешь прятать хвост безрассудного своего тщеславия при мысли о том, что в родном краю ты некогда пас свиней.

— Справедливо, — согласился Санчо, — но в ту пору я мальчонкой был, а когда подрос маленько, то уж гусей пас, а не свиней. Но только, думается мне, это к делу не идет: ведь не все правители королевского рода.

— Твоя правда, — заметил Дон Кихот, — и вот почему людям происхождения незнатного, занимающим важные посты, надлежит проявлять мягкость и снисходительность, каковые в сочетании с благоразумною осторожностью избавляют от злостной клеветы, а иначе от нее ни в какой должности не уберешься.

О своем худородстве, Санчо, говори с гордостью и признавайся, не краснея, что ты из крестьян, ибо никому не придет в голову тебя этим стыдить, коль скоро ты сам этого не стыдишься; вообще стремись к тому, чтобы стать смиренным праведником, а не надменным грешником. Бесчисленное множество людей, в низкой доле рожденных, достигали наивысших степеней и были возводимы в сан первосвященнический или же императорский, чему я мог бы привести столько примеров, что ты устал бы меня слушать.

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а добродетель приобретается, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет.

А когда так, то в случае если кто-нибудь из родственников твоих вздумает навестить тебя на твоём острове, то не гони его и не обижай, но, напротив того, прими с честью и обласкай — этим ты угодишь богу, который не любит, когда гнушаются кем-либо из его созданий, и вместе с тем соблюдешь мудрый закон природы.

Если привезешь с собою жену (ибо нехорошо, когда люди, призванные к исполнению служебных своих обязанностей на долгий срок, пребывают в разлуке с супругами), то поучай ее, наставляй и шлифуй природную ее неотесанность, ибо что умный губернатор приобрел, то может растерять и расточить глупая его и неотесанная жена.

Если ты овдовеешь (что всегда может случиться) и благодаря своему положению составишь себе более блестящую партию, то смотри, как бы новая твоя жена не превратилась в удочку с крючком и не начала приговаривать: «Ловись, ловись, рыбка большая и маленькая», — истинно говорю тебе, что за все взятки, которые вымогает жена судьи, в день Страшного суда ответит ее муж, и после смерти он в четырехкратном размере заплатит за те побочные статьи дохода, на которые он при жизни не обращал внимания.

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников.

Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача.

Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а доброделитель твоя — в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно, детей ты женишь по своему благоусмотрению, дети твои и внуки будут иметь почетное звание, уделом твоим будет мир и всеобщее благорасположение, а затем, в пору тихой твоей и глубокой старости, в урочный час за тобою явится смерть, и нежные, мягкие ручки правнуков твоих закроют тебе очи. Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души, а теперь послушай назидания, имеющие своею целью украшение тела.

Глава XLII

О том, что случилось с Дон Кихотом на пути в Барселону

Их светлости с самого начала не раскаивались, что сыграли шутку с Санчо Пансой, дав ему погубернаторствовать; когда же к ним в тот самый день явился домоправитель и обстоятельнейшим образом доложил почти обо всех словах и поступках, за эти дни губернатором сказанных и совершенных, а в заключение живописал набег неприятельских войск, испуг Санчо и его отъезд, то они получили от всего этого немалое удовольствие.

Дон Кихот уже начинал тяготиться тою праздною жизнью, какую он вел в замке; он полагал, что с его стороны это большой грех — предаваясь лени и бездействию, проводить дни в бесконечных пирах и развлечениях, которые для него, как для странствующего рыцаря, устраивались хозяевами, и склонен был думать, что за бездействие и праздность господь с него строго взыщет, — вот почему в один прекрасный день он попросил у

их светлостей позволения уехать. Их светлости позволили, не преминув, однако ж, выразить глубокое свое сожаление по поводу его отъезда.

...Простившись с их светлостями, рано утром, облаченный в доспехи, появился на площади перед замком. С галереи на него глазели все обитатели замка; герцог и герцогиня также вышли на него посмотреть. Санчо восседал на своем сером, при нем находились его дорожная сума, чемодан и съестные припасы, и был он рад-радехонек, оттого что герцогский домоправитель, тот самый, который изображал Трифальди, вручил ему кошелек с двумя сотнями золотых на путевые издержки,

Дон Кихот учтиво поклонился герцогу с герцогиней, а равно и всем присутствовавшим, засим поворотил Росинанта и, сопровождаемый Санчо верхом на осле, выехал за ворота замка и направил путь в Сарагосу.

— Свобода, Санчо, есть одна из самых драгоценных щедрот, которые небо изливает на людей; с нею не могут сравниться никакие сокровища: ни те, что таятся в недрах земли, ни те, что сокрыты на дне морском. Ради свободы, так же точно, как и ради чести, можно и должно рисковать жизнью, и, напротив того, неволя есть величайшее из всех несчастий, какие только могут случиться с человеком...

—❧— Вопросы и задания —❧—

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. Каким предстает перед читателями Дон Кихот в первой главе романа? Чем он привлекателен и одновременно смешон? (Опираясь на текст, ответьте, с какой целью Дон Кихот решает стать странствующим рыцарем, как готовится к этому событию.)
2. Свой роман о Дон Кихоте Сервантес задумал как пародию на рыцарский роман — самый популярный у читателей литературный жанр того времени. Пародия (греч. *parodia* — перепев) — комическое подражание какому-либо художественному произведению или группе произведений. Чем комична сцена посвящения Дон Кихота в рыцари? Как показывает писатель разное отношение к этому событию Дон Кихота и хозяина трактира? Какое значение отводится описанию обстановки, в которой происходит церемония посвящения в рыцари?

● Углубимся в текст романа

3. Обратите внимание на интересный момент в третьей главе: хозяин трактира и его погонщик не вступают в прямой диалог с Дон Кихотом, когда тот обращается к ним. Почему Сервантес не помещает их ответы в текст, а излагает происходящее от третьего лица?
4. Какая первая возможность представилась Дон Кихоту для испытания своих рыцарских достоинств? Какие чувства вызывает у вас поведение героя?
5. Чем закончилась попытка Дон Кихота защитить мальчика, жестоко наказываемого своим хозяином? Смешно или грустно становится нам?
6. Как изображает Сервантес действительную жизнь Испании своего времени?
7. Почему в оруженосцы себе Дон Кихот избирает бедного хлебопашца Санчо Пансу?
8. Какие рыцарские качества проявляет Дон Кихот, совершая свои подвиги? (Обратитесь к главам, в которых описываются: поединок Дон Кихота

с ветряными мельницами, его нападение на похоронную процессию, приключение со львами.) С сочувствием или осуждением к поступкам Дон Кихота относятся окружающие его люди?

9. Благодаря Сервантесу выражение «бороться с ветряными мельницами» стало афоризмом. В каких случаях его употребляют?
10. Прочитайте выразительно диалог Дон Кихота с духовником герцога, передайте свое отношение к каждому из говорящих.
11. Какие человеческие черты проявляет Дон Кихот, напутствующий Санчо Пансу перед его вступлением в должность губернатора острова?
12. Почему Сервантес называет Дон Кихота «хитроумным идальго», «славным идальго», «доблестным Дон Кихотом, заступником обиженных и угнетенных»?
13. Какой след в вашей душе оставило чтение и изучение романа Сервантеса «Дон Кихот»? Чем замечателен для вас образ Дон Кихота?

Для самостоятельной работы

14. Подготовьте выразительное чтение эпизода схватки Дон Кихота с Рыцарем Белой Луны.
15. Сравните речь Дон Кихота и Санчо Пансы. Как характеризует она каждого из героев?
16. Сервантес писал свой роман во времена действовавшей в Испании инквизиции¹. Опасаясь столкновения с ней, писатель в уста якобы безумного рыцаря вложил свои самые заветные мысли о справедливости, благородстве, человечности, мудрости, которые он хотел передать своим современникам. Найдите в тексте такие высказывания Дон Кихота и объясните, в чем их общечеловеческая ценность.
17. Примите участие в подготовке проекта «Образ Дон Кихота в поэзии и изобразительном искусстве» (включите в свои выступления выразительное чтение стихотворений русских и украинских поэтов, посвященных Дон Кихоту: «Странствующий рыцарь, Дон Кихот!..» В. Брюсова, «Баллада о доблестном рыцаре Дон Кихоте» В. Ходасевича, «Дон Кихот» С. Маршак, «Кто говорит, что умер Дон Кихот?..» Ю. Друниной; «Пригоди Дон Кихота» И. Франко, «Балада моїх ночей» Л. Костенко и др.).

Для дискуссии

После создания романа Сервантеса появилось такое понятие как «донкихотство». Его толкуют по-разному. Некоторые называют донкихотством отсутствие у человека чувства реальности, того, что окружающим кажется наивным и смешным. Но под донкихотством понимают и нежелание приспособливаться в жизни, стремление преобразовывать жизнь, упорное следование мечте.

- ✱ В каком значении, по вашему мнению, предпочтительнее употреблять это понятие и почему?

Для будущих филологов

1. Подготовьте сообщение о «подложном» втором томе «Дон Кихота» неизвестного автора.

¹ *Инквизиция* — следственный и карательный орган католической церкви, с крайней жестокостью преследовавший инакомыслящих, а часто и совсем невиновных.

2. Создайте устные рассказы на одну из тем: «Дон Кихот и его верный оруженосец» или «Губернаторство Санчо Пансы» (по содержанию самостоятельно прочитанных глав романа).

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

Примечательно, что вскоре после выхода в свет романа Сервантеса «Дон Кихот» образ главного героя вдохновлял композиторов разных стран мира и в разное время написание своих музыкальных произведений. Всего, начиная с 1740 года и по XX век включительно, было создано 13 балетных спектаклей и 5 опер. 48 раз роман «Дон Кихот» экранизировался в кино и несколько раз на телевидении. В этом отношении с ним не может соперничать ни одно выдающееся произведение мировой литературы.

В середине XX века английский журнал «Великобритания сегодня» провел международную анкету, предлагая назвать сорок лучших книг, начиная с первого века нашей эры. Ответы пришли со всего света. На первом месте оказался «Дон Кихот» Сервантеса, а на втором — «Война и мир» Л. Н. Толстого.

В 2002 году, подводя итоги ушедшего тысячелетия, Нобелевский комитет собрал авторитетное жюри, в которое вошли сто известных писателей из пятидесяти четырёх стран мира. Их попросили определить лучшее произведение мировой литературы. «Книгой всех времён и народов» был назван «Дон Кихот».

- ? 1. Объясните, почему роман Сервантеса «Дон Кихот» признан «книгой всех времён и народов»? Чем он так необходим современным людям?

УЧИМСЯ БЫТЬ КОМПЕТЕНТНЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

О вечных образах

Образ Дон Кихота называют «вечным образом». Такими же являются и известные вам Прометей, Ромео и Джульетта и др.

Вечные образы — это литературные образы, которые выходят за рамки конкретных произведений и изображенной в них эпохи и воспринимаются как символы общечеловеческих духовно-нравственных ценностей: любви, доброты, справедливости, жажды познания и т. п. Их имена стали нарицательными, указывающими на определенные черты характера человека или литературного образа.

Имя Дон Кихота также из собственного стало нарицательным. Донкихотами стали называть людей, не способных разбираться в действительности, чьи понятия и поступки ничего, кроме комизма и смеха, по их мнению, вызывать не могут. Однако существует и другое понимание донкихотства, другое отношение к образу Дон Кихота.

Широкое обсуждение вызвало в свое время высказывание русского писателя И. С. Тургенева (1860). По его мнению, «Дон Кихот проникнут весь преданностью идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью... Он весь живет для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным чело-вечеству силам... Смиранный сердцем, он духом велик и смел...». По глубокому убеждению писателя, с позиций гуманизма Дон Кихот — «самое нравственное существо в мире...энтузиаст, служитель идеи и потому обвеян ее сиянием».

Как видим, вечные образы вобрали в себя общечеловеческие ценности, благодаря чему они приобрели признание и распространение в литературе и искусстве разных эпох.

- ❓ 1. Какие литературные образы относят к «вечным образам»?
- 2. Почему образы Дон Кихота, Ромео и Джульетты являются «вечными обра-зами»?

О романе

Слово **роман** (франц. *roman*, нем. *roman*, англ. *novel*) первоначально означало всякое произведение, написанное на романском¹ языке.

Со временем к романам стали относить эпические произведения, в которых повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности. Вместе с тем отличительное свойство романа состоит и в том, что судьба человека всегда изображается в процессе его становления и развития. Примером этому может служить «Дон Кихот» Сервантеса, признанный самым совершенным романом эпохи Возрождения. Главный герой его — бедный провинциальный идалго, начитавшись рыцарских романов, решил заниматься тем же, чем, «как то ему было известно из книг, все странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почет». Дон Кихот совершает смешные и безрассудные поступки. Он вступает в поединок с ветряными мельницами, которые кажутся ему сказочными великанами, нападает на стадо баранов, на похоронную процессию.

Однако «Дон Кихота» нельзя считать только пародией на рыцарские романы. Начиная с шестой главы, в которой у героя-рыцаря появляется оруженосец, они странствуют вместе. Читателям постепенно открывается широкая картина мрачной действительности Испании конца XVI — начала XVII века. Сервантес не случайно соединяет бедного идалго и крестьянина.

Его роман становится непрекращающимся диалогом между Дон Кихотом и Санчо Пансой о самых жгучих вопросах того времени. Этот непрерывный обмен мнениями необходим обоим. Дон Кихот преподает Санчо Пансе уроки нравственного совершенствования и политической мудрости.

¹ *Романские языки* — группа родственных языков: итальянский, испанский, французский, португальский, румынский и др. входят в индоевропейскую семью языков.

В свою очередь, Санчо Панса, постоянно проявляя крестьянскую сметливость, практичность, находчивость, показывает Дон Кихоту примеры обдуманного, здорового отношения к жизни. Постепенно из чудака и наивного мечтателя Дон Кихот превращается в просветленного мудреца. Он дает достойный ответ духовнику герцога, покидает замок, почувствовав издевательское к себе отношение, строго и в то же время сердечно напутствует Санчо Пансу перед его вступлением в должность губернатора.

Важным показателем романа является стремление изображаемого героя к свободе и независимости от всяческих посягательств на его личность. В романе Сервантеса это показано очень наглядно: Дон Кихот покидает герцогский замок, убедившись в невозможности дальнейшего своего пребывания в нем, а Санчо Панса отказывается от губернаторства. Их встреча и отъезд из замка — это моральная победа героев над окружающим их миром алчности, тунеядства, жестокости, духовного ничтожества, олицетворением которых является не только герцогский замок, но и вся испанская действительность XVII века.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод: **роман** — это жанр эпического произведения большой формы, в котором повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности, её отношении к окружающему миру, её становлении и развитии.

- ?
1. Назовите характерные особенности романа.
 2. На примерах из «Дон Кихота» Сервантеса докажите, что это произведение относится к жанру романа.

О родах художественной литературы

С давних времен известны способы, или роды литературного изображения: эпический, лирический и драматический.

В произведениях, относящихся к **эпическому роду**, рассказывается о событиях и людях (героях). Эпическое повествование ведется от лица, называемого повествователем, который является как бы посредником между изображаемым в произведении и читателями (слушателями). Сведения о его судьбе, его отношениях с персонажами обычно отсутствуют. О своих мыслях и переживаниях автор эпического произведения умалчивает, или говорит мало. Вместе с тем повествователь может стать конкретным лицом, то есть рассказчиком. Например, от имени рассказчика ведется повествование в известной вам повести Пушкина «Станционный смотритель».

Вдумчивый читатель не только усваивает сюжет эпического произведения, но и понимает отношение автора к изображаемому, замечая его осуждение или сочувствие, отрицание или утверждение.

Эпические произведения — это сказка, былина, басня, баллада, рассказ, поэма, повесть, роман.

В произведениях, относящихся к **лирическому роду**, автор основное внимание уделяет изображению собственных чувств, настроений, раздумий, вызванных окружающим миром.

Стихотворение, ода, элегия, эпиграмма — это **лирические** произведения.

Есть произведения, в которых автор, повествуя о каких-либо событиях и людях, передает в то же время свои собственные мысли и чувства. Такие произведения называются лирико-эпическими. К ним можно отнести, например, поэму Лермонтова «Мцыри».

В произведениях, относящихся к **драматическому роду** (подробнее о них говорилось раньше), речь автора отсутствует, кроме замечаний для актеров (ремарок). Характеры героев в драматическом произведении не описываются, а проявляются непосредственно в действии, в поступках, высказываниях. В пьесах важны монолог и диалог (разговор героев), при помощи которых разворачивается драматическое действие. События, воспроизводимые на сцене, воспринимаются нами как происходящие в настоящее время — «здесь и сейчас». Поэтому так волнует нас постановка драматического произведения на сцене.

К основным драматическим произведениям принадлежат трагедия, драма (в узком смысле), комедия.

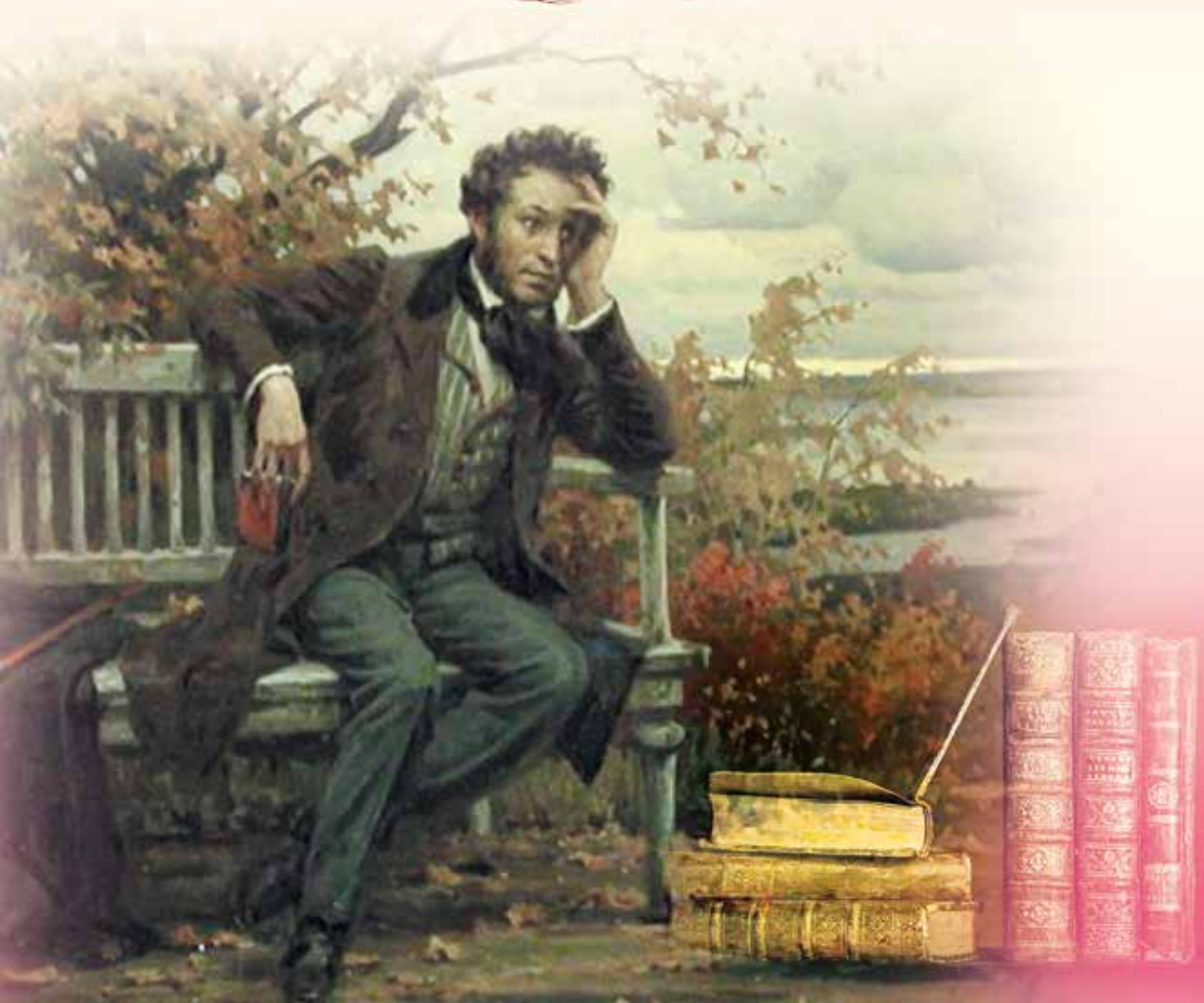
- ?
1. Объясните значение понятия «роды художественной литературы».
 2. Назовите отличительные признаки эпических, лирических и драматических произведений. Приведите примеры произведений, относящихся к каждому из литературных родов.
 3. Какие свойства эпических, лирических и драматических произведений делают их особенно притягательными и волнующими для читателей?

ПРОВЕРИМ СВОЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

1. Прочитайте эпиграф, который открывает данный раздел учебника. Какую важную мысль о литературе эпохи Возрождения подчеркивают приведенные в нем слова Шекспира?
2. Чем обогатились ваши представления о литературе эпохи Возрождения после знакомства с трагедией «Ромео и Джульетта» Шекспира и романом «Дон Кихот» Сервантеса?
3. В чем заключена главная жизненная ценность в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта»?
4. Назовите и раскройте значение отличительных признаков трагедии.
5. Какие главные понятия о справедливой жизни воплотил Сервантес в своем романе «Дон Кихот»?
6. Объясните значение понятия «донкихотство». Какую точку зрения поддерживаете вы и почему?
7. Что такое «вечные образы»? Раскройте их значение на примерах героев трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» и романа Сервантеса «Дон Кихот».
8. Назовите отличительные особенности жанра романа. Укажите как они проявляются в романе Сервантеса «Дон Кихот».
9. Расскажите о литературных родах и их разновидностях.
10. Почему Шекспира и Сервантеса называют великими гуманистами?

**РАЗНООБРАЗИЕ
ЖАНРОВ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
XIX СТОЛЕТИЯ**

**Если произведения литератур европейских нам нравились,
волновали наш эстетический вкус и нашу фантазию,
то произведения русских писателей мучили нас,
пробуждали нашу совесть, пробуждали в нас человека...**

И. Франко

1. С раннего детства мы знакомимся со стихами, сказками, баснями, позднее в круг нашего чтения входят рассказы, повести, пьесы, романы. Произведения каких литературных жанров вы чаще всего выбираете для чтения? Какие из них вам особенно запомнились и почему?
2. Какие герои из рассказов, повестей русских писателей оставили след в вашей душе, стали для вас особенно близкими?
3. Чем нравятся вам лирические произведения? Прочтите наизусть свое любимое стихотворение А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова или другого автора.

Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь, Иван Тургенев, Лев Толстой, Антон Чехов...

Кажется почти чудом, что все эти великие русские писатели жили и творили в одном — девятнадцатом — веке. Несмотря на различия во взглядах, их всех объединяло стремление отразить в своих произведениях острые и жгучие вопросы времени. В своих стихах, рассказах, поэмах, повестях они стремились показать тяготы крепостного строя, извечные чаяния народа о справедливой и свободной жизни. Писатели XIX века глубоко понимали и правдиво показывали человека. Вспомните Самсона Вырина из повести Пушкина «Станционный смотритель», Мцыри из поэмы Лермонтова «Мцыри», Тараса Бульбу из одноименной повести. Эти литературные герои наделены такими прекрасными человеческими качествами, как душевное богатство, трудолюбие, любовь к родине, чувство человеческого достоинства.

Басни Крылова, разнообразные по жанрам произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова и других известных русских писателей призывали человека к духовному и нравственному совершенствованию. Герои их произведений размышляют о смысле жизни, об ответственности человека за содеянное им. Писатели, подобно своим любимым героям, страстно желали заглянуть в будущее, постоянно и настойчиво искали ответ на вопрос, как сделать человека счастливым, помочь ему избавиться от гнета и страданий.

О высоком предназначении поэта и гражданской ответственности его перед обществом М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Поэт» провозглашал:

Твой стих, как божий дух, носился над толпой
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Произведения русской литературы XIX века высоко ценили украинские писатели. Тарас Шевченко поэзию Лермонтова называл святой. Находясь в ссылке, великий украинский поэт зачитывался вольнолюбивой лирикой Лермонтова. В своем «Дневнике» он оставил запись: «Ночь. Лунная, тихая, волшебная ночь. Как прекрасно и верно гармонировала эта очаровательная пустынная картина с очаровательными стихами Лермонтова, которые я невольно прочитал несколько раз...»

Тарас Шевченко восхищался и творчеством Гоголя, о котором писал: «Пред Гоголем должно благоговеть, как пред человеком, одаренным самым глубоким умом и самою нежною любовью к людям!»

В этом учебном году вы познакомитесь с новыми замечательными произведениями А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя. Вы углубите свои знания об этих писателях и их творчестве, расширите представления о жизни и людях, об истории, запечатленной в художественном слове. Вы будете читать и размышлять над рассказом Л. Толстого «После бала», узнаете, что волновало этого писателя — «величайшего из всех романистов», — по оценке французского писателя Анатolia Франса. Американский писатель Теодор Драйзер оставил запись о впечатлении, которое произвели на него в юности книги Толстого: «Как чудесно было бы стать писателем. Если бы можно было писать, как Толстой, и заставить весь мир прислушаться!»

- ?
1. Кто из писателей XIX века составляет славу и гордость русской литературы? Чем замечательны их произведения, которые вы изучали на уроках или прочитали самостоятельно?
 2. К каким важным темам обращались писатели XIX века в своих произведениях? (В своих ответах опирайтесь на конкретные произведения, изученные в предыдущих классах.)
 3. В чем проявилось жанровое разнообразие произведений русских писателей в XIX веке?
 4. Кто из русских писателей (поэтов) XIX века и героев их произведений вам особенно близок и почему?
 5. Какое значение имела русская литература для украинских писателей и писателей других стран?

Александр Сергеевич ПУШКИН

(1799—1837)

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

А. Пушкин

Пушкин приходит к нам с раннего детства — веселым, лукавым и добрым сказочником. Проникает в душу волнующим, напевным стихом. И остается от этого на всю жизнь теплое воспоминание, как о ласковой материнской руке. Но чем дальше, тем больше мы оглядываемся на свою детскую, первую поэтическую любовь и начинаем замечать в прозрачной чистоте пушкинского стиха потаенные глубины мыслей и чувств — одну другой заманчивей.

Вся поэзия Александра Пушкина — это его лирический дневник, в котором он запечатлевает черты своей личности, своего мировосприятия. И нам, конечно, хочется ощутить непосредственную близость к поэту, узнать, как и о чем думал он, какими идеями жил, какие мысли вынашивал, каковы были его взгляды на природу и историю, на те потрясения и события, которыми так богата была первая треть XIX века.

Ярко проявилось величие личности Пушкина в его отношениях с друзьями. Можно сказать, что у него был особый дар, особый талант на дружбу. Дружбой освящена — освящена, иначе не скажешь! — вся его жизнь и вся его поэзия. Никто из русских поэтов не воспел дружбу так, как Пушкин. И никто не сказал о неверной дружбе столько горьких слов!

Потребность в постоянном дружеском общении развилась в нем в настоящую духовную жажду, и ни от чего он так остро не страдал, как от долгой разлуки с друзьями. И как бурно, по-детски искренне радовался Пушкин встрече с друзьями. Как щедро дарил им себя, свое сердце! Как трогательно умел восхищаться друзьями, как полно жил их радостями и невзгодами! «Я не встречал людей, — вспоминал Н. М. Смирнов, — которые были бы вообще так любимы, как Пушкин; все приятели его делались скоро его друзьями. Он знакомился скоро, и, когда ему кто нравился, он дружился искренне. В большом кругу он был довольно молчалив, серьезен, и толстые губы давали ему вид человека надувшегося, сердитого; он стоял в углу, у окна, как будто не принимая участия в общем веселии. Но в кругу приятелей он был совершенно другой человек; лицо

его прояснялось, он был... разговорчив, рассказывал много, всегда ясно, сильно, с резкими выражениями, но как будто запинаясь и часто с нервическими движениями, как будто ему неловко было сидеть на стуле... Он был самого снисходительного доброго нрава: обыкновенно он выказывал мало колкости, в своих суждениях не был очень резок; своих друзей он защищал с необыкновенным жаром...»

Среди лицейских товарищей Пушкина, как во всяком человеческом обществе, были люди различных взглядов, склонностей, характеров. Его самый близкий в первые лицейские годы друг — Иван Пущин. Их «ке-льи» на четвертом этаже Лицея были рядом, под номерами тринадцатым и четырнадцатым, разделены лишь дощатой перегородкой. До глубокой ночи беседуют друзья, и никто не слышит их потаенных бесед. Покидая Лицей, Пушкин вписал Пущину «В альбом»:

Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья.

Таковыми же любимыми друзьями Пушкина в Лицее были Антон Дельвиг и Вильгельм Кюхельбекер. При всей разности характеров друзей Пушкина объединяли общие черты: душевная щедрость, рано определившееся стремление служить высоким общественным идеалам, литературе, искусству.

Их дружба не прервалась после окончания Лицея. Когда Пущин узнал, что Пушкин — в ссылке, в Михайловском, он, пренебрегая запретами, поехал его навестить. И вот однажды ранним утром колокольчик огласил тишину села Михайловского, лошади потащили сани прямо к крыльцу и «засели в снегу нерасчищенного двора»:

...Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Увы, это была последняя встреча друзей. И когда Иван Пущин, в свою очередь, оказался в изгнании (как активный участник восстания декабристов), Пушкин, тоже не без риска, первый прислал ему слова сердечного приветия. В декабре 1826 года он передал с уезжавшей в Сибирь к мужу А. Г. Муравьевой два стихотворения: одно декабристам — «Во глубине сибирских руд...», другое лично Пущину — «Мой первый друг, мой друг бесценный...». Пущин в это время еще томился в крепости. Лишь через год, 5 января 1828 года, его доставили в Читу, и Муравьева, подозвав Пущина к частоколу, окружавшему тюрьму, через щель протянула ему листок с пушкинским стихотворением.

Осень была для Пушкина любимым временем года, осенью он чувствовал прилив творческих сил, но приближение «святой годовщины» Лицея его особенно волновало. Каждый год 19 октября лицеисты первого выпуска собирались, чтобы вместе за круговой чашей «день Лицея торжествовать». Не всегда Пушкин мог присутствовать на этих товарищеских встречах. Но он всегда был душой с друзьями:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
 Он, как душа, неразделим и вечен;
 Неколебим, свободен и беспечен,
 Срастался он под сенью дружных муз.
 Куда бы нас ни бросила судьбина,
 И счастье куда б ни повело,
 Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
 Отечество нам Царское Село.

Лицейским годовщинам Пушкин посвятил пять стихотворений, и почти все они полны глубоких раздумий о минувшем и пережитом. Это всегда своего рода жизненные и творческие отчеты поэта.

Наступило 19 октября 1836 года — день двадцать пятой лицейской годовщины. В этот день Пушкин закончил повесть «Капитанская дочка» и на последней странице поставил дату: «19 окт. 1836».

Во второй половине дня он отправился на встречу с товарищами. Обычно лицеисты первого выпуска праздновали лицейские годовщины в своем тесном кругу. Но сейчас круг их поредел. Как пишет первый биограф Пушкина П. В. Анненков, Пушкин встал, помолчал немного и при общей тишине начал читать: «...Уж двадцать пятый раз мы празднуем Лицея день святой». Но, крайне взволнованный, не дочитав, положил лист на стол и отошел в угол комнаты. Кто-то из товарищей взял со стола листок с пушкинским стихотворением и продолжал читать:

Припомните, о други, с той поры,
 Когда наш круг судьбы соединили,
 Чему, чему свидетели мы были!
 Игралища таинственной игры,
 Метались смущенные народы;
 И высились и падали цари;
 И кровь людей то Славы, то Свободы,
 То Гордости багрила алтари.

Война 1812 года, восстание декабристов, революционные события на западе Европы, греческое восстание, казнь вождя испанских революционеров Риего — бурное начало XIX века волновало Пушкина и его лицейских товарищей.

Уже находясь на каторге, Кюхельбекер вспоминал в одну из лицейских годовщин, с каким огнем, с какой надеждой, с какой детской слепотой все они, товарищи по Лицею, вступали когда-то в жизнь. И спрашивал: «Вспомнит ли в сей день священный, в день, сердцу братьев незабвенный, меня хотя единый друг?»

Друзья не забыли Кюхельбекера в день двадцать пятой годовщины: Пушкин читал его письма, присланные с каторги. Лицейский праздник прошел грустно. Собрались в половине пятого, а в половине десятого вечера разошлись.

Через три месяца Пушкина не стало...

По Г. Волкову и А. Гессену

- ?** 1. Опираясь на изученное в предыдущих классах, расскажите о детских годах Пушкина.
2. Какие люди и обстоятельства влияли на развитие поэтического дарования Пушкина?
3. Как связаны годы, проведенные Пушкиным в Лицее, с его последующей жизнью и творчеством?
4. Какое произведение Пушкина вам особенно близко? Чем оно вас волнует? Прочитайте любимые вами пушкинские стихи.

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое Провиденье¹:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1826 г.

* * *

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье,
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827 г.

19 ОКТЯБРЯ 1825

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог позвать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской переключке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
 Прекрасных лет первоначальны нравы:
 Лицейский шум, лицейские забавы
 Средь бурных волн мечталися тебе;
 Ты простирал из-за моря нам руку,
 Ты нас одних в младой душе носил
 И повторял: «На долгую разлуку
 Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
 Он, как душа, неразделим и вечен —
 Неколебим, свободен и беспечен,
 Срастался он под сенью дружных муз.
 Куда бы нас ни бросила судьбина
 И счастье куда б ни повело,
 Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
 Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
 Запутанный в сетях судьбы суровой,
 Я с трепетом на лоно дружбы новой,
 Устав, приник ласкающей главой...
 С мольбой моей печальной и мятежной,
 С доверчивой надеждой первых лет,
 Друзьям иным душой предался нежной;
 Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
 В обители пустынных вьюг и хлада,
 Мне сладкая готовилась отрада:
 Троих из вас, друзей моей души,
 Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
 О Пушкин мой, ты первый посетил;
 Ты уладил изгнанья день печальный,
 Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
 Хвала тебе — фортуны блеск холодный
 Не изменил души твоей свободной:
 Всё тот же ты для чести и друзей.
 Нам разный путь судьбой назначен строгой;
 Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
 Но невзначай проселочной дорогой
 Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
 Для всех чужой, как сирота бездомный,

Под бурею главою поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О, сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,

К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редее;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пусть же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

Вопросы и задания

● Углубимся в текст стихотворений А. С. Пушкина

«И. И. Пущину»

1. «Отрадно отозвался во мне голос Пушкина, — вспоминал Иван Пущин о стихотворении «Мой первый друг, мой друг бесценный...», переданном ему А. Г. Муравьевой. — Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он обнимал меня, когда я первый посетил его в изгнании».
Почему так сильно затронуло И. Пущина стихотворное послание друга?
2. Что донес до него поэтический голос Пушкина? Чем достигаются проникновенный лиризм, задушевность этого стихотворения? Чем волнует оно современных читателей?

«Во глубине сибирских руд...»

1. После разгрома восстания декабристов Пушкин был возвращен Николаем I из ссылки. В долгой беседе один на один на вопрос царя, где бы он был 14 декабря, если бы находился в Петербурге, Пушкин ответил: «Был бы в рядах мятежников».

Николай I уверял Пушкина в искреннем желании использовать свою власть на благо и счастье народа и просил поэта помогать ему своим творчеством в этом. Пушкин поверил искренности царя. В то же время он не только не отрекся от своих прежних убеждений и от своих друзей-декабристов, сосланных на каторгу, но и с большой опасностью для себя написал и послал им в Сибирь сочувственные, полные надежды и дружеской поддержки стихотворения.

Какими мыслями и чувствами проникнуто стихотворение «Во глубине сибирских руд...»? Как говорит Пушкин о высоком признании заслуг декабристов?

2. Каким предстает сам Пушкин в этом стихотворении? Проследите, как нарастает взволнованность авторской интонации в нем. С помощью каких поэтических средств это достигается?
3. Что самое главное хочет внушить поэт своим ссыльным друзьям? Какова при этом художественная роль употребленных им глаголов? Объясните, почему именно такова последовательность глаголов в стихотворении.
4. Каков пафос этого стихотворения? В чем вы видите заслугу Пушкина как поэта и гражданина?
5. Подготовьте выразительное чтение стихотворения «Во глубине сибирских руд...», выучите его наизусть. Не забудьте, что ваша исполнительская задача состоит в том, чтобы передать во время чтения всю глубину лирического содержания этого стихотворения, написанного в форме послания.

«19 октября 1825»

1. Стихотворение посвящено восьмой годовщине окончания Лицея, когда поэт находился в ссылке в селе Михайловском. Каким чувством проникнуто это стихотворение?
2. Как характеризуют Пушкина его воспоминания о лицейских годах?
3. Какие строки стихотворения в наибольшей мере передают его отношение к лицейским друзьям?
4. Какими художественными средствами создается гимн дружбе в этом стихотворении? Прочитайте его выразительно.

Для будущих филологов

Подготовьте выразительное чтение одного-двух стихотворений Пушкина из тех, что посвящены лицейским годовщинам: «19 октября 1827»; «19 октября 1828»; «Чем чаще празднует Лицей...» (1831); «Была пора: наш праздник молодой...» (1836). Объясните свой выбор.

Установите, какое стихотворение написал декабрист А. И. Одоевский в ответ на послание Пушкина «Во глубине сибирских руд...». Прочитайте это стихотворение выразительно в классе и дайте ему свою оценку.

Из истории создания повести «Капитанская дочка»

Находясь в ссылке, в Михайловском, в письме к брату Льву (в октябре 1824 года) Александр Пушкин просит прислать ему биографию Пугачева. Когда в 30-е годы в России резко усилились крестьянские волнения, в которых современники готовы были видеть начало «новой пугачевщины», Пушкин вновь проявляет интерес к личности мятежного Пугачева.

В феврале 1833 года Пушкин обратился к военному министру с просьбой разрешить ему ознакомиться со следственным делом о Пугачеве.

Задумав новое произведение о крестьянской войне 70-х годов XVIII века, Пушкин не только изучает исторические документы этого времени, но и сам едет на места, где происходили события крестьянского восстания — в Оренбургские степи, в Поволжье. Он посетил Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск, Бердскую слободу и записал рассказы и песни о Пугачеве, беседовал с современниками и свидетелями восстания. По архивным материалам он тщательно изучает интересующую его эпоху и издает труд, имевший для своего времени важное научное значение, — «Историю Пугачева», названную по требованию Николая I «Историей Пугачевского бунта». В ней Пушкин писал: «Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны». Об отношении простого народа к Пугачеву свидетельствует запись Пушкина, которую он сделал в своих «Замечаниях о бунте»: «Уральские казаки (особливо старые люди) доньне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, — говорила мне 80-летняя казачка, — на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал». — «Расскажи мне, — говорил я Д. Пьянову, — как Пугачев был у тебя посажёным¹ отцом?» — «Он для тебя Пугачев: а для меня он был великий государь Петр Федорович²».

Только после того, как исторический материал был Пушкиным собран и освоен, он приступил к работе над давно задуманной им повестью «Капитанская дочка».

1. Почему Пушкин не удовлетворился только документами о крестьянском восстании под предводительством Емельяна Пугачева, а предпринял поездку по местам войны в Оренбургские степи и Поволжье?
2. Примите участие в подготовке проектов «Капитанская дочка» А. С. Пушкина»
 ✓ в киноверсиях» и «Капитанская дочка» — в изобразительном искусстве».

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

(В сокращении)

Береги честь смолоду.
Пословица

Глава I. СЕРЖАНТ ГВАРДИИ

- Был бы гвардии он завтра ж капитан.
- Того не надобно; пусть в армии послужит.
- Изрядно сказано! пускай его потужит...
- Да кто его отец?

Княжнин

Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году. С тех пор

¹ *Посажённый отец* — заменяющий родителей жениха или невесты в народном свадебном обряде. Пугачев был посажёным отцом у Дмитрия Пьянова, сына одного из своих сподвижников.

² Пугачев выдавал себя за царя Петра III (Петра Федоровича, убитого во время дворцового переворота в 1762 г.).

жил он в своей Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве.

Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава богу» — ворчал он про себя — «кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги, и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию *pour être outchitel*¹, не очень понимая значения этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и врагом бутылки, т. е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке, и даже стал предпочитать ее винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю:

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей, и пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои

¹ Чтобы стать учителем (франц.).

упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мертво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неопи-санной радости Савельича. Тем и кончилось мое воспитание.

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чахарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменялась.

Однажды осенью матушка варила в гостиную медовое варенье а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи. Матушка, знавшая наизусть все его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подальше, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то бывало по целым часам не выпускал уж из своих рук. Итак батюшка читал Придворный календарь, изредко пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!... Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы...» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погружился в задумчивость, не предвещавшую ничего хорошего.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошел семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Гарасимовна, и когда еще...

«Добро» — прервал батюшка, — «пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни».

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу. Напротив того трудно описать мое восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что по мнению моему было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— «Не забудь, Андрей Петрович», — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмурясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши.

— Ну, а там что?

Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семеновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научиться он, служа в Петербурге? мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает поро-ху, да будет солдат, а не шаматон. Записан в гвардии! Где его пашпорт? подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочел его со вниманием, положил перед собою на стол и начал свое письмо.

Любопытство меня мучило: куда ж отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозревая меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастьем. Но спорить было нечего. На другой день по утру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; уложили в нее чамодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня зайчий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошел бродить по всем комнатам. Вошед в биллиардную, увидел я высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными черными усами, в халате, с кием в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркером, который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под биллиард на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем долее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока наконец маркер остался под биллиардом. Барин произнес над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению.

Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр гусарского полку и находится в Симбирске при приеме рекрут, а стоит в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать ко службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на бильярде. «Это» — говорил он — «необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придешь в местечко — чем прикажешь заняться? Ведь не все же бить жидов. Поневоле пойдешь в трактир и станешь играть на бильярде; а для того надобно уметь играть!» Я совершенно был убежден и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам, и после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а так, чтоб только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу, что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлебывал я от моего стакана, тем становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркера, который считал бог ведает как, час от часу умножал игру, словом — вел себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедem к Аринушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминутно мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвез меня в трактир. Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь, с тобою сделалось? — сказал он жалким голосом, — где ты это нагрузился? Ахти господи! отроду такого греха не бывало!» — «Молчи, хрыч! — отвечал я ему, запинаясь; — ты верно пьян, пошел спать... и уложи меня».

На другой день я проснулся с головою болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Петр Андреич», — сказал он мне, качая головою, — рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу в рот ничего не изволила брать. А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало к Ан-

типьевне забежит: «Мадам, же ву при, водкю». Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!»

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудрено было унять, когда бывало примется за проповедь. «Вот видишь ли, Петр Андреич, каково подгуливать. И головке-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что негоден... Выпей-ка огуречного рассолу с медом, а всего бы лучше опохмелиться полстаканчиком настойки Не прикажешь ли?»

В это время мальчик вошел и подал мне записку от И. И. Зурина. Я развернул ее и прочел следующие строки:

«Любезный Петр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах.

Готовый ко услугам
«Иван Зурин».

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный и, обратясь к Савельичу, который был и денег, и белья, и дел моих рачитель, приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! зачем?» — спросил изумленный Савельич. — Я их ему должен, — отвечал я со всевозможной холодностью. — «Должен!» — возразил Савельич, час от часу приведенный в большее изумление, — да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то не ладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам».

Я подумал, что если в сию решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж в последствии времени трудно мне будет освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал: — Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать, и делать то, что тебе приказывают.

Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остоленел. — Что же ты стоишь! — закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Петр Андреич», — произнес он дрожащим голосом, — не утоми меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть, кроме как в орехи...» — Полно врать, — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя взашей прогоню».

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошел за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребенок. Деньги были доставлены Зурину. Савельич поспешил вывезти меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы. С беспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.

Глава II. ВОЖАТЫЙ

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая,
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня.

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение мое в Симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Все это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только покрякивая. Я непременно хотел с ним помириться, и не знал с чего начать. Наконец я сказал ему: «Ну, ну, Савельи! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся».

— Эх, батюшка Петр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только! Как покажусь я на глаза господам? что скажут они, как узнают, что дитя пьет и играет.

Чтоб утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя все еще изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал: «Барин, не прикажешь ли воротиться?»

— Это зачем?

— Время ненадежно: ветер слегка подымается; — вишь, как он сметает порошу.

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон — вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слышал о тамошних мятелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал воротиться.

Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась мятьель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин», — закричал ямщик, — «беда: буран!»...

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали.

— «Что же ты не едешь?» — спросил я ямщика с нетерпением. — «Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка; невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом.» Я стал было его бранить. Савельич за него заступился: «И охота было не слушаться» — говорил он сердито, — воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу!» — Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то черное. «Эй, ямщик!» — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться. — «А бог знает, барин, — сказал он, садясь на свое место: — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк или человек».

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком. «Гей, добрый человек!» — закричал ему ямщик. — «Скажи, не знаешь ли где дорога?»

— Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему — знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мне знакомая — отвечал дорожный, — слава богу, искожена изъезжена вдоль и поперек. Да вишь какая погода: как раз собьешься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдем дорогу по звездам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай». — «А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой.» — Ямщик казался мне прав. «В самом деле, — сказал я — почему думаешь ты, что жило недалече?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу,

дымом пахнуло; знать, деревня близко. — Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил цыновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть, и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо вероятно знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на все-возможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран еще свирепствовал, и мы еще блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барской двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтобы батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным слушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, — говорит она мне, — отец болен при смерти и желает с тобою проститься». — Пораженный страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постели; матушка приподымает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?... Вместо отца моего, вижу в постели лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: — «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» — «Все равно, Петруша», — отвечала мне матушка, — это твой посаженный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под мое благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич дергал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

— На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее, да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран еще продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала ее. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый. Савельич внес за мною погребец, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошел хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

«Здесь, ваше благородие», — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полаты, и увидел черную бороду и два сверкающие глаза. — «Что, брат, прозяб?» — «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке? Был тулуп, да что греха таить? заложил вечер у целовальника: мороз показался не велик». В эту минуту хозяин вошел с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднес ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питье». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошел к нему, и взглянув ему в лицо: «Эхе — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе бог принес?» — Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. — «Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полаты.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора, но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, умет, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лег на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лег на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул, как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что даже Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изглади-

лись совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился. «Полтину на водку!» — сказал он, — «за что это? За то, что ты же изволил подвести его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придется голодать». Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня, если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. «Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой зайчий тулуп».

— Помилуй, батюшка Петр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой зайчий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напаялишь его на свои окаянные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке; — сейчас неси сюда тулуп.

— Господи владыко! — простонал мой Савельич. — Зайчий тулуп почти новешенький! и добро бы кому, а то пьянице огололему!

Однако зайчий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». — Он пошел в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней выюге, о своем вожатом и о зайчем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину росту высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро: «Поже мой!» — сказал он. — «Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!» — Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания. «Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство»... Это что за серемонии? Фу! как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?..

«ваше превосходительство не забыло»... гм... и... когда... покойным фельдмаршалом Мин... походе... также и... Каролинку»... Эхе, брудер! так он еще помнит стары наши проказ? «Теперь о деле... К вам моего повесу»... гм... «держат в ежовых рукавицах»... Что такое ешovy рукавиц? Это должно быть русска поговорк... Что такое «дершать в ешовых рукавицах?» — повторил он, обращаясь ко мне.

— Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

«Гм, понимаю... «и не давать ему воли»... нет, видно ешovy рукавицы значит не то... «При сем... его паспорт»... Где ж он? А, вот... «отписать в Семеновский»... Хорошо, хорошо: все будет сделано... «Позволишь без чинов обнять себя и... старым товарищем и другом» — а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, батюшка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт — все будет сделано: ты будешь офицером переведен в ***полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние вредно молодому человеку. А сегодня милости просим: отобедать у меня».

«Час от часу не легче! — подумал я про себя, — к чему послужило мне то, что еще в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В полк и в глухую крепость на границу Киргиз-кайсацких степей!..» Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

Глава III. КРЕПОСТЬ

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня.

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль.

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большею частию печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу

сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро. — «Далече ли до крепости? — спросил я у своего ямщика. «Недалече» — отвечал он. — «Вон уж видна». — Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными. — «Где же крепость? — спросил я с удивлением. — «Да вот она», — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломой. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошел в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид, — наши дома». Я вошел в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распылив на руках, кривой старичок в офицерском мундире. «Что вам угодно, батюшка?» — спросила она, продолжая свое занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною речь. «Ивана Кузмича дома нет, — сказала она; — он пошел в гости к отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника. Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. «Смею спросить, — сказал он, — вы в каком полку изволили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить» — продолжал он, — «зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» — Я отвечал, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардии офицеру поступки», — продолжал неумолимый вопрошатель. — «Полно врать пустяки» — сказала ему капитанша: — «ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...) А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да еще при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошел урядник, молодой и статный казак. «Максимыч! — сказала ему капитанша. — Отведи г. офицеру квартиру, да почище». — «Слушаю, Василиса Егоровна, — отвечал урядник. — Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — «Врешь, Максимыч, — сказала капитанша, — у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи г. офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка? Петр Андреич?.. Отведи Петра Андреича к Семену Кузову. Он, мошенник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну, что, Максимыч, все ли благополучно?»

— Все, славу богу, тихо, — отвечал казак, — только капрал Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

«Иван Игнатьич! — сказала капитанша кривому старичку. — Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи. Ну, Максимыч, ступай себе с богом. Петр Андреич, Максимыч отведет вас на вашу квартиру».

Я откланялся. Урядник привел меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мне. Она состояла из одной горницы довольно опрятной, разделенной надвое перегородкой. Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избушек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осужден я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошел от окошка и лег спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: «Господи владыко! ничего кушать не извоит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?»

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь открылась, и ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймете, когда проживете здесь еще несколько времени». — Я догадался, что это был офицер, выписанный из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остер и занимателен. Он с большой веселостию описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошел ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и в китайчатом халате. Увидя

нас, он к нам подошел, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились-было смотреть на учение; но он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами. «А здесь, — прибавил он, — нечего вам смотреть».

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали стол. «Что это мой Иван Кузмич сегодня так заучился!» — сказала комендантша. — «Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» — Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенную дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де ждут, щи простынут; слава богу, ученье не уйдет; успеет накричаться». — Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка?» — сказала ему жена. — «Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовешься». — «А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвечал Иван Кузмич, — я был занят службой: солдатушек учил.» «И, полно! — возразила капитанша. — Только слава, что солдат учишь: ни им служба не дается, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да богу молился; так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она, — ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава богу, живем помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековой невестой». — Я взглянул на Марью Ивановну; она вся покраснела, и даже слезы капнули на ее тарелку. Мне стало жаль ее; и я спешил переменить разговор. — «Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». — «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузмич. — «Мне так сказывали в Оренбурге, — отвечал я. «Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню». — «И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» — «Привычка, мой батюшка, — отвечала она. — Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так

и замрет! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут».

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — заметил важно Швабрин. — Иван Кузмич может это засвидетельствовать.

— Да, слышь ты, — сказал Иван Кузмич: — баба-то не робкого десятка.

— А Марья Ивановна? — спросил я: — так же ли смела, как и вы?

— Смела ли Маша? — отвечала ее мать. — Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страха на тот свет не отправилась. С тех пор уж и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошел к Швабрину, с которым и провел целый вечер.

Глава IV. ПОЕДИНОК

— Ин изволь, и стань же в позитуру.

Посмотришь, проколю как я твою фигуру!

Княжнин.

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечною. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашел благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом я привязался к доброму семейству, даже к Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в неопозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

Я был произведен в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но еще не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая, хотя многие из них, дабы в том не ошибиться, перед каждым оборотом клали на себя знамение креста. У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня, и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первую вестовщицею во всем околдке. С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчет семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междуусобием.

Я уже сказывал, что я занимался литературой. Опыты мои, для тогодашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понес ее к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведения стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочел ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,	Они дух во мне смутили,
Тщусь прекрасную забыть,	Сокрушили мой покой.
И ах, Машу избегая,	Ты, узнав мои напасти,
Мышлю вольность получить!	Сжался, Маша, надо мной;
Но глаза, что мя пленили,	Зря меня в сей лютой части,
Всемигнута предо мной;	И что я пленен тобой.

— Как ты это находишь? — спросил я Швабрину, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следуемой. Но к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

— Почему так? — спросил я его, скрывая свою досаду.

— Потому — отвечал он, — что такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского, и очень напоминают мне его любовные куплеты.

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозой. — «Посмотрим», — сказал он, — сдержишь ли ты свое слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?

— Не твое дело, — отвечал я нахмурясь, — кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

— Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, — но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

— Что это, сударь, значит? Изволь объяснить.

— С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег.

Кровь моя закипела. — «А почему ты об ней такого мнения?» — спросил я, с трудом удерживая свое негодование.

— А потому, — отвечал он с адской усмешкою, — что знаю по опыту ее нрав и обычай.

— Ты лжешь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве, — ты лжешь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменялся в лице. «Это тебе так не пройдет» — сказал он, стиснув мне руку. — «Вы мне дадите сатисфакцию».

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иголкой в руках: по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушенья на зиму. «А, Петр Андреич!» — сказал он увидя меня; — добро пожаловать! Как это вас бог принес? по какому делу, смею спросить?» Я в коротких словах объяснил ему, что я поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз. «Вы изволите говорить, — сказал он мне, — что хотите Алексея Иваныча заколоть и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить».

— Точно так.

— Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побрались? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его: бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?

Рассуждения благоразумного поручика не поколебали меня. Я остался при своем намерении. «Как вам угодно — сказал Иван Игнатьич, — делайте, как разумеете. Да зачем же мне тут быть свидетелем? К какой стати? Люди дерутся, что за невидальщина, смею спросить? Слава богу, ходил я под шведа и под турку: всего насмотрелся».

Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять. «Воля ваша — сказал он. — Коли уж мне и вмешаться в это дело, так разве пойти к Ивану Кузмичу да донести ему по долгу службы, что в фортеции умышляется злодейство, противное казенному интересу: не благоугодно ли будет господину коменданту принять надлежащие меры...»

Я испугался и стал просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилу его уговорил; он дал мне слово, и я решился от него отступиться.

Вечер провел я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться веселым и равнодушным, дабы не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов; но признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моем положении. В этот вечер я расположен был к нежности и к умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу ее в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвел его в сторону и уведомил его о

своем разговоре с Иваном Игнатьичем. «Зачем нам секунданты, — сказал он мне сухо, — без них обойдемся». Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговаривали, повидимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. «Давно бы так, — сказал он мне с довольным видом, — худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров».

— Что, что, Иван Игнатьич? — сказала комендантша, которая в углу гадала в карты, — я не вслушалась.

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомня свое обещание, смутился и не знал, что отвечать. Швабрин подоспел к нему на помощь.

— Иван Игнатьич, — сказал он, — одобряет нашу мировую.

— А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

— Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем.

— За что так?

— За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна.

— Нашли за что ссориться! за песенку!... да как же это случилось?

— Да вот как: Петр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел ее при мне, а я затянул мою, любимую:

Капитанская дочь,

Не ходи гулять в полночь.

Вышла разладаца. Петр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем и дело кончилось.

Бесстыдство Швабрина чуть меня не взбесило; но никто, кроме меня, не понял грубых его обиняков; по крайней мере, никто не обратил на них внимания. От песенок разговор обратился к стихотворцам, и комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы, и дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее.

Присутствие Швабрина было мне несносно. Я скоро простился с комендантом и с его семейством; пришед домой, осмотрел свою шпагу, попробовал ее конец и лег спать, приказав Савельичу разбудить меня в седьмом часу.

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать — сказал он мне, — надобно поспешить». Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах и обнажили шпаги. В эту минуту из-за скирда вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем, который вел нас в торжестве, шагая с удивительной важностью.

Мы вошли в комендантской дом. Иван Игнатьич отворил двери, провозгласив торжественно «привел!» Нас встретила Василиса Егоровна. «Ах, мои батюшки! На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузмич, сейчас их под арест! Петр Андреич! Алексей Иваныч! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палаш-

ка, отнеси эти шпаги в чулан. Петр Андреич! Этого я от тебя не ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в господа бога не верует; а ты-то что? туда же лезешь?»

Иван Кузмич вполне соглашался со своею супругою и приговаривал: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говорит. Поединки формально запрещены в воинском артикуле». Между тем Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. «При всем моем уважении к вам, — сказал он ей хладнокровно, — не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дело». — «Ах! мой батюшка! — возразила комендантша, — да разве муж и жена не один дух и едина плоть? Иван Кузмич! Что ты зеваешь? Сейчас рассадь их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию, чтоб молили у бога прощения, да каялись перед людьми».

Иван Кузмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-помалу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать. Палашка принесла нам наши шпаги. Мы вышли от коменданта повидимому примиренные. Иван Игнатьич нас сопровождал. «Как вам не стыдно было, — сказал я ему сердито, — доносить на нас коменданту после того, как дали мне слово того не делать?» — «Как бог свят, я Ивану Кузмичу того не говорил — отвечал он, — Василиса Егоровна выведала все от меня. Она всем и распорядилась без ведома коменданта. Впрочем, слава богу, что все так кончилось». С этим словом он повернул домой, а Швабрин и я остались наедине». Наше дело этим кончиться не может, — сказал я ему. «Конечно, — отвечал Швабрин, — вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!» — И мы расстались, как ни в чем не бывали.

Возвратясь к коменданту, я по обыкновению своему подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспокойство, причиненное всем моею ссорой с Швабриным. «Я так и обмерла — сказала она, — когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю верно б они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью, и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно виноват Алексей Иваныч».

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

— Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравится ли вы ему или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела. «Мне кажется, — сказала она, — я думаю, что нравлюсь».

— Почему же вам так кажется?

— Потому что он за меня сватался.

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

— В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

— И вы не пошли?

— Как изволите видеть. Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин ее преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне еще более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне еще сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дожидался не долго. На другой день, когда сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? — сказал мне Швабрин, — за нами не смотрят. Сойдем к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустился по крутой тропинки, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и *monsieur* Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегающего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча; я упал и лишился чувств.

Глава V. ЛЮБОВЬ

Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спроси, девка, отца, матери,
О отца, матери, роду-племени;
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Песня народная.

Буде лучше меня найдешь, позабудешь.
Если хуже меня найдешь, вспомняешь.

То же.

Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мною сделалось. Я лежал на кровати, в незнакомой горнице, и чувствовал большую слабость. Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то бережно развивал перевязи, которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало-помалу мысли мои прояснились. Я вспомнил свой поединок и догадался, что был ранен. В эту минуту скрипнула дверь.

«Что? каков?» — произнес пошепту голос, от которого я затрепетал. — все в одном положении, — отвечал Савельич со вздохом, — все без памяти, вот уже пятые сутки. — Я хотел оборотиться, но не мог. — Где я? кто здесь? — сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. «Что? как вы себя чувствуете?» — сказала она. — «Слава богу, — отвечал я слабым голосом. — Это вы, Марья Ивановна? скажите мне... — я не в силах был продолжать и замолчал. Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице. «Опомнися! опомнися! — повторял он. — Слава тебе, владыко! Ну батюшка Петр Андреич! напугал ты меня! легко ли? пятые сутки!..» Марья Ивановна перервала его речь. «Не говори с ним много, Савельич, — сказала она. — Он еще слаб». Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. И так я был в доме коменданта, Марья Ивановна входила ко мне. Я хотел сделать Савельичу некоторые вопросы, но старик замотал головою и заткнул себе уши. Я с досадою закрыл глаза и вскоре забылся сном.

Проснувшись, подозвал я Савельича, и вместо его увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос ее меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил ее руку и прильнул к ней, обливая слезами умиления. Маша не отрывала ее... и вдруг ее губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркой и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. «Милая, добрая Марья Ивановна, — сказал я ей — будь моею женою, согласись на мое счастье». — Она опомнилась. «Ради бога, успокойтесь — сказала она, отняв у меня свою руку. — Вы еще в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня». С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастье воскресило меня. Она будет моя! она меня любит! Эта мысль наполняла все мое существование...

Со Швабриным я помирился в первые дни моего выздоровления. Иван Кузмич, выговаривая мне за поединок, сказал мне: «Эх, Петр Андреич! надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты уж и без того наказан. А Алексей Иваныч у меня таки сидит в хлебном магазине под караулом, и шпага его под замком у Василисы Егоровны. Пускай он себе надумается, да раскается». — Я слишком был счастлив, чтоб хранить в сердце чувство неприязненное. Я стал просить за Швабрину, и добрый комендант с согласия своей супруги, решился его освободить. Швабрин пришел ко мне; он изъявил глубокое сожаление о том, что случилось между нами; признался, что был кругом виноват, и просил меня забыть о прошедшем. Будучи от природы не злопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору и рану, мною от него полученную. В клевете его видел я досаду оскорбленного самолюбия и отвергнутой любви, и великодушно извинял своего несчастного соперника.

Вскоре я выздоровел, и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться, и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с ее мужем я еще не объяснялся; но предложение мое не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них свои чувства, и мы заранее были уж уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошел ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан рукою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость». Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать, и с первых строк увидел, что все дело пошло к черту. Содержание письма было следующее:

С. Герасимов. Иллюстрация к повести. 1950 г.

«Сын мой Петр! Письмо твое, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановной дочерью Мироновой, мы получили 15-го сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но еще и собираюсь до тебя добратся, да за проказы твои проучить тебя путем, как мальчишку, несмотря на твой офицерской чин: ибо ты доказал, что шпагу носить еще недостойн, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуэлей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на его великую милость.

Отец твой А. Г.»

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокое выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала; но всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него. Шагая взад и вперед по тесной моей комнате, я остановился перед ним и сказал, взглянув на него грозно: — Видно тебе не довольно, что я, благодаря тебе, ранен и целый месяц был на краю гроба: ты и мать мою хочешь уморить. — Савельич был поражен как громом. «Помилуй, сударь, — сказал он чуть не зарывав, — что это изволишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своею грудью от шпаги Алексея Иваныча! Старость проклятая помешала. Да что ж я сделал матушке-то

твоей?» — «Что ты сделал? — отвечал я. — Кто просил тебя писать на меня доносы? разве ты приставлен ко мне в шпионы?» — «Я? писал на тебя доносы? — отвечал Савельич со слезами. — Господи царю небесный! Так изволь-ка прочитать, что пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил на тебя». Тут он вынул из кармана письмо, и я прочел следующее:

«Стыдно тебе, старый пес, что ты, не взирая на мои строгие приказания, мне не донес о сыне моем Петре Андреевиче и что посторонние припущены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! pošлю свиней пасти за утайку правды и потворство к молодому человеку. С получением сего приказываю тебе немедленно отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место он ранен и хорошо ли его залечили».

Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением. Я просил у него прощения; но старик был неутешен. «Вот до чего я дожил, — повторял он, — вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пес, и свинопас, да я ж и причина твоей раны? Нет, батюшка Петр Андреич! не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами, да притопывать, как будто тыканием да топанием убережешься от злого человека! Нужно было нанимать мусье да тратить лишние деньги!»

Но кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моем поведении? Генерал? Но он, казалось, обо мне не слишком заботился; а Иван Кузмич не почел за нужное рапортовать о моем поединке. Я терялся в догадках. Подозрения мои остановились на Швабрине. Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление мое из крепости и разрыв с комендантским семейством. Я пошел объявить обо всем Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. «Что это с вами сделалось? — сказала она, увидев меня. — Как вы бледны! — Все кончено! — отвечал я и отдал ей батюшкино письмо. Она побледнела в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «Видно мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всем воля господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Петр Андреич; будьте хоть вы счастливы...» — Этому не бывать! — вскричал я, схватив ее за руку; — ты меня любишь; я готов на все. Пойдем, кинемся в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит... «Нет, Петр Андреич, — отвечала Маша, — я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастья. Покоримся воле божией. Коли найдешь себе суженую, коли полюбишь другую — бог с тобою, Петр Андреич; а я за вас обоих...» Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой...

С той поры положение мое переменялось. Марья Ивановна почти со мною не говорила и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла; но видя мое упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузмичем виделся я только, когда того требовала служба. Со Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нем скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

Глава VI. ПУГАЧЕВЩИНА

Вы, молодые ребята, послушайте,

Что мы, старые старики, будем сказывать.

Песня.

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства постоянного надзора для удержания их в повиновении. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными, заселены по большей части казаками, давнишними обладателями Яицких берегов. Но Яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства беспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городке. Причиною тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убийство Траубенберга, своевольная перемена в управлении, и наконец усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями. Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. все было уже тихо, или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали в тайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра, и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашел я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны.

Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочел следующее:

«Господину коменданту Белогорской крепости капитану Миронову.

По секрету.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачев, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвел возмущение в Яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно и к совершенному уничтожению оного, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению».

«Принять надлежащие меры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодей-то видно силен; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч. (Урядник усмехнулся.) Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота, да выводите солдат. Ты, Максимыч смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите все это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно».

Раздав сии повеления, Иван Кузмич нас распустил. Я вышел вместе со Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали. — «Как ты думаешь, чем это кончится?» — спросил я его. «Бог знает», — отвечал он, — посмотрим. Важного покамест еще ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачева разнеслась по крепости. Иван Кузмич, хоть и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отправиться в гости к попаде и, по совету Ивана Кузмича, взяла с собою и Машу, чтоб ей не было скучно одной...

На другой день, возвращаясь от обедни, она увидела Ивана Игнатьича, который вытаскивал из пушки тряпички, камушки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный в нее ребятишками. «Что бы значили эти военные приготовления? — думала комендантша, — уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неужто Иван Кузмич стал бы от меня таить такие пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича с твердым намерением выведать от него тайну, которая мучила ее дамское любопытство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судия, начинающий следствие вопросами посторонними,

дабы сперва усыпить осторожность ответчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала качая головою: «Господи боже мой! Вишь какие новости! Что из этого будет?»

— И, матушка! — отвечал Иван Игнатьич. — Бог милостив: солдат у нас довольно, пороху много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачеву. Господь не выдаст, свинья не съест!

— А что за человек этот Пугачев? — спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всем признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова ее ходила еще в степи и могла быть захвачена злодеями.

Вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всем по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи верст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идет неведомая сила. Впрочем не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать дальше побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Подсланы были к ним лазутчики. Юлай, крещеный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны: по возвращении своем лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, который допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал. Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали, и Иван Игнатьич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот уж тебе будет, гарнизонная крыса!» Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно при помощи своих единомышленников.

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров, и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашел другого способа, кроме как единожды уже им употребленного.

«Слышь ты, Василиса Егоровна, — сказал он ей покашливая. — Отец Герасим получил, говорят, из города...» — «Полно врать, Иван Кузмич, — перервала комендантша; ты, знать, хочешь собрать совещание, да без меня потолковать об Емельяне Пугачеве; да лих не проведешь!» — Иван Кузмич вытаращил глаза. «Ну, матушка, — сказал он, — коли ты уже все знаешь, так, пожалуй, оставайся; мы потолкуем и при тебе». — «То-то, батюшко мой, — отвечала она; — не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами».

Мы собрались опять. Иван Кузмич в присутствии жены прочел нам воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не супротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях, и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

— Каков мошенник! — воскликнула комендантша. — Что смеет еще нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамена! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава богу, насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?

— Кажется, не должно бы, — отвечал Иван Кузмич. — А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

— Видно он в самом деле силен, — заметил Швабрин.

— А вот сейчас узнаем настоящую его силу, — сказал комендант. — Василиса Егоровна, дай мне ключ от анбара. Иван Игнатьич, приведи-ка башкирца, да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

— Постой, Иван Кузмич, — сказала комендантша, вставая с места. — Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться...

Иван Игнатьич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. — «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. — Да ты видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты знать не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что же ты молчишь?» — продолжал Иван Кузмич, — али бельмес по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

— Якши, — сказал комендант, — ты у меня заговоришь. Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотрите ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный

детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся: тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моем веку, и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены. «Ну, — сказал комендант, — видно нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чем еще потолкуем».

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным.

— Что это с тобою сделалось? — спросил изумленный комендант.

— Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижнеозерная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как ее брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и оставался у Ивана Кузмича. Нижнеозерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

— Послушайте, Иван Кузмич! — сказал я коменданту. — Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога еще свободна, или в отдаленную, более надежную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей: «А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?»

— И, пустое! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадежна? Слава богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев, и киргизцев: авось и от Пугачева отсидимся!

— Ну, матушка, — возразил Иван Кузмич — оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождемся сикурса; ну, а коли злодеи возьмут крепость?

— Ну, тогда... — Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом необычайного волнения.

— Нет, Василиса Егоровна, — продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. — Маше здесь оставаться не гоже. Отправим ее в Оренбург к ее крестной матери: там и войска и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром что ты старуха, а посмотри что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

— Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу. А меня, и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою, да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

— И то дело, — сказал комендант. — Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу в дорогу. Завтра чем свет ее и отправим, да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?

— У Акулины Памфиловны, — отвечала комендантша. — Ей сделалось дурно, как услышала о взятии Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать об отъезде дочери. Разговор у коменданта продолжался; но я уже в него не мешался и ничего не слушал. Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застаю Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Петр Андреич! — сказала она мне со слезами. — Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, господь приведет нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял ее. — «Прощай, ангел мой, — сказал я, — прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» — Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром ее поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

Глава VII. ПРИСТУП

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная песня.

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую пе-

ремену: волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором еще недавно был я погружен. С грустию разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений и тотчас бросился к коменданту.

Уж рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? — сказал Иван Игнатьич, догоняя меня. — Иван Кузмич на валу и послал меня за вами. Пугач пришел». — «Уехала ли Марья Ивановна?» — спросил я с сердечным трепетом. — «Не успела, — отвечал Иван Игнатьич, — дорога в Оренбург отрезана; крепость окружена. Плохо, Петр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укрепленное частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружье. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростью необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам. Комендант обошел свое войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу, и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас усаkali из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от нее. — «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идет баталья? Где же неприятель?» — «Неприятель недалече, — отвечал Иван Кузмич. — Бог даст, все будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папенька, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомя, что накануне получил ее из ее рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце мое горело. Я воображал себя ее рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин ее доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнаженной саблею в руке: это был

сам Пугачев. Он остановился; его окружили и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал под шапкою лист бумаги; у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам чрез частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас!» — закричал Иван Кузмич. — «Ребята! стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Пораженная видом окровавленной головы Юлая, оглушенная залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под устцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузмич прочел его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники видимо приготавливались к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива, ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирившая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузмич, в животе и смерти бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил ее трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись богу: он тебя не оставит. Коли найдется добрый человек, дай бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай. Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорей». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) — «Поцелуемся ж и мы, — сказала заплакав комендантша. — Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне, коли в чем я тебе досадила!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и все внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечьхватила в самую средину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал... Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова воз-

обновились. «Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперед, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но оробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузмич. — Умирать, так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот уж вам будет, государевым послушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ, и нас представили Пугачеву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай! — сказал ему Пугачев, — государю Петру Феодоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» — Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под

виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть, и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради, вели повесить хоть меня старика!» Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу однако ж, чтоб я о нем и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — «Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие знать одурел от радости. Подымите его!» — Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачева, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. все это продолжалось около трех часов. Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачев уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII. НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Незванный гость хуже татарина.

Пословица.

Площадь опустела. Я все стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущенные столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надежно ли ее убежище?..

Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантской дом... все было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я взбежал по маленькой лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошел в комнату Марьи Ивановны. Я увидел ее постелю, перерытую разбойниками; шкап был разломан и ограблен; лампадка теплилась еще перед опустелым кивотом. Уцелело и зеркальцо, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной, девической кельи? Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в руках у разбойников... Сердце мое сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любезной... В эту минуту послышался легкий шум, и из-за шкапа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

«Ах, Петр Андреич! — сказала она, сплеснув руками. — Какой денек! какие страсти!..»

— А Марья Ивановна? — спросил я нетерпеливо, — что Марья Ивановна?

— Барышня жива, — отвечала Палаша. — Она спрятана у Акулины Памфиловны.

— У попадьи! — вскричал я с ужасом. — Боже мой! да там Пугачев!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни... Пугачев пировал со своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подослал ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Через минуту попадьа вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

— Ради бога! где Марья Ивановна? — спросил я с неизъяснимым волнением.

«Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, — отвечала попадьа. — Ну, Петр Андреич, чуть было не стряслась беда, да слава богу, все прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнется да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: «Племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя». — «А молода твоя племянница?» — «Молода, государь». — «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». — У меня сердце так и йокнуло, да нечего было делать. — «Изволь, государь; только девка-то не сможет встать и придти к твоей милости». — «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошел окаанный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдернул занавес, взглянул ястребиными своими глазами! — и ничего... бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастью, она, моя голубушка, не узнала его. Господи владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузмич! кто бы подумал!.. А Василиса-то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иваныч? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать! А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на

меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за то». — В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась. «Ступайте себе домой, Петр Андреич, — сказала она, — теперь не до вас; у злодеев попойка идет. Беда, попадетесь под пьяную руку. Прощайте, Петр Андреич. Что будет, то будет; авось бог не оставит!»

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришел домой. Савельич встретил меня у порога. «Слава богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петр Андреич! веришь ли? все у нас разграбили, мошенники: платье, белье, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?»

— Нет, не узнал; а кто же он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Зайчий тулупчик совсем новешенький, а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!»

Я изумился. В самом деле сходство Пугачева с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств; детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоянным дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

— Не изволишь ли покушать? — спросил Савельич, неизменный в своих привычках. — Дома ничего нет; пойду, пошарю, да что-нибудь тебе изготовлю.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Оставаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтобы я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству в настоящих, затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марьи Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но все же не мог не трепетать, воображая опасность ее положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, «что-де великий государь требует тебя к себе». — «Где же он?» — спросил я, готовясь повиноваться.

— В комендантском, — отвечал казак. — После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал

веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приемы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персону его.

Я не почел нужным оспаривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантской дом, заранее воображая себе свидание с Пугачевым, и стараясь предугадать, чем оно кончится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен.

Начинало смеркаться, когда пришел я к комендантскому дому. Виселица со своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши все еще валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить, и тотчас же воротившись ввел меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановной.

Необыкновенная картина мне представилась: за столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачев и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожам и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобраных изменников. «А, ваше благородие! — сказал Пугачев, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся. С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шел об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачева. И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню. «Ну, братцы, — сказал Пугачев, — затынем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! начинай!» — Сосед мой затынул тонким голосом заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,

Не мешай мне доброму молодцу думу думати.

Что завтра мне доброму молодцу в допрос идти

Перед грозного судью, самого царя.

Еще станет государь-царь меня спрашивать:

Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,

Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,

Еще много ли с тобой было товарищей?
 Я скажу тебе, надежа православный царь,
 Всею правду скажу тебе, всю истину,
 Что товарищей у меня было четверо:
 Еще первый мой товарищ темная ночь,
 А второй мой товарищ булатный нож,
 А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
 А четвертый мой товарищ, то тугой лук,
 Что рассыльщики мои, то калены стрелы.
 Что возговорит надежа православный царь:
 Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
 Что умел ты воровать, умел ответ держать!
 Я за то тебя, детинушка, пожалую
 Среди поля хоромами высокими,
 Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — все потрясало меня каким-то пиитическим ужасом.

Гости выпили еще по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачевым. Я хотел за ними последовать, но Пугачев сказал мне: «Сиди; я хочу с тобою переговорить». — Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накиннули тебе веревку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если бы не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмегаешься? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государем — был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя гибели; и то, на что был я готов под

виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческого. Я отвечал Пугачеву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смысленный: ты сам увидел бы, что я лукавствую».

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи уда-
лому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князя. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твердостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. «А коли отпущу, — сказал он — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебя судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — «Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема клонит»...

Глава X. ОСАДА ГОРОДА

(Краткое содержание главы)

На военном совете в Оренбурге Гринев убеждает генерала выступить против Пугачева, но военный совет принимает решение об обороне. Пугачев начинает осаду города. Через урядника Марье Ивановне удается передать письмо. Гринев узнает, что Швабрин принуждает ее выйти за него замуж и дает ей на размышление три дня. Гринев решает ехать в Белогорскую крепость, чтобы спасти Марью Ивановну.

Глава XI. МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА

(Краткое содержание главы)

В Бердской слободе Гринева и Савельича захватывают караульные бунтовщики, и Гринев в очередной раз в опасной для своей жизни ситуации предстает перед Пугачевым. Несмотря на явную недоверчивость к Гриневу своих сообщников, Пугачев, узнав о бедственном положении сироты, тут же принимает решение ехать в Белогорскую крепость, чтобы остановить беззаконие.

Глава XII. СИРОТА

Как у нашей у яблонки
 Ни верхушки нет, ни отросточек;
 Как у нашей у княгинюшки
 Ни отца нету, ни матери.
 Снарядить-то ее некому,
 Благословить-то ее некому.

Свадебная песня.

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачева и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачеву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъясняя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» — Я отворотился от него и ничего не отвечал. Сердце мое заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел еще диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия прошедшему времени. Пугачев сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усыпленный ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднес ему водки. Пугачев выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошел ко мне со своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачев был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостию. Пугачев осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном, и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне ее».

Швабрин побледнел как мертвый. — Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит.

«Веди ж меня к ней», — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повел Пугачева в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал. Швабрин остановился на лестнице. «Государь!» — сказал он. — «Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» — сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачев. — Это мое дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умничай и не ломайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь предупреждаю вас, что она в белой горячке, и третий день как бредит без умолку». — «Отворяй!» — сказал Пугачев.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачев толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрепанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачев посмотрел на Швабрина и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!» — Потом, подошед к Марье Ивановне: — «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чем ты перед ним провинилась?»

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решилась умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачев взглянул грозно на Швабрина: «И ты смел меня обманывать! — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачев смягчился. «Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне, и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца ее родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней, но в эту минуту очень смело в комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачев вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие, сказал смеясь Пугачев. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженным отцом, Швабрин дружкою; закутим, запьем — и ворота запрем!

Чего я опасался, то и случилось, Швабрин, услыша предложение Пугачева, вышел из себя. «Государь!» — закричал он в исступлении. — «Я виноват, я вам солгал, но и Гринев вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнен при взятии здешней крепости».

Пугачев устремил на меня огненные свои глаза. «Это что еще?» — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твердостью.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачев, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ее бы не спасло!

— И то правда — сказал смеясь Пугачев. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать не знаю, да и знать не хочу... Но бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй

того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. «Ин быть по-твоему! — сказал он. — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее, куда хочешь, и дай вам бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остолбенелый. Пугачев отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто там?» — спросила Палаша. Я назвался. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей. «Погодите, Петр Андреич. Я переодеваюсь. Ступайте к Акулине Памфиловне; я сейчас туда же буду».

Я повиновался и пошел в дом отца Герасима. И он и попадья выбежали ко мне навстречу. Савельич их уже предупредил. «Здравствуйте, Петр Андреич, — говорила попадья. — Привел бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!.. Да скажите, мой отец, как это вы с Пугачевым-то поладили? Как он это вас не укокошил? Добро, спасибо злодею и за то». — «Полно, старуха, — прервал отец Герасим. — Не все то ври, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании. Батюшка Петр Андреич! войдите, милости просим. Давно, давно не видались».

Попадья стала угощать меня чем бог послал. А между тем говорила без умолку. Она рассказала мне, каким образом Швабрин принудил их выдать ему Марью Ивановну; как Марья Ивановна плакала и не хотела с ними расстаться; как Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке); как она присоветовала Марьи Ивановне написать ко мне письмо и прочее. Я в свою очередь рассказал ей вкратце свою историю. Поп и попадья крестились, услыша, что Пугачеву известен их обман. «С нами сила крестная! — говорила Акулина Памфиловна. — Промчи бог тучу мимо. Ай-да Алексей Иваныч; нечего сказать: хорош гусь!» — В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла с улыбкою на бледном лице. Она оставила свое крестьянское платье и одета была по-прежнему просто и мило.

Я хватил ее руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Все было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне все, что с нею случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас ее положения, все испытания, которым подвергал ее гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконец

я стал объяснять ей мои предположения. Остаться ей в крепости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевавшем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагорасположение отца моего ее пугало. Я ее успокоил. Я знал, что отец почтет за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. — «Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец. — Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». — Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба ее соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противоречил. Мы поцеловались горячо, искренно — и таким образом все было между нами решено.

Через час урядник принес мне пропуск, подписанный каракульками Пугачева, и позвал меня к нему от его имени. Я нашел его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока еще было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать все, чем исполнено было мое сердце.

Мы расстались дружески. Пугачев, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велел ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он еще раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь». — Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка. Народ разошелся. Швабрин скрылся. Я воротился в дом священника. Все было готово к нашему отъезду; я не хотел более медлить. Добро наше все было уложено в старую комендантскую повозку. Ямщики мигом заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел ее проводить, но она просила меня оставить ее одну. Через несколько минут она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроем: Марья Ивановна с Палашей и я. Савельич забрался на облучок. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Петр Андреич, сокол наш ясный! — говорила добрая попадья. — Счастливым путь, и дай бог вам обоим счастья!» Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

Глава XIII. АРЕСТ (Краткое содержание главы)

По дороге Гринева и Марью Ивановну остановили солдаты из отряда Зурина, с которым Петр Андреевич познакомился еще в Симбирске. Зурин посоветовал Гриневу отложить на время женитьбу и остаться в его отряде. Петр Андреевич согласился «...долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы», — так объясняет он свое новое решение.

Марья Ивановна, простившись с Гриневым, отправилась с Савельичем к родителям Гринева.

Народное восстание продолжалось, несмотря на то, что под крепостью Татищевой Пугачев потерпел поражение. Он собрал новую армию, разгромил симбирские крепости, взял Казань и решил идти на Москву. Но вскоре войско Пугачева было разбито, а сам он взят в плен.

Гринев получил отпуск и собирался ехать домой, но в день отъезда его арестовали и под караулом отправили в Казань в следственную комиссию, утвержденную по делу Пугачева.

Глава XIV. СУД

Мирская молва —
Морская волна.

Пословица.

Я был уверен, что виною всему было самовольное мое отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но еще всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинен в излишней запальчивости, а не вслушании. Но приятельские сношения мои с Пугачевым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы, и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надежным.

Я приехал в Казань, опустошенную и погорелую. По улицам, вместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачевым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посреди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепь и заковали ее наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной канурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою.

Таковое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые

Д. Шмаринов. Иллюстрация
к повести. 1974 г.

вкусив сладость молитвы, изливающей из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил, с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошел в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагою, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моем имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринева? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востер, — сказал он мне нахмуясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошел я в службу к Пугачеву и по каким поручениям был я им употреблен?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

— Каким же образом, — возразил мой допросчик, — дворянин и офицер один пощажен самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чем она основана, если не на измене, или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?»

Я был глубоко оскорблен словами гвардейского офицера и с жаром начал свое оправдание. Я рассказал, как началось мое знакомство с Пугачевым в степи, во время бурана, как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать мое усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

«На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, якобы замешанного в нынешнем смятении и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринев находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился, и с той поры уже в команду мою не

являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачева в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал свое чтение, и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и все прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если назову ее, то комиссия потребует ее к ответу; и мысль впутать имя ее между гнусными извещениями злодеев, и ее самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть вчерашнего злодея. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошел — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно черные как смоль, совершенно поседели, длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всем, что делалось в городе; что наконец явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. — Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери Белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился еще более в моем намерении, и когда судьи спросили: чем могу опровергнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать божью в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привязались, потому что нельзя было ее уз-

нать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустою любовью; а матушка только того и желала, чтоб ее Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моем аресте поразил все мое семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моем с Пугачевым, что оно не только не беспокоило их, но еще заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачева, и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностию и осторожностию.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа, он объявлял ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков к несчастью оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! — повторял он, выходя из себя. — Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нем плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастья. Она скрывала от всех свои слезы и страдания, и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевертывая листы Придворного Календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку и слезы изредка капали на ее работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость ее заставляет ехать в Петербург, и

что она просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? — сказала она. — Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба ее зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упреком. «Поезжай, матушка! — сказал он ей со вздохом. — Мы твоему счастью помехи сделать не хотим. Дай бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкой, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла ее и молила бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлученный со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит нареченной моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав на почтовом дворе, что Двор находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила ее во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; какие вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, — словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманием. Они пошли в сад. Анна Власьевна рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела; а Марья Ивановна, со своей стороны, бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало

важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчание.

— Вы верно не здешние? — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

— Вы приехали с вашими родными?

— Никак нет-с. Я приехала одна.

— Одна! Но вы так еще молоды.

— У меня нет ни отца, ни матери.

— Вы здесь конечно по каким-нибудь делам?

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом еще более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать ее про себя. Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо ее переменялось, — и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми ее движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

— Вы просите за Гринева? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

— Ах, неправда! — вскрикнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей богу, неправда! Я знаю все, я все вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала все, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманием. — «Где вы остановились? — спросила она потом; и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила с улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вошла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ее словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар, и за

чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца, и камер-лакей вошел с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову. Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, господи! — закричала она. — Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по придворному не умеете... Не проводить ли мне вас? все-таки я вас хоть в чем-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабushке за ее желтым роброном?» — Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна, и в том, в чем ее застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце ее сильно билось и замирало. Через несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед нею отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых, великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил ее одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрасала ее, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни. Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала ее и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свекру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, — сказала она, — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая ее возвращения, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна ее беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Из семейственных преданий известно, что он был освобожден от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая

через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. — В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. — В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель. 19 окт. 1836.

Вопросы и задания

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. В повести Пушкина «Капитанская дочка» вновь встречается известный уже вам композиционный прием — использование образа рассказчика. Чем заинтересовало вас начало повествования, которое ведется от лица героя — Петра Гринева?
2. Какими предстали из его рассказа герои повести: сам Петр Гринев, его отец, мать, Савельич, мосье Бопре?
3. Критично ли оценивает Гринев себя и других, вспоминая свои детские и отроческие годы?
4. Какие нравственные понятия о долге, чести, человеческом достоинстве внушал отец Петру Гриневу перед его отъездом на службу? Почему свой наказ сыну он закончил пословицей?

● Углубимся в текст повести

Главы I—II

5. Совпадают ли поступки Гринева, которые он совершает вскоре после отъезда из дома, с его мыслями и чувствами? Какие черты его характера открываются читателю? В своем ответе приведите примеры из главы I «Сержант гвардии».
6. Пушкин — мастер изображения сложного внутреннего мира человека. ✎ Перечитайте диалог Гринева с Савельичем, где они спорят из-за долга Зурину. Как передает автор настроение и поведение каждого из героев? С помощью каких языковых средств он заостряет, усиливает впечатление от этого эпизода? Каково ваше отношение к героям? Прочитайте этот диалог в лицах.
7. Какую главную мысль первой главы «Капитанской дочки» отражает предпосланный ей эпиграф? Каким образом эпиграф усиливает интерес читателя к началу повествования?
8. Из ранее изученного вам известно, что проза Пушкина отличается краткостью, точностью и выразительностью, то есть лаконизмом. Перечи-

тайте описание бурана в степи (глава II «Вожатый») и покажите, как проявляется в нем эта особенность пушкинской прозы.

9. Что замечательного увидел Гринев во внешности вожатого? Прочитайте выразительно описание его портрета, отметьте важные художественные детали изображения.
10. Почему разговор вожатого с хозяином постоялого двора показался Гриневу странным? Как называется литературный прием, при помощи которого Пушкин передает этот разговор?
11. Какие детали изображения указывают на глубокую искренность, с которой Гринев дарит заячий тулуп вожатому? О каких качествах характера свидетельствует этот его поступок?

Для самостоятельной работы

12. Подготовьте устное изложение от третьего лица с элементами рассуждения на тему «Детские и отроческие годы Петра Гринева».
13. Перескажите близко к тексту описание бурана в степи. Выучите наизусть описание портрета Пугачева (вожатого).
14. Исследователи прозы Пушкина отмечают одно из главных ее качеств — динамику изложения, то есть изображение жизни в развитии, богатстве ее движений и изменений. Проанализируйте, как развивается сюжет в главе II «Вожатый»: определите последовательность эпизодов и ключевые моменты в каждом из них. Каким образом Пушкин обостряет интерес к изображаемым событиям и героям?

Главы III—V

15. Какой представлял Гринев в своем воображении Белогорскую крепость и что открылось его взору на самом деле (глава III «Крепость»)? Чем объяснить, что первые распоряжения он получил от жены капитана крепости? Что хотел сказать этим Пушкин? (*задание для мальчиков*)
16. С каким чувством рассказывает Гринев о капитане Миронове и его семействе? Почему жизнь в Белогорской крепости для Гринева очень скоро стала «не только сносною, но даже и приятною» (глава IV «Поединок»)?
17. В своих «Заметках о дворянстве» Пушкин называл природными качествами дворянина ум, благородство и доброту, но считал, что «образ жизни может их развить, усилить — или задуть». В какой степени, по-вашему, обладают этими качествами герои «Капитанской дочки» — Гринев и Швабрин? Как они изображены по отношению к Маше Мироновой? Указывает ли автор на причины, сделавшие этих дворян столь непохожими в суждениях и поступках?
18. О каких отношениях между дворянами и их крепостными свидетельствует письмо отца Гринева к Савельичу (глава V «Любовь»)?
19. Какие стороны характера крепостного Савельича раскрываются в его ответном послании своему господину? На чьей стороне в этой переписке автор? Аргументируйте свое мнение.
20. Что нравится вам в Маше Мироновой? Почему Пушкин так скупно дает ее портрет? На что он хочет в большей степени обратить внимание читателя?

Для самостоятельной работы

21. Подготовьте устное выборочное изложение с элементами рассуждения на тему: «Любовь Гринева и любовь Швабрина к Маше Мироновой».

Для дискуссии

22. Как вы оцениваете решение Маши Мироновой, которое она приняла после получения Гриневым письма от отца, отказавшего ему в родительском благословении?

Главы VI—IX

23. Как показывает Пушкин в главе VI «Пугачевщина» нарастание тревожной обстановки в Белогорской крепости?
24. Какое впечатление произвел на Гринева допрос башкирца? Прочитайте этот отрывок выразительно. Отметьте художественные средства языка, указывающие на отношение к допрашиваемому Гриневу и капитана Миронова.
25. Почему Пугачеву удалось так быстро взять Белогорскую крепость? Зачитайте отрывки, в которых показано, кто и как защищал крепость (глава VII «Приступ»).
26. Как понимают и выполняют свой долг капитан Миронов и поручик Иван Игнатьич? С каким чувством Пушкин рисует сцену расправы с ними?
27. О каких достоинствах характера русской женщины говорит поведение Василисы Егоровны?
28. Как ведет себя Гринев перед лицом смерти? Как выполняет он наказ отца беречь «честь смолоду»? Какие приемы изображения помогают автору передать напряженность этого эпизода, раскрыть внутреннее состояние героя?
29. Почему Пугачев помиловал Гринева? Какие человеческие качества Пугачева проявились при этом?
30. Зачитайте отрывки из текста, в которых показано, как народ встречал Пугачева. Какую задачу, по-вашему, ставил перед собою Пушкин, включая эти описания?
31. Как вы оцениваете поступок Швабрина, перешедшего на сторону Пугачева? Искренне ли он принял сторону восставших?
32. Попробуйте вообразить Гринева на военном совете у Пугачева в Белогорской крепости (глава VIII «Незванный гость»). Какая «необыкновенная картина» представилась ему? Чем заинтересовали его присутствующие на этом совете? Почему Гринева потрясло исполнение Пугачевым и его сообщниками народной бурлацкой песни «Не шуми, мати зеленая дубравушка...»?
33. Один из литературных критиков пушкинского времени Броневский так писал о Емельяне Пугачеве: «...Емелька Пугачев бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рожденным, ибо в естестве его не было и малейшей меры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумные творения от бессмысленного животного отличают».
- ❊ Так ли изображает Пугачева Пушкин? Каким, например, видит Пугачева Гринев на военном совете в Белогорской крепости? Вникните в содержание разговора Пугачева с Гриневым, объясните, почему Пугачев вторично пощадил Гринева. С какой новой стороны открылся Пугачеву Гринев и как оценил Гринева Пугачев? В чем проявились человечность и широта натуры Пугачева?

Для самостоятельной работы

34. Подготовьте выразительное чтение эпизода беседы Пугачева и Гринева в Белогорской крепости (конец VIII главы) от слов «Мы остались глаз на глаз...»

до слов «Я оставил Пугачева и вышел на улицу». Определите свою исполнительскую задачу и объясните перед чтением, в чем она заключается.

35. Ответьте на вопросы в развернутой форме и с опорой на художественный текст:

- Почему сразу после описания страшной сцены допроса башкирца (глава VI «Пугачевщина») следует монолог рассказчика, в котором он обращается к молодому поколению? В чем заключен гуманистический смысл его призыва?
- Есть ли в содержании главы VII «Приступ» объяснение суровым мерам, предпринятым Пугачевым против защитников крепости?
- Как раскрывается характер Пугачева в его речи? В чем ее главная особенность?

Главы X—XIII

36. Упомянутый уже нами критик Броневский в свое время о Пугачеве утверждал следующее: «История сего злодея может изумить порочного и вселить отвращение даже в самих разбойниках и убийцах. Она вместе с тем доказывает, как низко может падать человек и какую адскую злобой может преисполниться его сердце».

✱ Как опровергает это мнение Пушкин в своей повести? Обратитесь к тем главам, в которых описана вторая встреча Гринева с Пугачевым. Расскажите, при каких обстоятельствах она произошла. Легко ли было Пугачеву принять сторону Гринева? О чем спорит Пушкин с критиком Броневским, описывая эту сцену?

37. С какой целью Пушкин так много места в повести уделил тому, как была освобождена Маша Миронова? Каким человеком предстает перед читателем Пугачев в главах XI «Мятежная слобода» и XII «Сирота»?

38. Вы уже обратили внимание на то, что речь Пугачева изобилует пословицами и поговорками, отличается меткостью и эмоциональной выразительностью. Вдумайтесь в содержание калмыцкой сказки (гл. XI), которую он рассказывает Гриневу. В чем заключен ее иносказательный смысл?

Для самостоятельной работы

39. Подготовьте развернутые ответы на вопросы, подтверждая свои размышления примерами из текста повести: как отнеслись генерал из Оренбурга и Пугачев к любовной истории Петра Гринева и Маши Мироновой? Кто из них оказался милосерднее и гуманнее?

40. Пушкина всегда волновал вопрос о возможности исправления дворянских нравов. В «Капитанской дочке» он показал, что отношения между дворянством и крестьянами становятся непримиримыми, если народ безмерно угнетают и притесняют. Видел ли Пушкин выход из этого положения?

✱ На примере героев своей повести Гринева и Пугачева он утверждает, что отношения между людьми, принадлежащими к разным слоям общества, могут быть иными, если ими руководит чувство человечности, то есть гуманности. Подтвердите это на примерах взаимоотношений Гринева и Пугачева, описанных в «Капитанской дочке».

41. Что думает всякий раз Гринева о Пугачеве, как относится к нему, как оценивает его действия?

Главы XIII—XIV

42. Известно, что Пушкин не был сторонником крестьянского восстания. Он жалел прежде всего самих крестьян, ничего, по его мнению, не добившихся бунтом, кроме новых страданий. Эта мысль неоднократно звучит в повести.
- ⊛ Объясните, почему описывая конец войны (глава XIII «Арест»), Гринев произносит предостерегающую фразу: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»
43. Как вы оцениваете поведение Петра Гринева во время его допроса в Следственной комиссии? В чем проявилось его благородство?
44. Какой рисует Пушкин в последней главе повести Машу Миронову? Чем пленит вас ее образ?
45. К кому из героев «Капитанской дочки» в наибольшей мере относится эпитафия «Береги платье снову, а честь смолоду»?
46. Из семнадцати эпитафий повести десять взяты Пушкиным из народного творчества. Какую главную мысль хотел подчеркнуть этим автор «Капитанской дочки»?

Для самостоятельной работы

47. Какое значение для содержания и построения повести имеет эпизод встречи Гринева и Пугачева во время бурана в степи? Иными словами, какова сюжетно-композиционная роль этого эпизода?
48. Почему «Капитанская дочка» написана в форме семейных записок от
- ⊛ лица участника событий? Какую творческую задачу решал этим Пушкин?
49. «Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше... Главное: истина, искренность», — писал Пушкин одному из своих корреспондентов. Как эти требования Пушкина к художественному творчеству воплощены им в «Капитанской дочке»? *(Подготовьте ответ в развернутой форме)*
50. Напишите сочинение на одну из тем: «Пугачев в изображении А. С. Пушкина (по повести «Капитанская дочка»)», «Гринев и Швабрин в жизненных испытаниях (по повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»)», «Мой любимый герой из повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкина».

Для дискуссии

51. Современники Пушкина считали, что образ Швабрина наиболее спорный в повести. Вдумчивый критик «Капитанской дочки» В. Ф. Одоевский заметил: «Швабрин набросан прекрасно, но только набросан: для зубов читателя трудно пережевать его переход из гвардии офицеров в сообщники Пугачева... Швабрин слишком умен и тонок, чтобы поверить возможности успеха Пугачева, и не довольно страстен, чтобы из любви к Маше решиться на такое дело. Маша так долго в его власти, а он не пользуется такими минутами. Покамест Швабрин для меня имеет много нравственно чудесного...»

Правильно ли понял Одоевский образ Швабрина?

52. В. Ф. Одоевскому принадлежит еще одно интересное высказывание о герое «Капитанской дочки»: «Савельич — чудо. Это лицо самое трагическое, то есть которого больше всех жаль в повести».
- Почему, несмотря на то, что Савельич остается в живых, его образу дана такая оценка?

Для будущих филологов

1. Подготовьте сообщение о «Пропущенной главе», которую Пушкин не включил в «Капитанскую дочку».
2. Исследователи творчества Пушкина усматривают общее в использовании эпиграфов в «Капитанской дочке» и в «Айвенго» Вальтера Скотта. Установите, в чем заключается это сходство?

УЧИМСЯ БЫТЬ КОМПЕТЕНТНЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

О художественном образе

Рассуждая о художественном произведении, мы всякий раз обращаемся к каким-то конкретным образам (кого-то или чего-то). Например, при знакомстве с повестью Пушкина «Капитанская дочка» в центре нашего внимания были не только образы Пугачёва, Гринёва, Швабрина, Маши Мироновой — героев произведения, но и образы Белогорской крепости, метели и др.

Образ художественный — это явление, предмет, действующее лицо, творчески воссозданное в художественном произведении. Образ не просто отражает действительность, а обобщает ее, раскрывает самое существенное, типичное¹, вечное. Так, в образе Пугачева Пушкин изобразил предводителя крестьянского восстания, человека, наделённого качествами выдающейся личности — глубоким умом, силой характера, умением вести за собой других.

Особенностью художественных образов является сочетание в них индивидуальных черт и свойств, эмоционально воздействующих на читателей, и общего, то есть присущего многим. Создавая образ Петра Гринёва, Пушкин наделил его многими индивидуальными чертами характера, которые вызывают наше восхищение: смелостью, благородством, глубоким пониманием своего долга. И в то же время он показан как представитель дворянского сословия, с честью выполняющего свой долг перед Отечеством и царём. Именно через образ Гринёва автор указал на возможность улучшения отношений между крестьянами, непомерно угнетаемыми в то время, и дворянами.

Не менее важной особенностью художественных образов является их способность вызывать представления, ассоциации² у читателей, подчас целый поток их. Эта особенность художественных образов делает их интересными для читателей, так как заставляет окунуться в мир, созданный творческим воображением писателя. Вспомните, какой вы представ-

¹ *Типичный* — наделённый какими-либо характерными свойствами, яркий представитель какой-либо группы людей (в частности сословия, класса, нации, эпохи).

² *Ассоциация* — здесь: связь между отдельными представлениями, при которой одно представление вызывает другое.

ляли себе Машу Миронову в тот момент, когда её впервые увидел Пётр Гринёв. А каким вы видели в своём воображении буран в степи, читая главу «Вожатый»?

Художественный образ только тогда способствует художественному изображению, когда в нём особым образом отражены самые существенные черты и признаки предметов, явлений, лиц. Иногда одна лишь фраза или даже слово помогают читателю вообразить картину и почувствовать то, что пережил писатель создавая её. Обратимся к описанию бурана в начале повести «Капитанская дочка». Всего несколькими словами («... всё было мрак и вихрь») Пушкин нарисовал картину бедственного положения, в котором оказались герои. А вот каким увидел Гринёв Пугачёва, приближающегося вместе со своими сообщниками к Белогорской крепости: «Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане с обнажённой саблей в руке, это был сам Пугачёв». Как много говорят нам скудные детали изображения («на белом коне», «в красном кафтане», «с обнажённой саблей»), и как ярко мы, читатели, представили в этот момент предводителя крестьянского восстания.

Таким образом, при создании художественных образов писатель тщательно отбирает каждую деталь изображения, каждое слово, чтобы творчески воссоздать жизнь и ввести читателя в свой новый, вымышленный, небывалый мир.

- ?
1. Что обозначает понятие *художественный образ*?
 2. Назовите отличительные особенности художественного образа.
 3. Приведите примеры художественных образов из повести А. Пушкина «Капитанская дочка». Отметьте их самые существенные черты и признаки.

О жизненной правде и художественном вымысле в литературе

Повесть Александра Пушкина «Капитанская дочка» — художественное произведение. Но в основу ее, как известно, легли подлинные исторические события. Пушкин тщательно изучал историю пугачёвского движения, посетил места ожесточенных боев пугачевцев с правительственными войсками, беседовал со старыми людьми, которые еще помнили Пугачева или слышали о нем. Все это и дало богатый материал для создания художественного произведения.

В повести отражены такие исторические события, как осада Оренбурга, взятие крепостей. Среди героев повести имеются исторические лица. Это прежде всего сам Пугачев и его сподвижники — Белобородов и Афанасий Соколов (Хлопуша). История сохранила сведения о них как о талантливых, незаурядных людях.

Но не только исторические личности стали героями повести «Капитанская дочка». Пушкин ввел в нее и вымышленных лиц. Главное место среди вымышленных героев занимает Петр Андреевич Гринев, от лица которого ведется повествование. Вымышленными героями являются также Савельич, семья капитана Миронова, Швабрин и др. Но читателю

не столь важно, кто из героев действительно жил на свете, а кто создан творческим воображением Пушкина. Ведь все они изображены так правдиво, что веришь каждому их слову, каждому действию. При этом нужно отметить, что и образы исторических лиц обогащены писательским художественным вымыслом. Сохранившиеся сведения о Пугачеве не могли дать Пушкину достаточный материал для создания такой яркой, многогранной личности, какой выступает Пугачев на страницах повести «Капитанская дочка». Он предстает перед нами то простым «дорожным», то предводителем народного восстания. Мы видим его и среди друзей, и среди врагов. Внешность Пугачева обращает на себя внимание: его наружность «замечательна», «черты лица довольно приятные», «ничего свирепого». Особенно часто автор описывает выражение глаз Пугачева, указывая тем самым на его настроение и особенности характера. То у него «сверкающие глаза», то он смотрит «пристально», «грозно», то «с выражением плутовства и насмешки». Безусловно, что ни в одном из дошедших до Пушкина документов нет таких подробностей. Но читатель не подвергает сомнению верность пушкинского описания. Такова сила художественного вымысла.

Художественный вымысел в повести «Капитанская дочка» дал возможность Пушкину изобразить двух противоборствующих героев, один из которых — лицо историческое: Пугачев, другой — вымышленное: Гринев. В изображении характеров, поведения, поступков, речи не только главных героев, но и второстепенных персонажей повести автор прибегает к художественному вымыслу. Иначе как бы мы узнали, например, с какой гордостью говорил Пугачев Гриневу об удаче своих походов («я воюю хоть куда!.. Доселе оружие мое было счастливо» и др.)? Творческая фантазия Пушкина в изображении Пугачева неисчерпаема. Он наделяет его духовным богатством, живым умом, талантом руководителя, которые проявляются не только в его действиях, но и в речи, яркой, образной, богатой народной мудростью (сказки, пословицы, поговорки, например: «Долг платежом красен», «Казнить так казнить, миловать так миловать», «Послужи мне верою и правдою» и др.).

Таким образом, в художественном произведении жизненная правда и художественный вымысел тесно связаны между собой. Это позволяет писателю создать произведение, в котором убедительно и вместе с тем художественно выразительно находит отражение та или иная эпоха, ее особенности, ее проблемы и люди.

- ?
1. Почему в художественном произведении жизненная правда переплетается с художественным вымыслом?
 2. Каким образом в повести Пушкина «Капитанская дочка» исторические лица и события связаны с вымышленными?
 3. Почему повесть «Капитанская дочка» мы называем литературным, а не историческим произведением?

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения

Сочинение-характеристика героя по изученному произведению

Для создания сочинения о литературном герое необходимо вспомнить, какие художественные приемы использует автор, описывая своего героя (изображение внешних и внутренних качеств героя — портрета, поступков и поведения, мыслей и переживаний; речь героя, авторская оценка).

Следующий этап работы — отбор и осмысление художественного текста, необходимого для создания сочинения-характеристики о герое изучаемого произведения, и составление плана к нему.

Вот каким, например, может быть план к сочинению «Пугачев — главный герой повести Пушкина «Капитанская дочка»:

1. Центральное место образа Пугачева в повести.
2. Портрет Пугачева, неповторимые черты его внешнего облика.
3. Общественное положение и жизненные цели.
4. Отношение Пугачева к своим сподвижникам.
5. Проявление характера Пугачева в его взаимоотношениях с Гриневым.
6. Особенности речи Пугачева — предводителя народного восстания и человека.
7. Отношение автора к своему герою.
8. Мое отношение к образу Пугачева

Излагая текст сочинения, опирайтесь на самые яркие примеры из повести, используйте в своей письменной речи цитаты (точные выдержки из текста), отдельные фразы и слова, заключая их в кавычки. Не забывайте, что ваша речь должна быть связной и выразительной.

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

А. И. Герцен о Пушкине: «Появился великий русский поэт Пушкин, а появившись, сразу стал необходим, словно русская литература не могла без него обойтись. Читали других поэтов, восторгались ими, но произведения Пушкина — в руках у каждого образованного русского, и он перечитывает их всю свою жизнь».

На Западе творчество Пушкина привлекло внимание почти с самого начала поэтической деятельности русского поэта. Первые заметки о нем появляются в 1821 году, а первые переводы его стихотворений — в 1823. Чем дальше, тем шире становится известность Пушкина. Его произведения многократно переводятся на разные языки, высоко оцениваются писателями и критиками. Пушкин находит на Западе восторженных поклонников своего творчества.

В конце XIX века Пушкина уже считают одним из величайших поэтов мира.

1. Какое значение для читателей, по утверждению писателя А. И. Герцена, имело в свое время и позднее появление произведений А. С. Пушкина?
2. Узнайте, в каких странах установлены памятники А. С. Пушкину?

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

(1814—1841)

Каждый заново для себя открывает Лермонтова. Гений его настолько всеобъемлющимногосторонен, что эти открытия будут продолжаться бесконечно.

С. Наровчатов

«Вглядитесь в портреты Лермонтова, в это неулыбчивое, сожженное внутренней тревогой лицо, в эти громадные, бездонные глаза. Лермонтов крепко запечатал тайну своей душевной жизни, и мы до сих пор, как ни бьемся, не можем проникнуть в нее до конца. Каким же был он, этот удивительный человек, вынесший из огня младенчески чистую душу?» — задается вопросом известный ученый-литературовед В. Н. Орлов.

Лермонтов начал писать стихи очень рано: ему было всего 13—14 лет, когда он, по его словам, стал уже «прибирать» их, то есть переписывать и собирать. Среди его рукописей сохранилась тетрадь, на обложке которой старательным, еще почти детским почерком написано: «Мелкие стихотворения. Москва, 1829 г.». Ему было тогда 15 лет, он учился в пансионе при Московском университете. Эти юношеские стихотворения, конечно, не вполне самостоятельны.

Лермонтов учился у своих предшественников — Жуковского, Батюшкова, Пушкина. В чужих стихах он выбирает то, что соответствует его собственным мыслям. С самого начала стихотворения Лермонтова образуют своего рода лирический дневник, отражающий его душевную и умственную жизнь. Из этого дневника постепенно вырастает будущая зрелая лирика — стихотворения 1836—1841 годов.

Многие представляют себе Лермонтова человеком угрюмым, замкнутым, мрачным пессимистом¹, погруженным в себя и презрительно относящимся к людям. Это неверно, как неверно вообще думать, что поэт говорит в стихах только о себе, о своих личных настроениях. Лирическое «я» вовсе не представляет собою простого отражения личной жизни, личного характера. Из одних «настроений», а тем более мрачных, никакой настоящей поэзии не получается и получиться не может. Поэзия (как и всякое творчество) возникает на основе мыслей, наблюдений, обобщений и выводов, порожденных душевным и умственным опытом, а не отдель-

¹ *Пессимист* — человек, не верящий в будущее, во всем склонный видеть унылое, дурное, неприятное.

ными настроениями. Поэт говорит в стихах не о своем личном «я», а о человеке своего времени, об окружающей его действительности.

В жизни Лермонтов вовсе не был одиноким и мрачным. Его близкий друг и родственник Аким Шан-Гирей вспоминал: «В домашней жизни своей Лермонтов был почти всегда весел, ровного характера, занимался часто музыкой, а больше рисованием; играли мы часто в шахматы и в военную игру». Товарищи по полку отмечали в своих воспоминаниях, что Лермонтов был человеком очень общительным, остроумным и живым. Около него всегда были друзья, нежно к нему привязанные. «Юношеская тетрадь» Лермонтова была составлена для его двух пансионских друзей и вся посвящена теме дружбы.

Почему же многие стихотворения Лермонтова проникнуты мрачной скорбью? Почему он так часто говорит об одиночестве, почему пишет о том, что ему «и скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды»?

Юность Лермонтова проходила в мрачной исторической обстановке. Он не был, как Пушкин, свидетелем великих событий 1812 года и участником последовавших затем общественных движений; вместо этого он мальчиком уже слышал о страшной судьбе, постигшей декабристов, а потом сам на себе испытал тяжесть реакции¹.

Лермонтов с печалью смотрел на жизнь и на свое поколение не потому, что был угрюм и нелюдим, а потому, что был человеком больших требований. Это сказывается уже в ранних его стихотворениях, полных энергии и героики:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

Все творчество Лермонтова проникнуто героическим духом и жаждой действия. Он напоминает своим читателям о том времени, когда могучие слова поэта воспламеняли бойца для битвы и звучали «как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных» («Поэт»). Великую роль поэта он видит в общественном служении народу, в утверждении «мыслей благородных» и передовых идей.

Настоящая известность пришла к Лермонтову в начале 1837 года, когда по Петербургу распространилось (в списках) его стихотворение «Смерть Поэта», написанное под впечатлением от гибели Пушкина. Его размножали от руки в сотнях экземпляров, жадно перечитывали, заучивали наизусть. «Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление», — вспоминал один из современников Лермонтова. Лермонтовские стихи стали грозным обличием николаевской монархии:

И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

¹ Реакция — политика подавления всякого общественного прогресса. Здесь: время, наступившее после разгрома восстания декабристов (14 декабря 1825 г.).

За стихотворение «Смерть Поэта» Лермонтов был переведен прапорщиком в Нижегородский драгунский полк, расположенный на Кавказе. Перевод из гвардии в армейский полк сам по себе наносил удар по офицерской карьере. А главное, вольнодумного поэта постарались удалить из столицы подальше — на «погибельный» Кавказ, под пули горцев. Именно там, на Кавказе, в 1837 году Лермонтов написал свою знаменитую «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Однако цензор не разрешил печатать произведение опального поэта. Только по ходатайству Василия Жуковского поэма вышла в свет, но без имени автора. «Песня...» Лермонтова, проникнутая духом народной поэзии, принадлежит к лучшим произведениям русской и мировой литературы. Война на Кавказе была трудная, кровавая, но Лермонтов погиб не на войне. Лермонтов был убит на дуэли своим бывшим товарищем по юнкерской школе, отставным майором Николаем Мартыновым.

Подобно Пушкину, Лермонтов стал «вечным спутником» для каждого, кому дороги стремление к свободе и справедливости на земле.

По Б. Эйхенбауму и В. Орлову

1. Что вы знаете о детских годах Лермонтова? Какими трагическими событиями они были омрачены? В каком окружении рос и формировался будущий поэт?
2. В чем проявлялась одаренность юного Лермонтова?
3. С какими событиями связаны поворотные моменты в судьбе Лермонтова?
4. Чем привлекает вас поэзия Лермонтова? Какие из его стихотворений вы знаете наизусть?
5. Примите участие в подготовке проекта «Лермонтов-художник» (организуите выставку иллюстраций работ Лермонтова с использованием видеоматериалов).

* * *

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,

Он даром славы не берет.
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда, на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

* * *

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Иллюстрация А. Г. Якимченко. 1914 г.

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел.

Вопросы и задания

● Углубимся в текст стихотворений М. Ю. Лермонтова

«Я жить хочу! Хочу печали...»

1. Обратите внимание на начало стихотворения. В каком смысловом противоречии находятся слова первой строки «Хочу печали» с последующими двумя строками?
2. Какое настроение поэта выражено в этом стихотворении? С помощью каких художественных средств передается в нем жажда действовать, «жить ценою муки»?
3. Объясните, как вы понимаете заключительные две строки этого стихотворения?
4. Чем волнует вас это стихотворение?

«Поэт»

1. Какие мысли и чувства вызывает у вас это стихотворение? Чем оно вам нравится?
2. С какой целью в этом стихотворении поэт использует развернутое сравнение? Каким образом он так поэтично создает образ кинжала? Зачитайте соответствующие строки.

3. В чем поэт видит общее между кинжалом, «игрушкой золотой», и ролью поэта в современном ему обществе? В каких строках стихотворения Лермонтов с восхищением говорит об иной, прежней судьбе поэта? Прочитай-те выразительно эти строки.
4. Почему призыв поэта вновь обрести былую силу «могучих слов», звучать, «как колокол на башне вечевой», имеет вопросительную интонацию?
5. Подготовьте выразительное чтение этого стихотворения.
6. Какой образ объединяет стихотворения М. Ю. Лермонтова «Я жить хочу!»
- ✱ Хочу печали...» и «Поэт»? Есть ли разница в изображении этого образа?

«Выхожу один я на дорогу...»

1. Какими мыслями и чувствами проникнуто это стихотворение? Какое настроение вызывает оно у вас?
2. В чем заключается особый лиризм этого стихотворения? С помощью каких художественных средств он выражается?
3. Объясните, в чем смысл сопоставления в стихотворении поэтически воссозданной картины ночной природы и внутреннего состояния поэта?
4. Почему это стихотворение глубоко трогает чуткие сердца? В чем заключено его оптимистическое звучание?
5. Какое значение для понимания стихотворения имеет его композиция? На какие составляющие части можно разделить это стихотворение? Каково интонационное звучание каждой из них?
6. Почему стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» относится к философской лирике?
7. Выучите это стихотворение наизусть. Установите имя композитора, написавшего романс на слова стихотворения «Выхожу один я на дорогу...».

Для будущих филологов

Подготовьте выразительное чтение 1—2 из предложенных стихотворений («Желание», «Молитва», «Дума», «Пророк», «Как часто пестрою толпою окружен...», «Родина»), аргументируйте свой выбор.

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

Идут годы, десятилетия... а мы ощущаем Лермонтова как поэта живого и глубоко современного. Лиризм и страстная гражданская мысль...наводит нас на глубокие размышления о смысле бытия, о добре, зле, смерти, истории, современности, вечности... и пронзают при этом беспредельной магической музыкальностью самого созвучия слов. (Ираклий Андроников¹)

Украинский поэт Максим Рыльский писал: «Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что такого метрического, ритмического и строфического богатства, как у Лермонтова, не было ни у кого из русских поэтов XIX века, — и что в этом смысле есть чему поучиться у Лермонтова и поэтам нашей эпохи».

¹ Ираклий Андроников (1908—1990) — российский писатель, литературовед.

1. В чем видит Ираклий Андроников непреходящее значение лирики Лермонтова?
2. Прочитайте стихотворение М. Рылского «Не забуду вечера хрусткого...». Почему эпиграфом к нему поэт избрал лермонтовскую строку «Выхожу один я на дорогу...».

УЧИМСЯ БЫТЬ КОМПЕТЕНТНЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

О лирическом герое

Лирический герой — это образ поэта в лирике, своего рода художественный «двойник» автора-поэта.

Однако, когда речь идёт о лирическом герое, то имеется в виду, что биографическая личность поэта и лирический герой его произведений не являются полностью тождественными. Чтобы яснее понять это, представим, что мы впервые читаем стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». Предположим, что нам не известны подробности биографии поэта. Но пережитое Лермонтовым и запечатленное им в стихотворении становится близким для многих людей. Поэтому образ автора-поэта является одновременно и образом лирического героя.

О лирическом герое нельзя судить по одному стихотворению. Представление о лирическом герое складывается из цикла стихов поэта либо из всего его поэтического творчества.

Каков, например, лирический герой в стихотворениях Лермонтова, посвященных теме поэта?

Обратимся к изученным нами стихотворениям «Я жить хочу! Хочу печали...» и «Поэт». Это человек, жаждущий деятельности, равнодушного отношения к жизни («Что без страданий жизнь поэта?»), способный вдохновлять и быть вместе с народом «во дни торжеств» и во время «бед народных».

Для лирического героя характерна предельная искренность, исповедальность, которые имеют особое воздействие на читателя.

В небесах торжественно и чудно!

Спит земля в сиянье голубом...

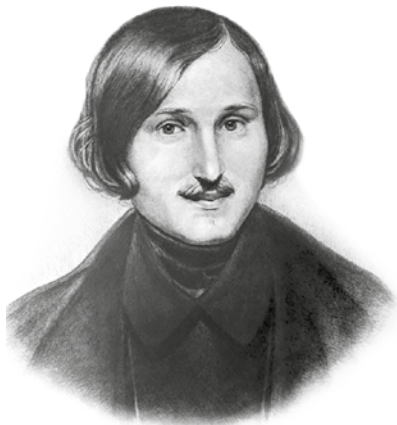
Что же мне так больно и так трудно?

Жду ль чего? Жалею ли о чем?

Лирический герой всегда наделен устойчивыми чертами личности, неповторимостью облика и судьбы.

1. Раскройте смысл понятия «лирический герой».
2. Определите характер лирического героя в изученных стихотворениях Лермонтова.

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

(1809—1852)

Мы не знаем, как могла бы Россия
обойтись без Гоголя.

Н. Чернышевский

АВТОРСКАЯ ИСПОВЕДЬ

(Отрывок)

...В те годы, когда я стал задумываться о моем будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об играх), мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра. Я думал просто, что я выслужусь и все это доставит служба государственная... От этого страсть служить была у меня в юности очень сильна... Первые мои опыты, первые упражнения в сочинениях, в которых я получил навык в последнее время пребывания моего в школе, были почти все в лирическом и серьезном роде. Ни я сам, ни сотоварищи мои не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя... на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками... Говорили, что я умею не то что передразнить, но угадать человека, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его мыслей и речей. Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думал о том, что сделаю со временем из этого употребление.

Причина той веселости, которую заметили в первых сочинениях моих, показавшихся в печати, заключалась в некоторой душевной потребности... Чтобы развлекать себя самого я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать... Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и, наконец, один раз, после того как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставить его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто

грех!» Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано... и в заключение всего отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ» (мысль «Ревизора» принадлежит также ему). На этот раз я и сам уже задумался серьезно, — тем более, что стали приближаться такие года, когда сам собой приходит запрос всякому поступку: зачем и для чего его делаешь?..

Если смеяться, так уж лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего. В «Ревизоре» я решил собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем. Но это, как известно, произвело потрясающее действие. Сквозь смех, который никогда еще во мне не появлялся в такой силе, читатель услышал грусть...

- ?
1. Чем особенно дорог для жителей Украины Николай Гоголь? Расскажите о месте рождения великого писателя, о его семье.
 2. Что способствовало пробуждению интереса у Гоголя к литературе и театру?
 3. Какое произведение принесло молодому писателю литературную известность? Чем объяснялся его огромный успех у читателей?
 4. За что вы цените и любите произведения Гоголя?

РЕВИЗОР

(В сокращении)

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.

Жена его.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.

Петр Иванович Добчинский, городской помещик.

Петр Иванович Бобчинский, городской помещик.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Федор Иванович Люлюков, отставной чиновник, почетное лицо в городе.

Иван Лазаревич Растаковский, отставной чиновник, почетное лицо в городе.

Степан Иванович Коробкин, отставной чиновник, почетное лицо в городе.
 Степан Ильич Уховертов, частный пристав.
 Свистунов, полицейский.
 Пуговицын, полицейский.
 Держиморда, полицейский.
 Абдулин, купец.
 Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.
 Жена унтер-офицера.
 Мишка, слуга городничего.
 Слуга трактирный.
 Гости и гости, купцы, мещане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для господ актеров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого начавшего службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от грубости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нем стриженные, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что тот не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит только в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, — один из тех людей которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьезно, смотрит несколько вниз, резонер и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или поношенный сюртук.

Бобчинский и **Добчинский**, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими

брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом — как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся перед глазами.

Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! еще и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*) ... и уведомить тебя». А! Вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет

себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» (*остановясь*), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и все играет на скрышке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздыхнув.*) До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Еще умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по латыни или на другом языке... Это уже по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, — лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издает звук, отчасти похожий на букву и и несколько на е.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводится всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно посоветовать ему есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я только так заметил вам. Насчет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерьянцы напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками, или чем другим — все взятки.

Аммос Федорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Иллюстрация к комедии.
А. Константиновский. 1951 г.

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул о уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда; это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... Не вспомню его фамилию, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что есть силы хватить стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский — герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал.. Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек либо пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи господь служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

Явление II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же вы, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю (*берет его под руку и отводит в сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтешь — так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в «Московских ведомостях»!

Городничий. Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем: есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит в эмпириях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...» — с большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадется жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это. Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Федорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и — шашть...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

Явление I

Осип лежит на барской постели.

Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил дорогой денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатах да ешь пироги. Ну, кто ж спорит: конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Щукин — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясет головою.*) Галантерейное, черт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь, всякой говорит тебе «вы». Наскучило идти — берешь себе извозчика и сидишь себе как барин, а не захочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на

извозчике, каждый день ты доставай в кеятр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка... Ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублей полтора ста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочем идут. А отчего? — оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что б дня четыре ты почесывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идет. *(Поспешно схватывается с постели.)*

Явление II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. *(Отдает фуражку и тросточку.)*
А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врешь, валялся; видишь, вся склочена.

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков *(ходит по комнате)*.

Посмотри, там в картузе табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвертого дня последнее выкурили.

Хлестаков *(ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом)*. Послушай... эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков *(громким, но не столь решительным голосом)*. Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков *(голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе)*. Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так; все равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот еще вздор!

Осип. «Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой — плут. Мы-де, говорят, этаких шерамыжников и подлецов видали».

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне все это.

А. Константиновский.

Хлестаков. 1951 г.

Осип. Говорит: «Этак всякий придет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь...

Хлестаков. Ну, ступай, черт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

Явление III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошелся, думал, не пройдет ли аппетит, — нет, черт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, бестия, срезывает. Всего каких-нибудь четверть часа посидел — и все обобрал. А при всем том страх хотелось бы с ним еще раз сразиться. Случай только не привел. Какой скверный городишко! В овошенных лавках ничего не дают в долг. Это уж просто подло. (*Насвистывает сначала из «Роберта», потом «Не шей ты мне матушка», а наконец ни се ни то.*) Никто не хочет идти.

Явление IV

Хлестаков. *Осип и трактирный слуга.*

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава богу.

Хлестаков. Ну, что, как у вас в гостинице? хорошо ли все идет?

Слуга. Да, слава богу, все хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, — видишь мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак я могу совсем отощать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он, думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поест день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

Явление V

Хлестаков один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты, а хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете, подкатить таким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади, одет в ливрею. Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?» А лакей входит (*вытягивается и представляя лакея*): «Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, как я ...» (*Потирает руки и подшаркивает ножкой.*) Тьфу! (*плюет*) даже тошнит, так есть хочется.

Явление VI

Хлестаков. *Осип, потом слуга.*

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (*прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле*). Несут! несут! несут!

Слуга (*с тарелками и салфеткой*). Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это, в самом деле, такое!.. Этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что еще много.

Хлестаков. А соуса почем нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру два каких-то коротеньких человека ели семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

Слуга. Да уж нет.

Хлестаков. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросенок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? Отчего же я, черт возьми, не могу так же? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. *(Наливает суп и ест.)* Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет. Я не хочу этого супу, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков *(защищая рукой кушанье)*. Ну, ну, ну... оставь, дурак! Ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... *(Ест.)* Боже мой, какой суп! *(Продолжает есть.)* Я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. *(Режет курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. *(Режет жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Черт его знает, что это такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины. *(Ест.)* Мошенники, каналы, чем они кормят! И челюсти заболят, если съешь один такой кусок. *(Ковыряет пальцем в зубах.)* Подлецы! Совершенно как деревянная кора, ничем вытащить нельзя; и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! *(Вытирает рот салфеткой.)* Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Каналья! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

Явление VIII

Хлестаков, Городничий и Добчинский. Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий *(немного оправившись и протянув руки по швам)*. Желаю здравствовать!

Хлестаков *(кланяется)*. Мое почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего...

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков *(сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко)*. Да что ж делать? Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп — он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... Чай такой странный, воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий *(робея)*. Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и

поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?... Да вот я... Я служу в Петербурге. (*Бодрится.*) Я, я, я...

Городничий (*в сторону*). О господи ты боже, какой сердитый! Все узнал, все рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (*храбрысь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! (*Стучит кулаком по столу.*) Что вы? Что вы?

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот еще? мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-богу по неопытности. Недостаточность состояния... Сами извольте посудить: казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. (*В размышлении.*) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высесть, до этого вам далеко... Вот еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеет нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне займы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни... у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну, слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! (*К городничему и Добчинскому.*) А что же вы стоите? Сделайте милость, садитесь. (*Добчинскому.*) Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (*Добчинскому.*) Садитесь.

Городничий и Добчинский садятся. Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турысы; прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, кроме должности, еще и по христианскому человеколюбию хочу, чтобы всякому смертному оказывался хороший прием, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы присидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить? (*Вслух.*) Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение*). В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро. (*Вслух.*) Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий (*в сторону*). Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплел! (*Вслух.*) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий (*в сторону*). Славно завязал узелок! Врет, врёт — и нигде не оборвется! А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы придавил его. Ну, да, постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж

заставлю побольше рассказать! (*Вслух.*) Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. (*Окидывает глазами комнату.*) Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенный гость, и терпит — от кого же? — от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно. Хозяин завел обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придет фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостоин, недостоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь — ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уже такой нрав: гостеприимство с самого детства, особенно если гость просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже — я не люблю людей двуличных. Мне очень нравятся ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уважение, уважение и преданность.

Явление X

Городничий. *Хлестаков, Добчинский.*

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то — богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Добчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены: в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да, я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий (*Добчинскому*). Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий (*тихо, Добчинскому*). Слушайте: вы побегите, да бегом, во все лопатки и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. (*Хлестакову*) Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Да зачем же?.. А впрочем, тут и чернила, только бумаги — не знаю... Разве на этом счете?

Городничий. Я здесь напишу. (*Пишет и в то же время говорит про себя.*) А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылки толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера: неказиста на вид, а слона повалит с ног. Только бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться. (*Написавши, отдает Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается, и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с ней на сцену. Все издают восклицания. Бобчинский подымается.*)

Хлестаков. Что? Не ушиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только сверх носа небольшая нашлапка! Я забегу к Христиану Ивановичу: у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдет.

Городничий (*делая Бобчинскому укорительный знак, Хлестакову*). Это-с ничего. Прошу покорнейше, пожалуйста! А слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан. (*Осипу.*) Любезнейший, ты перенеси все ко мне, к городничему, — тебе всякий покажет. Прошу покорнейше! (*Пропускает вперед Хлестакова и следует за ним, но оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому.*) Уж и вы! не нашли другого места упасть! И растянулся, как черт знает что такое. (*Уходит; за ним Бобчинский.*)

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка: боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмеел. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. Право, говоришь — лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вам нейдет палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдет?

Марья Антоновна. Нейдет, я что угодно даю, нейдет: для этого нужно, чтобы глаза были совсем темные.

Анна Андреевна. Вот хорошо! а у меня глаза разве не темные? самые темные. Какой вздор говорит! Как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна. Ах, маменька! вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.)* Этакое вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что такое!

По уходе их отворяются двери, и Мишка выбрасывает из них сор. Из других дверей выходит Осип с чемоданом на голове.

Явление V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков: за ним Городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь вам доложить, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович *(подбегая)*. Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор, как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наивумнейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение богу, все идет благополучно.

Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольным?...» Наградит ли оно или нет — конечно, в его воле; по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью все прах и суета.

Артемий Филиппович (*в сторону*). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой раз и стишки выкинутся.

Бобчинский (*Добчинскому*). Справедливо, все справедливо, Петр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (*в сторону*). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух.*) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич (*в сторону*). А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трех углов... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явление VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуюсь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сажу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет...

184 Я думаю, после столицы вояжировка вам показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, *comprenez vous*, в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней*) так вознаградил за все...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете?

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским ассессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мною со щеткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Все вместе.

Городничий. Чин такой, что еще можно постоять.

Артемий Филиппович. Мы постоим.

Лука Лукич. Не извольте беспокоиться.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Хлестаков. Я не люблю церемонии. Напротив, я даже всегда стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идет!» А один раз меня даже приняли за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то все...» Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт-Дьявол», «Норма». Уж и названий даже не помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, все

написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф»... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин дает за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а вот есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием дают балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составил: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж — скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница сто'ит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встанут со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «ваше превосходительство». Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто черт возьми! После видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? — я спрашиваю. «Иван Александрович ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдет до государя, ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть,

говору, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо остро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент, — просто землетрясение, все дрожит и трясется как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха. Хлестаков горячится еще сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам.» Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)*

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(быстрым, отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, все вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната, и все что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... Я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним Городничий.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната в доме городничего

Явление I

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Федорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах.

Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Федорович *(строит всех полукружим)*. Ради бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и государственный совет распекает! Стройтесь на военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Петр Иванович, забежите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут.

Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Федорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну, известно что.

Аммос Федорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Федорович. Опасно, черт возьми! раскритичится: государственный человек. А разве в виде приношения со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: «вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

Артемий Филиппович. Смотрите, чтобы он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дела так не делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того... как там следует — чтобы и уши не слышали. Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну, вот вы, Аммос Федорович, первый и начните.

Аммос Федорович. Так лучше ж вы: в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Артемий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет и язык как в грязь завязнул. Нет, господа, увольте, право увольте!

Артемий Филиппович. Да, Аммос Федорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Аммос Федорович. Что вы! что вы: Цицерон! Смотрите, что выдумали! Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Все (*пристают к нему.*) Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении... Нет, Аммос Федорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Федорович!

Аммос Федорович. Отвяжитесь, господа!

В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова. Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого.

Раздаются вполголоса восклицания:

Голос Бобчинского. Ой, Петр Иванович, Петр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние — совсем прижали!

Выхватываются несколько восклицаний: «Ай! ай!» — наконец все выпираются, и комната остается пуста.

Явление II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностью проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится, такая жизнь.

Явление III

Хлестаков и Аммос Федорович.

Аммос Федорович (*входя и останавливаясь, про себя.*) Боже, боже! вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. (*Вслух, вытянувшись и придерживая рукой шпагу.*) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский ассессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Федорович. С восьмьсот шестнадцатого был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьей?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру четвертой степени с одобрения со стороны начальства. *(В сторону.)* А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени уже не так.

Аммос Федорович *(высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону.)* Господи боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович *(потерявшись и роняя на пол ассигнации.)* Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Федорович *(дрожа всем телом.)* Никак нет-с. *(В сторону.)* О боже, вот я уже и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков *(подымая.)* Да, это деньги.

Аммос Федорович *(в сторону.)* Ну, все кончено — пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Федорович *(поспешно.)* Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. *(В сторону.)* Ну, смелее, смелее! Вывози, пресвятая мать!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да се... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте, как можно! и без этого такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... *(Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.)* Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Федорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности.

Аммос Федорович *(раскланиваясь и уходя, в сторону.)* Ну, город наш!

Хлестаков *(по уходе его.)* Судья — хороший человек.

Явление IV

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Вы ведь здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж? Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(В сторону.)* А он, однако ж, ничуть не горд; обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренне, — не так ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. *(Глядя в глаза ему, говорит про себя.)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы! *(Вслух.)* Какой странный со мною случай: в дороге совершенно поиздержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастье. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаться, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(Встает, вытягивается и придерживает шагу.)* Не смея долее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(Раскуривая сигарку.) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

Явление V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»

Лука Лукич *(вытягиваясь не без трепета.)* Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? *(Подает ему сигару.)*

Лука Лукич *(про себя, в нерешимости.)* Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я курил сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, просто ручки потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. *(Подает ему свечу.)*

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Лука Лукич *(от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя.)* Черт поberi все! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще насчет женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся — брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь! Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... *(В сторону.)* Ну, и сам не знаю, что говорю.

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели! Видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... преос... сият... *(В сторону.)* Продам проклятый язык, продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займа?

Лука Лукич *(хватаясь за карманы, про себя)*. Вот те штука, если нет! Есть, есть! *(Вынимает и, подает, дрожа, ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич *(вытягиваясь и придерживая шпагу)*. Не смею более беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич *(летит вон почти бегом и говорит в сторону)*. Ну, слава богу! авось не заглянет в классы!

Явление VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я — признаюсь, это моя слабость, — люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. *(Помолчав.)* Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается*

ближе с своим стулом и говорит вполголоса.) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться пред вами, — конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, — поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть; и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища... Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? я все позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что ж, скажите, пожалуйста, есть ли у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, взрослых! А как они... как они того?..

Артемий Филиппович. То есть не изволили ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать время, определенного на священные обязанности... *(Раскланивается с тем, чтобы уйти.)*

Хлестаков *(проводя.)* Нет, ничего. Это все очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.)* Эй, вы! как вас? я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно поиздержался. Нет ли у вас займы денег — рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

Явление VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали? Что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... *(Вдруг и отрывисто.)* Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков *(громко и скоро)*. В займы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский *(шаря в карманах)*. У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский. *(смотря в бумажник.)* Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-то получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну, все равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это все равно. *(Принимает деньги.)*

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака.

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть оно только так говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи расскажет и, если где попадется ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... все это будет сделано, да, да... (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. (*Выпроваживает их.*)

Явление VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, что они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ку я обо всем в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки — пусть-ка он их общелкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнесши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадет на зубок, — берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! За тысячу перевалило... Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

Явление X

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости!

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да все от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на

платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало — ей-ей! Придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне». Ну и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постоя. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!»

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя не запровадит его, все будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарком и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста — ну, тогда совсем дело другое: займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! (*Вынимают деньги.*) Да что триста! Уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: займы — я ни слова, я возьму.

Купцы (*подносят ему на серебряном подносе деньги.*) Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну, и подносик можно.

Купцы (*кланяясь*). Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет, я взятки никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек! Подавай все! все пойдет впрок. Что там? веревочка? Давай и веревочку, — и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. *Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»*

Кто там? (*Подходит к окну.*) А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков (*в окно*). Пропустить ее.

Явление XI

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

Слесарша (*кланяясь в ноги*). Милости прошу...

Унтер-офицерша. Милости прошу...

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отец мой...

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его ни в чем никакого прибытку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал мошенник, сделал — побей бог его на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, околел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне. «На что, говорит, тебе муж? он уж тебе не годится». Да я-то знаю — годится или не годится; это мое дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да все равно, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! Чтоб всей родне твоей не довелось видеть света божьего! А если есть теща, то чтоб и теще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? (*Выпровождает старуху.*)

Слесарша (*уходя*). Не позабудь, отец наш! будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела да схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штраф. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь оченьгодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там еще? (*Подходит к окну.*) Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! (*Отходя.*) Надоели, черт возьми! Не впускай, Осип!

Осип (*кричит в окно*). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь открывается, и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, с небритою бородою, раздутою губою и перевязанной щекою; за нею в перспективе показывается несколько других.

Пошел, пошел! чего лезешь? (*Упирается первому руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.*)

Явление XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (*рисуетя*). Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (*рисуетя*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать, никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. (*Села.*)

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы все эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, все что хотите. Требуйте, какие стихи вам?

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие — хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну, скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек!..» Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это все ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... *(Придвигая стул.)*

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... *(Отодвигая стул.)*

Хлестаков *(придвигая стул)*. Отчего ж вы отдвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна *(отдвигаясь)*. Для чего ж близко? все равно и далеко.

Хлестаков *(придвигаясь)*. Отчего ж далеко? все равно и близко

Марья Антоновна *(отдвигается)*. Да к чему ж это?

Хлестаков *(придвигаясь)*. Да ведь вам только кажется, что близко; а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна *(смотрит в окно)*. Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков *(целует ее в плечо и смотрит в окно.)* Это сорока.

Марья Антоновна *(встает в негодовании.)* Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков *(удерживая ее)*. Простите, сударыня, я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... *(Силится уйти.)*

Хлестаков *(продолжая удерживать ее.)* Из любви, право, из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках просить у вас прощения. *(Падает на колени.)* Простите же, простите! Вы видите, я на коленях.

Явление XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидев Хлестакова на коленях)*. Ах, какой пассаж!

Хлестаков *(вставая)* А, черт возьми!

Анна Андреевна *(дочери)*. Это что значит, сударыня! Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! И не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Анна Андреевна. Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте! здесь пол совсем нечист.

Хлестаков Нет, на коленях, непременно на коленях! Я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчет моей дочери?

Хлестаков Нет, я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: «Законы осуждают». Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

А. Константиновский.
Иллюстрация к комедии. 1951 г.

Явление XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.*) Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трехлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (*сквозь слезы*). Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие — перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (*с изумлением*). Так вы в нее?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этаким дрянью, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала

как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маменька. Право, вперед не буду.

Явление XV

Те же и Городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу, врет. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до нее!

Городничий. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны... им вот эдакой ребенок не поверит. Они уж и всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблен.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, не достоин такой чести.

Хлестаков. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я черт знает что готов...

Городничий. Не могу верить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! Ну, когда тебе толкуют?

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человек, я решусь на все: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной. Городничий смотрит на них.

Что за черт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! *(Вскрикивает, подпрыгивая от радости.)* Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона, как дело-то пошло!

Явление XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с? Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это... На одну минуту только... на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! (*Целует ее ручку.*)

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? (*Немного подумав.*) А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста, — я не хочу воспользоваться вашей ошибкой, — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! (*Вынимает из бумажника.*) Еще, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! (*Берет и рассматривает ассигнации.*) Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! Очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца: мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька Марья Антоновна!

Выходят.

За сценой:

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей Марья Антоновна!

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Так, по крайней мере, чем-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврики?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврики.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую, вынь ковер самый лучший — что по голубому полю, персидский. Скорей!

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Когда же прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голоса Осипа. А, это ковер? давай его сюда, клади вот так! Теперь давай-ка с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр...

Голоса Осипа. Вот с этой стороны! сюда! еще! хорошо. Славно будет. *(Бьет рукою по коврику.)* Теперь садитесь, ваше благородие!

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голос ямщика. Эй вы, залетные!

Колокольчик звенит. Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната

Явление I

Городничий. *Анна Андреевна и Марья Антоновна.*

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? Этой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... фу ты, канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полета, черт побери! Постой же, теперь я задам перцу все этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там?

Входит квартальный.

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов! Вот я их, каналов! Так жаловаться на меня? Вишь ты, проклятый иудейский народ! Постойте ж, голубчики! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дискать, какую честь бог послал городничему, — что выдает дочь свою не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете еще не было, что может все сделать, все, все, все! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, черт возьми! Уж когда торжество, так торжество!

Квартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Городничий. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь, я думаю, уже городничество тогда к черту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит, так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничий. А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна: красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж конечно, голубую лучше.

Городничий. Э? вишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там — стой, городничий! Хе, хе, хе! *(Заливается и помирает со смеху.)* Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе все такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты едешь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж? ведь слово не вредит.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты был городничим. А там ведь жизнь совсем другая.

Городничий. Да, там, говорят есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно было только этак зажмурить глаза. *(Зажмуривает глаза и нюхает.)* Ах, как хорошо!

Явление II

Те же и купцы.

Городничий. А! Здорово, соколики!

Купцы *(кланяясь)*. Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские! жаловаться? Что, много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничий *(с неудовольствием)*. А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я вас... у!.. обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе

еще награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо сует вперед: он купец, его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да дворянин... ах ты, рожа! — дворянин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче наша» не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрет тебе брюхо да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Купцы. Богу виноваты, Антон Антонович! Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Городничий. Не гневись! Вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? — оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал по самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы (*кланяются в ноги*). Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. Не погуби! Теперь: не погуби! а прежде что? Я бы вас... (*Махнув рукой.*) Ну, да бог простит! полно! Я не памятозlobен; только теперь смотри держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтоб поздравление было... понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару... Ну, ступай с богом!

Купцы *уходят*.

Явление III

Те же, Аммос Федорович, Артемий Филиппович, потом Растаковский.

Аммос Федорович (*еще в дверях*). Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастье?

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастьем. Я душевно обрадовался, когда услышал. (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Анна Андреевна! (*Подходя к ручке Марьи Антоновны.*) Марья Антоновна!

Растаковский. (*входит*). Антона Антоновича поздравляю. Да продлит бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленных внучат и правнучат! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*)

Явление VI

Еще несколько гостей, подходящих к ручкам. Лука Лукич с женою.

Лука Лукич. Имею честь...

Жена Луки Лукича (*бежит вперед*). Поздравляю вас, Анна Андреевна!

Целуются.

А я так, право, обрадовалась. Говорят мне: «Анна Андреевна выдает дочку». «Ах, боже мой!» — думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик, вот так счастье Анне Андреевне!» «Ну, — думаю себе, — слава богу!» И говорю ему: «Я так восхищена, что сгораю нетерпением изъяснить лично Анне Андреевне...» «Ах, боже мой! — думаю себе, — Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела», — и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, просто рыдаю. Уже Лука Лукич говорит: «отчего ты, Настенька, рыдаешь?» — «Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слезы так вот рекой и льются».

Городничий. Покорнейше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульев.

Гости садятся.

Явление VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, — я узнал это из письма...

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашел беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эшпафетой, — но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал. Не могу, не могу! слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадешь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу мороз. И руки дрожат, и все помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни се ни то; черт знает что такое!

Городничий (*запальчиво*). как не се ни то? Как вы смеее называть его ни тем ни сем, да еще и черт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? Вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (*читает*). «Спешу уведомить тебя, душа моя Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напрапалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, — думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали наперамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых, городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть этого! Там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

А. Константиновский.
Иллюстрация к комедии. 1951 г.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать? Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, черт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (*Оставляя читать*.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, черт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте все!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает*.)

«Почтмейстер точь-в-точь наш департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец пьет горькую».

Почтмейстер (*к зрителям.*) Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе...и...и...и... (*Заикается.*)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. (*Берет письмо.*)

Артемий Филиппович (*не давая письмо*). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю; далее, право, все разборчиво.

Почтмейстер. Нет, все читайте! ведь прежде все читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! (*Коробкину.*) Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. (*Отдает письмо.*) Вот, позвольте... (*Закрывает пальцем.*) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, все читайте!

Коробкин (*читая*). «Надзиратель над богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович (*к зрителям*). И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин (*продолжая читать*). «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич (*к зрителям*). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Федорович (*в сторону*). Слава богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин (*читает*). «Судья...»

Аммос Федорович. Вот тебе на! (*Вслух.*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и черт ли в нем: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин (*продолжает*). «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон...» (*Останавливается.*) Должно быть, французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже.

Коробкин (*продолжая читать*). «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь, наконец, пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. (*Переворачивает письмо и читает адрес.*) Его благородию, милостивому государю, Ивану

Васильевичу Тряпичкину, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворота на двор, в третьем этаже направо».

Одна из дам. Какой репримант неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машет рукою.*) Куды воротить! Я, как нарочно, приказал зрителю дать самую лучшую тройку; черт угораздил дать и вперед предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, беспримерная конфузия!

Аммос Федорович. Однако ж, черт возьми, господа! он у меня взял триста рублей займа.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер (*вздыхает*). Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Федорович (*в недоумении расставляет руки*). Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий (*бьет себя по лбу*). Как я — нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уд! Трех губернаторов обманул!.. Что губернаторов! (*махнул рукой*) нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но этого не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Городничий (*в сердцах*). Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. (*В исступлении.*) Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурочен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозит самому себе кулаком.*) Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю. Мало того что пойдешь в посмешище — найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что' обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? — Над собою смеетесь!.. Эх вы!.. (*Стучит со злости ногами об пол.*) Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкоперы, либералы проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да черту в подкладку! в шапку туды ему!.. (*Сует кулаком и бьет каблуком в пол. После некоторого молчания.*) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если бог хочет наказать, то отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артемий Филиппович (*расставляя руки*). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал.

Аммос Федорович. Да кто выпустил — вот кто выпустил: эти молодцы! (*Показывает на Добчинского и Бобчинского.*)

Бобчинский. Ей-ей, не я! и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артемий Филиппович. Конечно, вы.

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас черт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу и смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Федорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Петр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые того...

Бобчинский. А вот и нет; первые то были вы.

Явление последнее

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно взлетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остается в окаменении.

Немая сцена

Городничий посередине в виде столба, с распростертыми руками и запрокинутой назад головою. По правую руку его жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнести: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся ко зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

Вопросы и задания

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. Как восприняли вы начало комедии? Какой, содержащийся в нем элемент таинственности, связанный с известием о приезде ревизора, привлек ваше внимание?
2. Каким образом продолжает Гоголь заинтересовывать читателя (зрителя) в первом явлении первого действия?
3. Какими мы видим городничего и чиновников в начале комедии? Что рассказывают они сами о порядках в уездном городе, когда узнают о приезде ревизора?

● Углубимся в текст комедии

4. Соответствует ли поведение чиновников тем характеристикам, которые дал им сам автор в «Замечаниях для господ актеров»?
5. Создают ли чиновники в полной мере творимые ими беззакония: взяточничество, мошенничество, обман, запустение во всех вверенных им городских учреждениях? Включите в свой ответ дословные высказывания персонажей комедии.
6. Размышляя о том, как следует создавать комедию, Гоголь записал: «Комедия должна вязаться сама собою, всей своей массой, в один большой, общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два — коснуться того, что волнует более или менее всех действующих. Тут всякий — герой; течение и ход пьесы производит потрясение всей машины; ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело». Что, по вашему мнению, следует считать завязкой в «Ревизоре»? Какое его событие «обнимает», как сказал Гоголь, все лица комедии?
7. Только ли наведением внешнего — кажущегося — порядка пытается Городничий спешно исправить положение в городе? Почему он старается опередить появление ревизора? На что рассчитывает Городничий, отправляясь в гостиницу?
8. Как вы думаете, почему все первое явление второго действия занимает монолог Осипа, слуги Хлестакова? Можно ли было обойтись без него и что значило бы отсутствие этого монолога для читателя (зрителя)?
9. Понаблюдайте, как в разговоре с Осипом и трактирным слугой Хлестаков подчеркивает значительность своей особы. Как это отражается в его речи? Таков ли Хлестаков на самом деле, каким хочет казаться? Вспомните о том, что комическое изображение достигается внешним и внутренним несоответствием. Чем же смешон Хлестаков, добившийся в конце концов еще одного обеда в долг?
10. Как проявляются характеры Хлестакова и городничего во время их разговора в трактире? В чем комизм этой сцены? Проанализируйте эту сцену.
11. Чем покорила Хлестаков («столичная штучка») Анну Андреевну и Марию Антоновну? Какие черты характеров и поведение этих дам особенно наглядны в комедии?
12. Проанализируйте знаменитую «сцену вранья», которая происходит в доме городничего (действие третье, явление шестое). Проследите, как неуверенно увлекается Хлестаков, желая казаться значительным лицом. Отметьте те его высказывания, которые разоблачают в нем лжеца и невежду. Прочитайте эту сцену выразительно в лицах.

13. В своих советах актеру И. И. Сосницкому Гоголь указывал, что нельзя упускать из виду желание Хлестакова порисоваться, «сыграть роль чином выше собственной». Гоголь предостерегал от понимания образа Хлестакова как простого лгуна: «Он сам позабывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит».

✱ Чем же объясняется эта особенность характера Хлестакова? Как говорит о ней сам Гоголь в своих «Замечаниях для господ актеров»?

14. Добродушно или беспощадно смеется Гоголь над чиновниками, дающими взятки Хлестакову? Благодаря чему Гоголь достигает комического эффекта в этих сценах?

15. Удалось ли городничему скрыть свои беззакония перед «реvisorом»? Как в пьесе показана угроза его самовластью и бесконтрольности?

16. Обратите внимание на то, как неожиданно и с какой молниеносной быстротой Хлестаков объясняется в любви то дочери городничего, то его жене, то опять дочери и, не раздумывая, делает ей предложение. Как вы думаете, с какой целью автор включил в свою комедию эти сцены?

17. Вскоре после первой постановки «Ревизора» Гоголь объяснял, что Хлестаков — пустой человек, но он заключает в себе «много качеств, принадлежащих людям, которых свет не называет пустыми». И офицер, и литератор, и даже «государственный муж», считал Гоголь, оказывается иногда Хлестаковым.

✱ Прокомментируйте диалог городничего с Анной Андреевной (действие пятое, явление первое). О чем мечтает Городничий, узнав о предложении Хлестакова жениться на его дочери? Что сближает его в данный момент с Хлестаковым?

18. Сатира (от лат. *satira*) — вид комического, безжалостное и уничтожающее осмеяние пороков, которые исправить невозможно. Почему комедия Николая Гоголя «Ревизор» относится к сатирическим комедиям?

19. Проследите, как от осмеяния и разоблачения Гоголь в конце комедии переходит к карикатурному изображению уездных чиновников во главе с городничим. Каким образом драматург осуществляет это?

20. «...Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе, — писал Гоголь. — Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все продолжение ее. Это честное, благородное лицо — был смех».

Против каких общественных и человеческих пороков направлен смех Гоголя в его комедии «Ревизор»?

21. О том, что Гоголь большое значение придавал заключительной немой сцене, свидетельствуют подробные его замечания по поводу ее постановки.

✱ Какой смысл вкладывал автор в такой финал своей пьесы?

22. Какой сатирический прием объединяет заключительные сцены комедий Н. Гоголя «Ревизор» и И. Карпенко-Карого «Сто тысяч»?

Для самостоятельной работы

23. Подготовьте выразительное чтение двух-трех явлений комедии (по выбору). Определите свою исполнительскую задачу и изложите ее перед чтением.

24. На основе анализа текста комедии покажите, как в речи персонажа отражается его характер (на примере одного-двух действующих лиц).

25. Объясните, почему шестое явление третьего действия считается кульминационным моментом пьесы?
26. Только ли на провинциальных чиновников распространяется сатира Гоголя в его комедии «Ревизор»? Ответьте на вопрос в развернутой форме.
27. Подготовьте устные характеристики городничего и Хлестакова.
28. Создайте сочинение на одну из тем (устно или письменно):
 - ✱ • «Уездный город и его правители в комедии «Ревизор» Н. В. Гоголя»;
 - «Единственное честное, благородное лицо, действующее в комедии «Ревизор» Н. В. Гоголя».
29. Примите участие в подготовке проектов «Ревизор» Гоголя на сцене театра», «Комедия Гоголя «Ревизор» в киноверсиях».

Для дискуссии

30. Почему Городничий, «очень неглупый по-своему человек», как говорит о нем Гоголь, принял Хлестакова за ревизора?
 31. Какую сцену комедии следует считать, по-вашему, ее развязкой?
 32. Современный литературный критик Игорь Золотусский после просмотра спектакля по пьесе Гоголя «Ревизор» с участием Олега Басилашвили в роли Хлестакова написал рецензию под названием «Обманутый Хлестаков».
- Удивляет ли вас название этой рецензии? Какие аргументы автора этой рецензии можно предположить в защиту «обманутого Хлестакова»?

Для будущих филологов

- ✱ Подготовьте презентацию одного из произведений Гоголя: «Нос», «Портрет», «Женитьба» (Изложение сюжета с элементами анализа в сопровождении видеоматериалов).

УЧИМСЯ БЫТЬ КОМПЕТЕНТНЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

О комедии

Комедия (греч. *komodia*, от *komos* — веселая процессия и *ode* — песня) — это драматическое произведение, в котором действие и характеры представлены в формах комического. Комедия имеет несколько разновидностей; общим для всех является наличие юмора или сатиры, при помощи которых изображаются противоречия в человеке и обществе.

Обратимся к «Ревизору» Н. В. Гоголя, чтобы глубже понять и оценить некоторые художественные особенности этой сатирической комедии. Вспомним прежде всего, что движущей силой сценического действия в любом драматическом произведении является заключенный в нем конфликт — столкновение противоположных сил. В «Ревизоре» конфликт состоит в неудавшейся попытке уездных чиновников скрыть перед ревизором свои преступления. Именно это и движет развитие сюжета пьесы от ее начала и до конца. Уже в самой первой фразе, которую произносит Городничий, содержится угроза для всех правителей города: «Я пригла-

сил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор». Чиновники озадачены. За каждым из них водятся нечестные поступки, которые нужно быстро прикрыть, чтобы беспорядки и общее запустение в городе не были слишком заметны. Насколько все были затронуты таким чрезвычайным для них событием, становится ясно в последнем действии комедии, когда читают письмо Хлестакова. Чиновники набрасываются друг на друга с упреками, пока громовое известие о прибытии настоящего ревизора не заставляет их оцепенеть.

Так Гоголь выносит в своей комедии на всеобщее осуждение не только личные, но и общественные пороки. Он сознательно нарушает общепринятое в то время правило написания комедий — строить конфликт вокруг любовной интриги. Гоголь так разъяснял задачи, которые ставил перед собой при создании комедии: «Все изменилось давно в свете. Теперь сильнее завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить во что бы то ни стало другого... Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?» Стремясь показать правду жизни, Гоголь исходил из условий своего времени. И поэтому конфликт в его пьесе носит не любовный (как было принято до Гоголя), а социальный¹ характер. Любовные сцены есть в его комедии, но они занимают второстепенное место. Все же смешное и комическое направлено главным образом на осмеяние существовавших во времена Гоголя общественных порядков в России и людей, порожденных ими. Недаром от лица актеров автор «Ревизора» обращался к драматургам: «Ради Бога, дайте нам русских характеров, нас самих дайте нам, наших плутов, наших чудаков! на сцену их, на смех всем!» Сам Гоголь блестяще справился с этой задачей в своей бессмертной комедии «Ревизор».

- ? 1. В чем особенности драматургического конфликта в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»? Что нового внес Гоголь в разработку конфликта?
3. На примере отдельных сцен комедии «Ревизор» покажите, как проявляется ее конфликт.

О ремарках

Ремарка (от франц. *remarque* — замечание, пояснение) — указание автора в тексте пьесы (обычно в скобках) на поступки героев, их жесты, мимику, интонацию, на темп речи, психологический смысл их высказываний.

Благодаря ремаркам автор имеет возможность подчеркнуть особенности поведения и характера действующих лиц, а также активно влиять на игру актеров. Так, последний монолог городничего в комедии Николая Гоголя «Ревизор» содержит пять ремарок. Сквозник-Дмухановский не может прийти в себя от известия, что все они одурачены мнимым ревизором. В речь городничего Гоголь последовательно включает ремарки, свидетельствующие о нарастании его возмущения («в сердцах», «В ис-

¹ Социальный — общественный, связанный с жизнью людей и их отношениями в обществе.

ступлении», «Грозит самому себе кулаком», «Стучит со злости ногами об пол», «Суёт кулаком и бьёт каблуком в пол»).

Интонации речи и жесты городничего в этом монологе показывают его истинное лицо, его бессилие и страх быть разоблачённым.

Ремарки в драматическом произведении указывают также на отношение автора к своим героям.

Особенно наглядно это проявляется в развернутой ремарке Гоголя к немой сцене, которой заканчивается комедия «Ревизор». Прочитайте её ещё раз, обратите внимание на описания поз и мимики действующих лиц и вы поймете, что хотел нам сказать о них Гоголь.

- ?** 1. Что такое ремарка?
2. Какова роль ремарки в драматическом произведении? Раскройте значение ремарок на примерах из комедии Гоголя «Ревизор».

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения

Сочинение — групповая характеристика героев

Вам предлагается написать сочинение «Уездный город и его правители в комедии «Ревизор» Н. В. Гоголя». Приступая к выполнению этой работы, попробуем вначале осмыслить в целом всё, что мы узнали о чиновниках уездного города из комедии Гоголя. Прежде всего выясним, как они относятся к своему служебному долгу.

Городничий Сквозник-Дмухановский — убежденный взяточник: «Этот уж так самим Богом устроено, и вольтерьянцы напрасно против этого говорят». Он казнокрад: постоянно присваивает казённые деньги. Судья Ляпкин-Тяпкин берет взятки «борзыми ценками». Делами он совсем не занимается, и в суде у него полный беспорядок. Смотритель училищ Хлопов даёт Хлестакову взятку, боясь, чтобы тот не заглянул в классы учебных заведений. Почтмейстер Шпекин занимается вскрытием писем.

Гоголь показывает чиновников не только как государственных служащих, но и как живых людей, с присущими им индивидуальными качествами характера. Так, городничий самоуверен, груб и деспотичен: «А который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия...»; «Вот я их, каналов...». Такие грубые выражения и окрики позволяет себе главный чиновник города. Судья считается «вольнодумцем» и образованным человеком, так как прочел пять или шесть книг. Попечитель богоугодных заведений Земляника готов доносить начальству на своих сослуживцев. Представляясь Хлестакову, он наговаривает и на почтмейстера, и на судью, и на смотрителя училищ. Почтмейстер — беспринципный и ограниченный человек. Его речь бедна мыслями и словами. На встрече с Хлестаковым он поочередно произносит только две фразы: «Так точно-с» и «Совершенно справедливо».

Итак, выявив общее и различное в изображении чиновников, составим план их групповой характеристики:

1. Главные правители уездного города в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».
2. Отношение чиновников к службе и к своим обязанностям.
3. Круг интересов и уровень культурного развития «хозяев» города.
4. Поведение чиновников во время их визитов к Хлестакову.
5. Правители уездного города в комедии «Ревизор» — обобщенный портрет преступного чиновничества крепостнической России XIX века.

Создавая сочинение — групповую характеристику героев, опирайтесь на самые яркие и убедительные примеры из текста комедии.

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

Н. Гоголь о театре

«Бросьте долгий взгляд во всю длину и ширину животрепещущего населения нашей раздольной страны — сколько есть у нас добрых людей, но сколько есть и плевел¹, от которых житья нет добрым и за которыми не в силах следить никакой закон. На сцену их! Пусть видит их весь народ! Пусть посмеется им! О, смех великое дело! Ничего более не боится человек так, как смеха. Он не отнимает ни жизни, ни имущества у виновного; но он ему силы связывает, и, боясь смеха, человек удержится от того, от чего бы не удержала его никакая сила...

Театр — великая школа, глубоко его назначение: он целой толпе народа за одним разом читает живой полезный урок и при блеске Торжественного освещения, при громе музыки показывает смешное привычек и пороков или высокотрогательное достоинств и возвышенных чувств человека».

М. П. Старицкий и М. Л. Кропивницкий — выдающиеся украинские драматурги — переработали ряд произведений Гоголя для сцены («Утопленница», «Вий», «Тарас Бульба», «Сорочинская ярмарка»). Но наряду с этим, сам Гоголь черпал материалы из сокровищницы украинского народного творчества, древнейшей и новой украинской литературы, например, из «Энеиды» Котляревского.

- ?
1. В чем заключается, по утверждению Гоголя, великая сила театра?
 2. Если вы видели кинофильмы или спектакли в театре, поставленные по произведениям Гоголя «Утопленница», «Вий», «Тарас Бульба», «Сорочинская ярмарка», то поделитесь своими впечатлениями в классе.

¹ Плэвел — сорная трава; здесь: плохие люди.

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

(1818—1883)

...Высейчасспрашивалименя,люблю ли я свою родину? Что же другое можнолюбитьназемле? Что одно неизменно,чтовыпшевсехсомнений?

И. Тургенев

«Что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева? То ли, что после прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора? Именно это впечатление оставляют после себя эти прозрачные, будто сотканные из воздуха образы, это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом, — так отзывался о творчестве Тургенева великий русский писатель-сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин. Подобным образом воспринимали произведения Тургенева не только его современники, но и многие последующие поколения русских и зарубежных читателей. В его рассказах, повестях, романах, проникнутых гуманными, благородными чувствами, оживают для нас волнующие картины прошлого, картины русской природы.

Тургеневу не было еще и пятнадцати лет, когда он поступил в Московский университет на словесное отделение, но вскоре, в связи с переездом родителей в Петербург, перевелся на философское отделение Петербургского университета. Окончив его в 1837 году, он объявил матери о своем решении поехать в Германию для завершения образования. Тургенев готовил себя для научной деятельности. «Тогда у меня бродили планы сделаться педагогом, профессором, ученым, — вспоминал он, — но... вскоре я познакомился с Виссарионом Григорьевичем Белинским... начал писать стихи, а затем прозу, и вся философия, а также мечты и планы о педагогике оставлены в стороне: я всецело отдался русской литературе».

Первой книгой, принесшей Тургеневу большую литературную известность, были «Записки охотника», вышедшие в 1862 году отдельным изданием. Это книга о народной жизни времен крепостного права в России. Как живые встают со страниц «Записок охотника» образы крестьян, отличающихся острым практическим умом, глубоким пониманием жизни, способных чувствовать и понимать прекрасное, откликаться на чужое горе и страдания. В. Г. Белинский, прочитав первый очерк из «Записок охотника» — «Хорь и Калиныч», отмечал, что Тургенев «зашел к наро-

ду с такой стороны, с какой до него никто не заходил». Критик обратил внимание на глубоко гуманное изображение писателем народных характеров: «С каким участием и добродушием автор описывает нам своих героев, как умеет он заставить читателей полюбить их от всей души».

Иной была реакция правительственных кругов на «Записки охотника». Вот как писал цензор об этой книге в докладной записке министру народного просвещения: «...мне кажется, что книга г. Тургенева сделает более зла, чем добра... и вот почему. Полезно ли, например, доказывать нашему грамотному народу (нельзя же отвергать, что «Записки охотника», как и всякая другая книга, могут быть читаны грамотным крестьянином и другими лицами из низшего сословия), что крепостные наши, которых автор до того опоэтизировал, что видит в них администраторов, рационалистов, романтиков, идеалистов, людей восторженных и мечтательных (Бог знает, где он нашел таких!), что крестьяне эти находятся в угнетении, что помещики, над которыми так издевается автор, выставяя их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя неприлично и противозаконно, что исправники¹ и другие власти берут взятки или, наконец, что крестьянину жить на свободе привольнее, лучше? Не думаю, чтобы все это могло принести какую-нибудь пользу...»

В 1852 году Тургенев был арестован за опубликование некролога в «Московских новостях» в связи со смертью Гоголя. Его статья появилась, несмотря на то, что цензурное ведомство запретило публикацию каких-либо материалов о Гоголе. Конечно, все понимали, что истинной причиной ареста явился не столько некролог, сколько общее направление литературной деятельности Тургенева. Правительство не могло простить ему «Записок охотника». Его отправили отбывать ссылку в родовое имение Спасское-Лутовиново.

Почти полтора года провел Тургенев в ссылке. В это время он много писал, читал, изучал русскую историю. Летом 1856 года выехал за границу на лечение. С тяжелым сердцем отправлялся он в далекий путь. Переезжая из города в город, из страны в страну, Тургенев ищет забвения от горьких мыслей, хочет обрести душевное равновесие.

С 1861 года Тургенев живёт большей частью за границей и продолжает много работать. Среди произведений разных жанров, созданных за границей, и «Стихотворения в прозе». Это цикл лирических миниатюр — небольших прозаических отрывков (некоторые всего в несколько строк). Они посвящены самым разнообразным темам, наполнены и грустным чувством неотвратимости ухода из жизни («Сон», «Собака», «Старик»), и воспоминаниями об ушедшей любви («Последнее свидание», «Как хороши, как свежи были розы»), и философскими раздумьями о вечности и могуществе природы и быстротечности жизни («Разговор», «Мои деревья»).

«Стихотворения в прозе» — подлинные произведения высокой поэзии. Читая их, понимаешь силу великой любви писателя к родине. Эту любовь Тургенев завещает нам, современным читателям его произведений.

По Н. Якушину

¹ Исправник — начальник уездной полиции в царской России.

- ? 1. Почему выход в свет первой книги Тургенева «Записки охотника» был столь заметным явлением в общественной жизни того времени? Какие рассказы из этой книги вы читали?
2. Что привлекает вас в личности Ивана Сергеевича Тургенева?

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой — и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса — и удалился, благоговей.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрель, 1878 г.

ПАМЯТИ Ю. П. ВРЕВСКОЙ¹

На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь, в разоренной болгарской деревушке — с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспамятстве — и ни один врач даже не взглянул на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

¹ Баронесса Юлия Петровна Вревская (1841—1878) — в 1878 г., во время русско-турецкой войны, уехала в действующую армию на Балканы сестрой милосердия.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала — и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась, — и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда — а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже ее труп — хотя она сама и стыдилась, и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится ее милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на ее могилу!

Сентябрь, 1878 г.

Вопросы и задания

● Углубимся в текст стихотворений в прозе И. С. Тургенева

1. Какими мыслями и чувствами автора пронизаны тургеневские стихотворения в прозе?
2. Небольшие по объёму стихотворения в прозе отличаются повышенной эмоциональностью изложения.
Прокомментируйте одно из стихотворений и объясните, с помощью каких художественных средств языка автор достигает эмоциональной насыщенности текста.
3. Выраженные в стихотворениях глубоко волнующие автора мысли, чувства, воспоминания, размышления создают впечатление полностью законченного произведения.
Попробуйте одним предложением определить главную мысль помещённых в учебнике стихотворений.
4. В своих стихотворениях Тургенев использует приём контраста. Как помогает этот приём обострять внимание читателя и выражать автору собственное отношение к изображаемому в стихотворениях «Воробей» и «Памяти Ю. П. Вревской»?
5. Стихотворения в прозе Тургенева были почти одновременно изданы в 1882 г. В России и во Франции и имели большой успех у читателей.
Чем понравились вам эти стихотворения?

Для самостоятельной работы

6. Стихотворения в прозе Тургенева не имеют известного стихотворного ритма, и вместе с тем внутренний ритм речи в них явно ощущается.
Подготовьте выразительное чтение стихотворений «Воробей» и «Памяти Ю. П. Вревской», передайте их внутренний ритм.
7. Подготовьте связный развернутый ответ на вопрос: в чем заключается лиризм стихотворений в прозе И. С. Тургенева?

Для будущих филологов

Прочитайте предисловие «К читателю», которое написал И. С. Тургенев к сборнику своих стихотворений в прозе. Последуйте совету писателя и поделитесь своими впечатлениями от прочитанного в классе.

УЧИМСЯ БЫТЬ КОМПЕТЕНТНЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

О стихотворениях в прозе

Вы уже имели возможность убедиться, что стихотворения в прозе — это *лирические произведения в прозаической форме*. Их появление связывают с Францией, с выходом книги миниатюр поэта А. Бертрана.

Небольшие по объему, они отличаются повышенной эмоциональностью, так как выражают непосредственное впечатление или переживание автора. Так, в стихотворении «Воробей» Тургенев передает свое впечатление от увиденного: старый воробей, спасая от собаки своего птенца, «камнем упал перед самой ее мордой — и, весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти». Выражения «камнем упал», «взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком» позволяют автору передать внезапность угрозы для жизни не оперившегося еще воробышка. Отношение автора к увиденному и все напряжение этого момента ощущается в противопоставлении беззащитности птенца и собаки, в описании которой употреблены выражения: «перед самой ее мордой», «зубастой, раскрытой пасти».

Прием контраста явно выражен и в стихотворении «Памяти Ю. П. Вревской». В нем Тургенев пишет об умирающей от тифа красивой молодой женщине, которая заразилась, ухаживая за больными солдатами. Но «ни один врач даже не взглянул на нее». Автор открыто выражает свои мысли о том, что эта молодая женщина не узнала простого человеческого счастья. Но ей было ведомо другое счастье — «помогать нуждающимся в помощи». «Нежное, кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы!» — восклицает он.

Стихотворения в прозе не имеют сюжета, но благодаря заключенной в них повышенной эмоциональности, концентрации мыслей и чувств автора, они воспринимаются как законченное произведение.

- ?** 1. Назовите отличительные особенности стихотворений в прозе.
 2. Что способствует выражению их лирического содержания?

АСЯ

Текст повести «Ася» рекомендуется взять в библиотеке или воспользоваться Интернетом.

Вопросы и задания

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. Какое впечатление произвела на вас необычная завязка сюжета повести «Ася» — случайная встреча русских за границей? Какое мнение сложилось у вас о героях повести уже в начале ее чтения?
2. Повествование от лица господина Н. Н. дает нам возможность глубже узнать этого героя. Чем нравится он вам? Как он воспринимает людей, природу, события, участником которых становится (гл. I — II)?

3. Чем необычна Ася? Как вы воспринимаете и оцениваете ее поведение?
 ☉ Что подчеркивают описания портрета героини, которые неоднократно встречаются в тексте (гл. II — IV)?

● Углубимся в текст повести

4. Что неодолимо влекло Н. Н. к Асе, несмотря на особенности ее поведения? Какое открытие он сделал для самого себя, узнав историю ее жизни (гл. VIII)? (Ответьте на этот вопрос словами из текста, гл. IX).
 5. Понаблюдайте, как меняется Ася, почувствовав особое отношение к себе со стороны Н. Н. Как раскрывается она в своих мечтах? Как хочет прожить свою жизнь (гл. IX, XI)?
 6. С какой новой, неожиданной стороны узнаем мы Н. Н. во время его свидания с Асей в доме фрау Луизе? Как вы оцениваете его поведение? Чем покоряет в этой сцене Ася? Как передает автор внутреннее состояние героев? С помощью каких языковых средств достигается предельная напряженность этой сцены (гл. XVI)?
 7. Искренне ли раскрывается Н. Н., узнав об отъезде Гагина и Аси? Обратите внимание на то, как описывает Тургенев состояние запоздалого прозрения героя. Вызывает ли Н. Н. в этот момент сочувствие у вас?
 8. Почему личная жизнь Н. Н. не сложилась и он доживал свои «скучные годы» в одиночестве? Определите значение образа рассказчика для раскрытия главной мысли повести (то есть ее идеи).

Для самостоятельной работы

9. Подготовьте выразительное чтение эпизода свидания Н. Н. и Аси в доме фрау Луизе.
 10. В главе IV Тургенев описывает Н. Н. в то время, когда он рассматривает этюды и размышляет про себя о Гагине. Почему Н. Н. приходит к мысли, что художника из Гагина никогда не получится? Что в таком случае сближает Гагина с Н. Н., которого мы видим в конце повести?
 11. «...Я писал ее («Асю») очень горячо, чуть не со слезами...» — признавался И. С. Тургенев в письме к Л. Н. Толстому. В каких эпизодах повести наиболее ярко проявляется авторское сочувствие своим героям?
 12. Определите роль пейзажных зарисовок в повести.

Для дискуссии

13. Как вы относитесь к решению Н. Н., которое он принял перед свиданием с Асей: «Я не могу на ней жениться... она не узнает, что и я полюбил ее» (гл. XV)?

Для будущих филологов

Ознакомьтесь с отрывком из отзыва Н. Г. Чернышевского о повести И. С. Тургенева «Ася»: «... Вот человек (господин Н.), сердце которого открыто всем высоким чувствам, честность которого непоколебима... Но вы вините человека, — всмотритесь прежде, он ли в том виноват, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, всмотритесь хорошенько, быть может, тут вовсе не вина его, а только беда его... Он роется, он бессильно отступает от всего, на что нужна широкая решимость и благо-

родный риск, опять-таки потому, что жизнь приучила его только к бледной мелочности во всем... Чем он хуже других? Чем он хуже нас всех?...»

В чем вы согласны (или не согласны) с мнением Н.Г. Чернышевского о герое повести И.С. Тургенева господине Н.Н.?

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

Однажды Тургенев ехал поездом из Орла в Москву. Когда он вышел на одном из полустанков на платформу, к нему приблизились два молодых человека. По одежде, по манерам видно было, что это мещане¹ или мастеровые.

— Позвольте узнать, — заговорил один из них, — вы будете Иван Сергеевич Тургенев?

— Я, — последовал ответ.

— Тот самый, что написал «Записки охотника»?

— Тот самый.

Тогда оба сняли шапки и поклонились писателю в пояс.

— Кланяемся вам, — сказал один, — в знак уважения и благодарности от лица всего русского народа...

Рассказав об этом случае своим московским друзьям, Тургенев добавил:

— Мне бы догадаться сесть с ними в третий класс², но я до того растерялся, что не нашел даже, что мне ответить. На других станциях я их искал, но они словно в воду канули... Так и не знаю, кто они такие были.

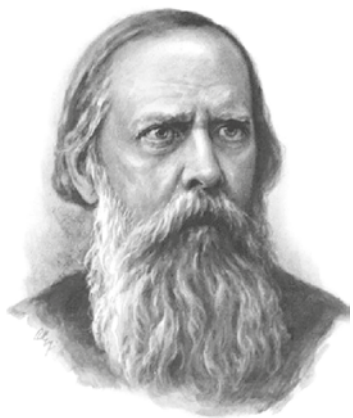
По Н. Богословскому

Прочитайте 1—2 рассказа из книги И. С. Тургенева «Записки охотника» («Хорь и Калиныч», «Бежин луг», «Певцы», «Бирюк» и др.), поделитесь своими впечатлениями в классе и дайте оценку прочитанному.

¹ Мещане — жители города: мелкие торговцы,

² Вагоны третьего класса были самыми дешевыми.

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

(1826—1889)

Много есть путей служить общему делу; но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока так же не бесполезно, тем более что предполагает полное сочувствие к добру и истине.

М. Салтыков-Щедрин

Всю свою творческую жизнь Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин посвятил труднейшему виду искусства — сатире. Он был выдающимся русским сатириком. Критики писали о нём, как об одном из десяти гениев мировой сатирической литературы. Его произведения отличаются яркой оригинальностью, неистощимым воображением, неповторимостью и глубиной сатирических образов.

Судьба Салтыкова-Щедрина не была лёгкой, потому что он говорил правду о жизни в самодержавной России. А легко ли бороться с общественным злом, просто ли выговаривать горькую правду?

Сатира — испытанное веками оружие борьбы: оно разит беспощадным смехом зло в его наиболее опасных и вредных проявлениях. Таким было острое, смелое слово М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Страшны... насилие и грубость, страшно самодовольное ничтожество, которое ни о чём не хочет слышать, ничего не хочет знать, кроме самого себя! Иногда это ничтожество взбирается на высоту... Тогда действительно становится страшно за всё живущее и мыслящее», — писал Салтыков.

Михаил Евграфович Салтыков родился 27 января 1826 года в отцовской вотчине — селе Спас Угол Тверской губернии. Отец его, Евграф Васильевич, принадлежал к старинному, но сильно оскудевшему дворянскому роду. Поэтому вынужден был жениться на дочери богатого московского купца. Атмосфера жизни и детские впечатления нашли отражение в последнем романе писателя «Пошехонская старина».

К шести годам Михаил бойко говорил по-французски и по-немецки, а через год-два выучился читать и писать по-русски. Вскоре он пристрастился к чтению. В руки случайно попало Евангелие, натолкнувшее мальчика на мысли о жестоком разладе, о пропасти между книжным словом и реальным положением дел. В книге речь шла о братстве и равенстве людей, а жизнь на каждом шагу напоминала о попранных человеческих правах и растоптанной чести. Внутреннее сопротивление в мальчике возбуждало

«дикое барство» в разных его проявлениях — от обычных пощёчин до насильственных браков, от окрика на прислуживающих за столом лакеев до крутых физических расправ с крепостными. Очень трудно становилось жить, «как живут все, дышать, как все дышат, идти по той же стезе, по какой все идут». Так в жизнь юного Салтыкова входила крепостническая действительность, ненависть к которой он сохранил до конца своих дней.

Полтора года (1836—1838), проведённые в Московском Дворянском институте, а затем шесть лет учёбы в Царскосельском лицее определили литературные вкусы будущего сатирика.

Напряжённые духовные поиски Салтыкова нашли отражение в его первых повестях — «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848). Эти повести сыграли едва не роковую роль в жизни писателя. В повестях Салтыкова разглядели «вредное направление и стремление к распространению революционных идей, потрясших всю Западную Европу». В ночь с 21 на 22 апреля 1848 года он был арестован и в сопровождении жандармов отправлен в ссылку в Вятку, откуда вернулся в Петербург только спустя семь лет.

Суровая школа провинциальной жизни была невыносимо тоскливой и одинокой. В письме к брату он сообщал: «Вся жизнь моя постоянная и нестерпимая мука». Ссылка закончилась после смерти Николая I, в 1855 году.

Салтыков решил продолжать службу. Он служит сначала в министерстве внутренних дел, затем рязанским, позже тверским вице-губернатором, снискав своей деятельностью кличку «вице-Робеспьер». Он много работает как писатель, создаёт разные по жанру произведения (циклы очерков, писем, художественную прозу), но вершинным произведением этого периода стала «История одного города», в которой он добрался до правительственных верхов. В центре произведения — сатирическое изображение взаимоотношений власти и народа. Сатирик создаёт обобщённый образ России, в котором освещены коренные пороки русской государственной и общественной жизни.

«История одного города» закрепила славу Салтыкова-Щедрина как выдающегося писателя-сатирика. Он становится сотрудником передового журнала «Современник», после запрещения которого вместе с Некрасовым редактирует «Отечественные записки» — самый популярный в России прогрессивный журнал. Из-под его пера выходят новые повести, очерки, романы — своеобразная энциклопедия жизни: «Помпадуры и помпадурши», «Господа ташкентцы», «Благонамеренные речи», «Господа Головлевы», «За рубежом», сказки, «Пошехонская старина».

Большое место в творчестве Салтыкова-Щедрина занимает жанр сатирической сказки. Щедрин-сказочник продолжил замечательные традиции русской народной сказки, басен Крылова.

Писатель наполняет традиционную народную форму сказки новым содержанием. Его сказки рисуют не просто злых или добрых людей,

они дают представление о реальной жизни России во второй половине XIX века. Салтыков-Щедрин прекрасно владеет эзоповым языком, показывая в иносказательной форме весь абсурд изображаемой жизни.

Во многих сказках Щедрина персонажами являются животные. Их образы наделены уже готовыми характерами: волк жаден и зол, медведь простоват, лиса коварна, заяц труслив и хвастлив, а осел беспросветно глуп. Например, в сказке «Самоотверженный заяц» волк наслаждается положением властителя, деспота: «...Вот тебе [заяц] мое решение: приговариваю я тебя к лишению живота посредством растерзания... А может быть... ха-ха... я тебя помилую». Однако заяц вовсе не вызывает сочувствия автора — ведь он безропотно отправляется волку в пасть! Щедринский заяц не просто труслив и беспомощен, он малодушен, он заранее отказывается от сопротивления. И здесь авторская ирония переходит в едкий сарказм, в глубокое презрение к рабской психологии.

«Сказки» Салтыкова-Щедрина будили общественное сознание, звали к борьбе, к протесту. Сам Щедрин не завещал свое творчество новым поколениям. Он так об этом говорит: «...писания мои до такой степени проникнуты современностью, так плотно прилаживаются к ней, что ежели и можно думать, что они будут иметь какую-нибудь ценность в будущем, то именно и единственно как иллюстрация этой современности». Но «Сказки» Салтыкова-Щедрина и другие сатирические произведения, столь популярные в прошлом веке, остаются актуальными и сегодня.

Живо творческое наследие писателя, которое стало неотъемлемой частью русской и мировой литературы; пережив своё время и своего создателя, его книги стали необходимыми новым поколениям читателей.

- ?
1. Чем объяснить, что помещичий сын стал на путь борьбы с крепостничеством и самодержавием?
 2. Какую роль в судьбе писателя сыграли его первые повести «Противоречия» и «Запутанное дело»?
 3. Почему «История одного города» и др. произведения получили такую широкую популярность и прославили имя сатирика?
 4. Что заставило писателя 20 лет своей жизни отдать государственной службе? Почему враги называли вице-губернатора Салтыкова-Щедрина вице-Робеспьером?
 5. Перечитайте эпиграф. Как Салтыков-Щедрин относился к своему предназначению писателя-сатирика.
 6. Примите участие в подготовке проекта «Иллюстрации к сказкам Салтыкова-Щедрина».

ПРЕМУДРЫЙ ПИСКАРЬ¹

Текст сказки «Премудрый пискарь» рекомендуется взять в библиотеке или воспользоваться Интернетом.

Вопросы и задания

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. Какие чувства и мысли вызывает у читателя образ пискаря, который назван автором премудрым? Есть ли в этом определении иронический оттенок?
2. Перечитайте первые 6 абзацев сказки — об обычных рыбах и рыбьем царстве. Подтверждается ли премудрость пискаря? Зачитайте те фрагменты сказки, которые опровергают прямое значение слова «премудрость».

● Углубимся в текст сказки

3. В произведениях русской литературы не раз изображались отцы, дающие наставления своим детям. Так, Петрушу Гринёва в «Капитанской дочке» отец поучал: «Береги платье снову, а честь смолоду». Сравните это наставление с завещанием пискаря-отца. Чем они отличаются? Каков главный упор в пискариных заветах? Вспомните пословицы, близкие к этим заветам, маскирующие обывательскую, рабскую мораль.
4. Какая истина открывается пискарю, подводящему итоги жизни?
5. Как в сказке переплетаются фантастика и реальность? С кем ассоциируется у читателя щедринский пискарь — с рыбой или человеком?
6. Каков общий смысл сказки?

Для самостоятельной работы

7. Найдите «щедринизмы» — выражения, близкие к пословицам, и пословицы, изменённые сатириком. Какое значение они имеют?

МЕДВЕДЬ НА ВОЕВОДСТВЕ

Текст сказки «Медведь на воеводстве» рекомендуется взять в библиотеке или воспользоваться Интернетом.

Вопросы и задания

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. Какие мысли вызвала у вас эта сказка? Что в ней поражает необычностью?
2. В лесу последовательно царствуют три Топтыгина-воеводы: злого сменяет ретивый, ретивого — трусливый. Отражаются ли эти перемены на общем состоянии лесной жизни? Почему? Подтвердите ответ примерами из сказки.

● Углубимся в текст сказки

3. О Топтыгине I автор замечает: «он, собственно говоря, не был зол, а так, скотина». Как в дальнейшем подтверждается эта его характеристика?
4. Как высмеивает писатель Топтыгина I, исполняющего поручение Льва устроить в дальнем лесу «блеск кровопролитий»? Приведите примеры беспощадного осмеяния Топтыгина I в сказке.

5. Топтыгин I не справился с заданием устроить «блеск кровопролитий» и стал устраивать расправу с «супостатами» (противниками) с помощью «злодеяний срамных и малых». Как он пытается исправить «свою репутацию»? Каково мнение самого писателя о злодеяниях такого рода? (Ответьте словами из текста сказки).
6. С какой целью Топтыгин II хочет расправиться с типографией, университетом и академиком? Почему разница между «злодействами блестящими» и «срамными» по приказу Льва упраздняется?
7. Как Топтыгин III приходит к заключению, что в воеводстве нужно довольствоваться злодействами «натуральными»? В чем состоит его теория «неблагополучного благополучия»? (Прокомментируйте конец сказки).
8. Почему Топтыгина III писатель в большинстве случаев называет не медведем, а майором?
9. Какая форма правления подвергается в сказке беспощадной критике?
10. Как переплетаются реалии русской жизни в сказке с фантастикой? Для чего это нужно было писателю?
11. О чем предупреждает писатель в конце сказки, указывая на печальный конец Топтыгина III.
12. Какие важные выводы вы сделали для себя, ознакомившись со сказками М. Е. Салтыкова-Щедрина?

Для самостоятельной работы

Подготовьте развернутые ответы на вопросы:

- Что сближает щедринские сказки с народными? Приведите примеры.
- Сказки Салтыкова-Щедрина часто близки к басне. В чём сходство сказки «Медведь на воеводстве» с басней? Есть ли отличие?
- Докажите, что вся сказочная картина, нарисованная в этом произведении, — это иносказание. Почему Салтыков-Щедрин прибегает к эзоповому языку?

Для будущих филологов

По содержанию двух сказок подготовьте выступление на тему: сатирические образы в сказках в М. Е. Салтыкова-Щедрина.

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

Салтыков-Щедрин был любимым писателем И. Франко, который всегда отмечал его огромную роль в борьбе с самодержавием и крепостничеством.

Сатирический талант Щедрина благотворно воздействовал на И. Франко — автора сказок «Звірячий бюджет», «Казка про Добробит», «Опозиція», «Як пан собі біди шукав», «Свиня». У И. Франко-сказочника много общего со сказками русского сатирика. Как и Салтыков-Щедрин, Франко использовал богатые народные традиции (приемы сказочного повествования, фольклорные зачины и концовки, образы зверей, аллегории и т. д.).

Украинский писатель был первым переводчиком произведений Щедрина: его перу принадлежат переводы фрагментов из «Истории одного города», «Невинных рассказов» и сказки «Премудрый пискарь».

? Установите, что общего в сатирических сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина и И. Франко? (На примерах самостоятельно прочитанных сказок И. Франко).

УЧИМСЯ БЫТЬ КОМПЕТЕНТНЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

Сатира как вид комического

Юмористические и сатирические жанры всегда особенно привлекали читательскую и зрительскую публику. Популярны они и в наше время — заметьте аншлаги на концертах писателей-сатириков и юмористов, пародистов «Вечернего квартала».

В чём причина такой популярности?

Дело в том, что комические жанры, и особенно сатира, развиваются и достигают расцвета в периоды кризисов, во времена нестабильности, внутренних противоречий в государстве. Нередки случаи в истории, когда великие сатирики оказывали существенное влияние на развитие общественных и политических событий.

Сатира (латин. *satira*) — вид комического; беспощадное, уничтожающее переосмысление предмета изображения, разрешающееся смехом.

В основе сатиры лежит смех — «оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как... смех», — так определил значение смеха в жизни и искусстве великий сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин. Если юмор — смех беззлобный, даже дружеский, то сатира — смех беспощадный, бичующий, изобличающий явления опасные, вредные для человека и общества. «Неизменным предметом моей литературной деятельности был протест против произвола, двоедущия, лганья, хищничества, предательства...», — так Щедрин определял изобличаемые им пороки, подлежащие искоренению.

Для этого сатирой используются такие приёмы, как аллегория, гипербола, ирония, гротеск.

Главная задача сатиры — возбуждать и оживлять представления о высших жизненных ценностях — добре, истине, красоте, — оскорбляемых низостью, глупостью, пороком. Сатира всегда связана с передовыми идеями своего времени. Великие сатирики были прогрессивными людьми своей эпохи и верили в торжество гуманистических идеалов. Сатира «провождает в царство теней всё отжившее, исходя из идеалов будущего» (М. Е. Салтыков-Щедрин).

- ?**
1. Почему сатира всегда вызывает живой интерес читателей и зрителей?
 2. В чём сила сатиры? Чем она отличается от юмора?
 3. Каковы средства создания сатирических образов?

Эзопов язык

Эзопов язык — (по имени древнегреческого баснописца Эзопа) — тайнопись в литературе, иносказание, намеренно маскирующее мысль (идею) автора. Он предполагает систему «обманных средств», приёмов шифровки свободной мысли.

Роль эзопова языка выполняют басенные образы, аллегорические «сказочные описания» (особенно у М.Е. Салтыкова-Щедрина, который и ввёл в широкий обиход выражение «эзопов язык»).

Не имея возможности сказать прямо о социальных язвах самодержавной России, Салтыков-Щедрин обращался к замаскированным приёмам речи, изобилующим иносказаниями, недомолвками, аллегориями и т.п. Это давало возможность сатирику в обход цензуры устанавливать взаимопонимание с читателем. Так, намекая на чьё-то пристрастие к шпионству, доносам, Салтыков употребляет слова «собиратель статистики», «сердцевед», «командированный чин»; дикий произвол начальства называет «цивилизация», пощёчины мужикам — «аплодисменты»; отправить в ссылку — послать на «акклиматизацию» и т.п.

В сатирических сказках Щедрина широко используется **гротеск** — причудливое соединение фантастического и уродливо-комического. Он способствует раскрытию главной цели автора — осмеянию и осуждению противоестественного, странного и нелепого в жизни. Например, в сказке «Дикий помещик» брошенный крестьянами барин до того одичал, что «с головы до ног оброс волосами, ногти сделались, как железные, он утратил даже способность произносить членораздельные звуки. Но хвоста ещё не приобрёл».

Сказочная форма — это тоже приём эзоповой речи: «Сказка — ложь, да в ней намёк», — писал А. Пушкин. М. Салтыков-Щедрин с помощью иносказания и намёков, то есть эзопова языка, вскрывал далеко не сказочные, горькие истины, просвещая и воспитывая читателя.

1. Что такое эзопов язык?
2. Назовите приемы эзопова языка.
3. Приведите примеры использования эзоповой речи.

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

(1828–1910)

Толстой действительно огромный художник, как иерождаются веками, и творчество его кристально чисто, светло и прекрасно.

В. Короленко

Лев Толстой прожил долгую жизнь; он скончался на восемьдесят третьем году.

Многое испытал Толстой в своей жизни. Он был и студентом Казанского университета, и военным, причем подвергался смертельной опасности на Кавказе и в Севастополе, и писателем-художником, и путешественником, и сельским хозяином, и педагогом, и семьянином, и общественным деятелем, и философом, и проповедником, и обличителем неправды существующего насильнического строя.

Чуткость к поэзии начала проявляться у Толстого с раннего детства. Не было ему еще восьми лет, когда однажды отец застал его за декламированием стихов Пушкина «Наполеон» и «К морю». Отца поразили тот пафос¹, с каким маленький Лев произносил эти стихи, и он заставил его продекламировать их еще раз.

Писать Лев Толстой начал в двадцать два года. В 1851 году, живя в Москве, он написал первую повесть «Детство», повинаясь исключительно пробудившейся в нем потребности художественного творчества. Когда же в следующем году повесть, после троекратной авторской переделки, была напечатана в журнале знаменитого поэта Некрасова «Современник» и вызвала самые лестные отзывы критики, Толстой почувствовал, что настоящее призвание его — литература.

В возрасте тридцати четырех лет Толстой женился на дочери московского врача Софье Андреевне Берс и почти безвыездно поселился в своем имении Ясная Поляна. Его занятия — литературный труд, сельское хозяйство и воспитание детей.

В занятиях сельским хозяйством Толстого привлекала также поэтическая сторона — общение с природой. Он любил разводить домашних животных... наблюдать созревание хлебных растений, любил насаждать сады и леса. Всего Толстой насадил в своем имении сто восемьдесят гектаров леса.

Толстой любил сам принимать участие в крестьянском труде...

Он смолodu любил физические упражнения и занимался гимнастикой до последнего года своей жизни. Шестидесяти лет от роду Толстой

выучился кататься на велосипеде. Есть фотография, где Лев Николаевич снят на коньках в саду московского дома Толстых, причем снимок этот был сделан в 1898 году, когда Толстому было уже семьдесят лет. Толстой был неутомимый ходок в далеких и продолжительных прогулках, превосходно ездил верхом, отлично плавал и любил купаться.

Когда Толстому было уже около пятидесяти лет, произошёл резкий перелом в его миросозерцании¹... Его мучили основные проблемы бытия: о смысле жизни, о смерти, добре и зле. Кроме того, у него появилось сознание нравственной незаконности своего положения помещика среди нищеты окружающих его бедняков крестьян... На свой талант он смотрит не как на средство достижения личных целей, а как на орудие, данное ему свыше для служения человечеству. Теперь Толстой в своих многочисленных статьях и художественных произведениях борется с существующим злом и неправдой, обличает насилие и деспотизм, угнетение трудового народа... протестует против готовящихся и совершающихся войн, называя войну «самым ужасным злодеянием, какое только может совершить человек»... Вместе с тем Толстой призывал каждого человека к нравственному обновлению, к борьбе со своими недостатками, к сознанию своей нравственной ответственности за все свои поступки...

...Известно, что Толстой умер не в Ясной Поляне. За десять дней до кончины он навсегда покинул свой дом, чтобы остаток своей жизни провести где-нибудь в глуши, в простой крестьянской избе...

В таком возрасте, когда люди обычно ищут одного только покоя, вырваться из привычных условий обеспеченного существования и попытаться начать новую жизнь в совершенно новых, неизведанных условиях — это ли не доказательство громадной силы воли у этого уже физически ослабевшего старца?

Лев Толстой был велик не только как гениальный творец, но и как человек, как личность.

Н. Гусев². «Лев Толстой — человек»

На всю жизнь сохранил Толстой любовь к детям. В 1900-е годы он опять занимался с крестьянскими ребятишками, как в молодости. Обращение к своим ученикам Толстой записал на фонограф³: «Спасибо, ребята, что ходите ко мне. Я рад, когда вы хорошо учитесь... А вы вспомните, когда меня уж не будет, что старик говорил вам добро...»

Н. Азарова. «Жизнь и творчество Л. Н. Толстого»

- ?** 1. Какое впечатление произвел на вас рассказ Н. Н. Гусева о Льве Толстом? В чем вы видите величие личности Л. Толстого?
2. На протяжении всей жизни нас сопровождают книги Льва Толстого. В самом раннем детстве мы знакомимся с его «Рассказами для маленьких», затем с «Кавказским пленником», с повестями «Детство», «Отрочество», «Юность» и др. Какие из названных произведений вы читали? Расскажите о них.

¹ *Миросозерцание* — совокупность взглядов на мир, на действительность; мировоззрение.

² *Н. Н. Гусев* (1882—1967) — литературовед, в 1907—1909 гг. личный секретарь Л. Н. Толстого.

³ *Фонограф* — аппарат, которым записывали и воспроизводили звук

Из истории создания рассказа «После бала»

Замысел рассказа впервые упомянут в «Дневнике» Толстого 9 июня 1903 года: «Рассказ о бале и сквозь строй». Через несколько дней — запись более подробная: «...Веселый бал в Казани, влюблен в Корейшу, красавицу, дочь воинского начальника — поляка, танцую с нею; ее красавец старик-отец ласково берет ее и идет мазурку. И наутро, после влюбленной бессонной ночи, звуки барабана, и сквозь строй гонят татарина, и воинский начальник велит больше бить...». Об этом случае Толстой рассказал его брат Сергей Николаевич. Толстой воспользовался им для написания своего рассказа «После бала».

В статье «Николай Палкин» (1886) Толстой, описывая сцену экзекуции¹, вспоминал: «...я знал одного такого, который накануне с красавицей дочерью танцевал мазурку на бале и уезжал раньше, чтобы на завтра рано утром распорядиться прогонянием на смерть сквозь строй бежавшего солдата-татарина, засекал этого солдата до смерти и возвращался обедать в семью».

ПОСЛЕ БАЛА

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменялась от одной ночи, или скорее утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблен. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у нее уже дочери замужем. Это была Б... да, Варенька Б... — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцать лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необык-

новенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с ее красотой и высоким ростом, несмотря на ее худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от нее, если бы не ласковая, всегда веселая улыбка и рта, и прелестных блестящих глаз, и всего ее милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это, или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень веселый и бойкий малый, да еще и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался с гор с барышнями (коньки еще не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш еще дагерротипный¹ портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера². Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном пюсовом³ платье, в брильянтовой фероньерке⁴ на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны⁵. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами⁶, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разлитое море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду, танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил ее, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на нее, а видел только высокую, стройную фигуру в белом

¹ *Дагерротипный* — старинная фотография, выполненная на металлической пластинке.

² *Камергёр* — почетное придворное звание.

³ *Пюсовый* (устар.) — темно-коричневый.

⁴ *Фероньерка* — женское украшение с драгоценными камнями, надеваемое на лоб.

⁵ *Елизавета Петровна* (1709—1761) — русская царица.

⁶ *Хоры* — открытая галерея, балкон в верхней части зала.

платье с розовым поясом, ее сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на нее и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти все время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества¹, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «Епсоте»².

И я вальсировал еще и еще и не чувствовал своего тела.

— Ну, как же не чувствовали, я думаю, очень чувствовали, когда обнимали ее за талию, не только свое, но и ее тело, — сказал один из гостей.

Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

— Да, вот это вы, нынешняя молодежь. Вы, кроме тела, ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблен, тем бесстелеснее становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и еще что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены, для меня же, как говорил Alphonse Karr, — хороший был писатель, — на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то что раздевали, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя. Ну, да вы не поймете...

— Не слушайте его. Дальше что? — сказал один из нас.

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостинных поднялись уже от карточных столов папаши и мамыши, ожидая ужина, лакеи чаще забежали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я еще раз выбрал ее, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадрили моя? — сказал я ей, отводя ее к ее месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешевенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала перышко от веера и дала мне.

Я взял перышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал перышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от нее.

¹ *Качество* — двое молодых людей задумывали названия предметов или разные качества характера (гордость, нежность и т.д.), каждый свое. Девушка должна была отгадать задуманное. Тот, качество которого было угадано, становился в пару. Так же избирали себе дам кавалеры.

² Еще (франц.).

— Смотрите, папа просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру ее отца, полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, *ma chère*¹, отца пройти с вами. Ну, пожалуйста, Петр Владиславич, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми *a la Nicolas*² подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачесанными вперед височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но все-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупей³, отдал ее услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг зала. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек.

Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками⁴, — хорошие опойковые⁵ сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблучков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четвероугольные носки сапог

И. И. Пчелко. Иллюстрация к рассказу. 1970 г.

¹ Моя милая (франц.)

² Как у Николая I.

³ *Портупе́я* — ременная перевязь, перекинутая через плечо, для ношения холодного оружия.

⁴ *Штри́пка* — тесьма, пришитая к концу брюк и охватывающая ступню под башмаком.

⁵ *Опойко́вые сапо́ги* — сапоги из опойка — тонкой кожи, выделанной из шкуры молодых телят.

особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделявать. Но он все-таки ловко прошел два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел ее ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я ее кавалер.

— Ну, все равно, пройдитеесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в португую.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое ее выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с ее елисаветинским бюстом, и ее мужа, и ее гостей, и ее лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же ее, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на нее, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и ее увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни ее, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. У меня в руке было перышко от ее веера и целая ее перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садилась в карету и я подсаживал ее мать и потом ее. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел ее перед собой то в ту минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает мое качество, и слышу ее милый голос, когда она говорит: «Гордость? да?» — и радостно подает мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу ее в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и ее в одном нежном, умиленном чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену¹ и вел самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со

¹ Кандидатский экзамен — здесь: экзамен на степень кандидата, присуждавшуюся выпускникам университета.

свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девичий институт¹. Я прошел наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые² с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающиеся под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, все было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, черное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошел по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много черных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мной, подошел ближе. Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая

¹ *Девичий институт* — институт благородных девиц, закрытое учебно-воспитательное учреждение для дочерей дворян.

² *Ломовые* — ломовые извозчики (перевозившие тяжести).

от него, шел твердой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был ее отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперед и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлепнул ею по спине татарина. Татарин дернулся вперед, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шел подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, все так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и все так же били барабаны и свистела флейта, и все так же твердым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутен¹! — крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличен в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лег. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять все и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошел к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

❧ Вопросы и задания ❧

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. Какой след в душе читателя оставляет этот рассказ?
2. Первоначально свой рассказ Толстой назвал «Отец и дочь». Об этом свидетельствует запись, сделанная в «Дневнике» писателя за 1903 год. Как вы думаете, почему в окончательном варианте рассказ получил новое название — «После бала»? Какому из описанных событий автор тем самым отводит главное место в рассказе?
3. Согласитесь, что даже при первом чтении рассказа невозможно не заметить резкого контраста между двумя его частями — сценой веселого дворянского бала и страшной по своей бесчеловечности сценой наказания солдата на плацу. Попробуем же глубже понять, в чем смысл этого противопоставления. Обратимся к сцене бала. Почему рассказчик так хорошо запомнил именно этот бал своей молодости, несмотря на то, что прошло более тридцати лет с тех пор?

● Углубимся в текст рассказа

4. Какое состояние испытывает Иван Васильевич на балу? Вчитайтесь внимательно в строки, которые передают его отношение к Вареньке, к ее отцу, ко всем присутствующим. Почему ему казалось, что он «обнимал в то время весь мир своей любовью»?
5. Как рисует автор Вареньку и ее отца? Что особенно подчеркивает он при описании их внешности и поведения на балу? Какую роль в портретных зарисовках отца и дочери играют эпитеты?
6. «В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки», — вспоминает Иван Васильевич утро после бала. Заметьте, как резко вдруг меняется здесь тон его повествования. Какую другую музыку, совсем не похожую на ту, что звучала в его душе, услышал Иван Васильевич? Какое «зрелище» увидел?

Сравните полковника на балу и во время избиения солдата-татарина. Отметьте контрастность в изображении его портрета и поведения, в его речи.

7. Чем потрясает читателя сцена наказания солдата в рассказе? Как противопоставлена она сцене бала? Сравните изображаемых в обеих сценах действующих лиц, общую атмосферу событий, тон повествования, образительно-выразительные средства языка.
8. Резко выраженное в художественном произведении противопоставление образов, понятий, явлений называется антитезой (от греч. *antithesis* — противоречие, противоположение). С какой целью использовал Толстой в своем рассказе «После бала» антитезу? Кого разоблачает писатель с помощью этого композиционного приема? Какую главную мысль утверждает?

Для самостоятельной работы

9. Подготовьте выразительное чтение эпизодов: 1) Варенька и ее отец, танцующие мазурку, 2) наказание солдата.
10. Определите роль художественных деталей, которые неоднократно используются в тексте (сапоги полковника, его перчатка, перышко от веера Вареньки).
11. Подготовьте устное изложение от третьего лица на тему: «Полковник на балу и на плацу».
12. Создайте устное сочинение на тему: «Смысл противопоставления сцены бала и сцены экзекуции в рассказе «После бала» Л. Толстого».

Для дискуссии

13. Примите участие в обсуждении проблемных вопросов:
 - Кто, по вашему мнению, виноват в том, что любовь Ивана Васильевича к Вареньке погибла, «сошла на нет»?
 - «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого».
 Почему Иван Васильевич в течение всей последующей жизни не смог узнать того, что было, как ему казалось, известно другим?

Для будущих филологов

Прочитайте самостоятельно рассказ Л. Толстого «Песни на деревне». Подготовьте ответ на вопрос: что сближает рассказы «После бала» и «Песни на деревне»?

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

...Со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл... Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов

жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей.

(Л. Толстой о себе (из «Исповеди»))

Индийский философ и политический деятель Махатма Ганди говорил о Толстом как о самом честном человеке своего времени, который никогда не пытался скрыть правду, приукрасить её, не страшась ни духовной, ни светской власти, подкрепляя свою проповедь делами и идя на любые жертвы ради истины.

В чем перекликаются высказывание Толстого о жизни и о себе с оценкой великого русского писателя Махатмой Ганди?

ПРОВЕРИМ СВОЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

1. Расскажите о лицейском периоде в жизни А. С. Пушкина.
2. Прочитайте наизусть стихотворение А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...
3. Расскажите об истории создания повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».
4. Кратко изложите содержание повести «Капитанская дочка».
5. Прочитайте наизусть один из отрывков повести «Капитанская дочка»: описание бурана или портрета Пугачёва из главы «Вожатый».
6. Дайте характеристику образа одного из героев повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (Пугачева или Гринёва).
7. Дайте сравнительную характеристику образов Гринёва и Швабрина.
8. Расскажите, как связаны в повести «Капитанская дочка» жизненная правда и художественный вымысел.
9. Расскажите о главных этапах в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова.
10. Какие мысли о роли поэта в обществе выразил Лермонтов в стихотворениях «Я жить хочу! Хочу печали...» и «Поэт»?
11. Как связана Украина — родина Н. В. Гоголя — с началом его литературной деятельности?
12. Изложите кратко содержание комедии «Ревизор» Н. В. Гоголя.
13. Дайте характеристику образа одного из действующих лиц комедии «Ревизор» (городничего или Хлестакова).
14. Дайте групповую характеристику образов чиновников из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».
15. Расскажите о роли ремарок в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».
16. Прокомментируйте одно из стихотворений в прозе И. С. Тургенева.
17. Расскажите о Л. Н. Толстом — писателе и человеке.
18. В чем сила сатиры в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина?
19. Раскройте роль антитезы в рассказе Л. Н. Толстого «После бала».
20. Дайте характеристику образа полковника из рассказа Л. Н. Толстого «После бала».
21. Расскажите о литературных родах.
22. Раскройте смысл понятия «лирический герой».
23. Расскажите об отличительных особенностях комедии.
24. Расскажите о приемах речи эзопова языка.

ПРОБЛЕМЫ, ВОЛНУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА МЫСЛЯЩЕГО В ЛИТЕРАТУРЕ XX СТОЛЕТИЯ

**Единственная слава, единственная истинная честь
для всякого большого художника заключается
в том, чтобы заветное им слово не утрачивалось
в своей глубине и ценности, а возрастало,
умноженное на понимание миллионов читателей.**

А. Платонов

1. Какие произведения русских писателей и писателей других стран XX века, которые вы изучали в предыдущих классах, вам особенно запомнились и почему? Расскажите о них.
2. К каким темам в своих произведениях обращались писатели XX века?
3. Назовите знакомые вам произведения, относящиеся к научно-фантастической литературе и литературе фэнтези? За что вам нравятся эти произведения?
4. Какие стихотворения И. Бунина и С. Есенина вы помните? Прочтите одно из них наизусть.

Литература XX столетия отразила важнейшие исторические свершения этой эпохи — мировые войны, национально-освободительные движения, научные достижения, острейшие нравственные, экологические и другие проблемы.

В лучших произведениях русских писателей XX века и писателей других стран запечатлены события, затронувшие судьбы миллионов людей во всем мире.

Оставаясь верными правде жизни, писатели XX века в разных уголках мира поднимали важные для своего времени проблемы совести, долга, подвига, любви к Родине, бережного отношения к природе.

В этом году вам будет интересно прочитать и обсудить замечательный рассказ Максима Горького «Старуха Изергиль», написанный им в ранний период творчества. В нем писатель повествует о своих скитаниях по Руси, знакомит читателя с интересными и необычными людьми, которые встречаются ему на пути. Изображая сильных, красивых и независимых людей, автор ставит вопрос о смысле жизни и ее истинной ценности. Ответ на него он вкладывает в уста главной героини — старухи Изергиль, которая рассказывает юноше две старинные легенды.

В XX веке писателями разных стран создано много замечательных произведений. Имена некоторых из них вам уже знакомы из предыдущих классов. Это Астрид Линдгрен, Джоан Роулинг, Джек Лондон, Рэй Дуглас Брэдбери, Роберт Шекли, Айзек Азимов и др.

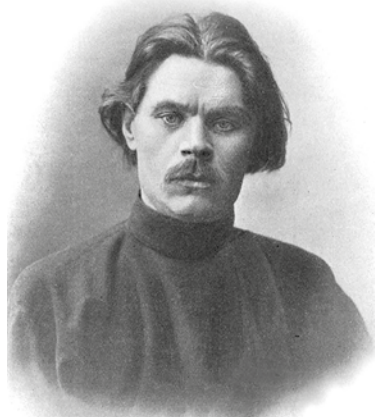
К сердцу каждого человека — ребёнка, подростка, взрослого — обращена сказочная повесть французского писателя XX века Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Эта сказка — приглашение к размышлению об окружающем мире и о настоящей мудрости. Читая ее, вы узнаете о подлинных ценностях жизни и о том, как сделать людей по-настоящему счастливыми.

В XX веке широкую известность среди читателей приобрели научно-фантастические произведения братьев Аркадия и Бориса Стругацких. Одно из них — повесть «Трудно быть Богом» — вы будете изучать в этом году. Богатое воображение авторов создает в ней фантастический мир прошлого и будущего. Главный герой повести — посланник с нашей планеты Земля, сотрудник Института экспериментальной истории, — оказывается на другой планете и в другое время, в Средневековье. Он становится свидетелем жесточайших конфликтов и бесчеловечного поведения правителей этой планеты, однако по условиям своего задания не имеет права вмешиваться в них. Но можно ли оставаться равнодушным, видя чужие страдания? Можно ли быть Богом, если ты всего лишь человек? Над этими вопросами вы и будете размышлять, читая и обсуждая повесть братьев Стругацких.

- ?
1. Есть ли у вас любимый современный писатель, произведения которого вы читаете с большим интересом? Какие его книги вы читали?
 2. Страстный книголюб, известный русский писатель XX века Василий Шукшин однажды сказал: «Попробуйте мысленно окинуть нынешнее книжное море — тревожно за молодых пловцов. Ах, как нужна помощь старшего, умного! Книжки выстраивают целые судьбы... или не выстраивают». Кто помогает вам в выборе книг для чтения?
 3. Какие произведения, относящиеся к научно-фантастической литературе, вы прочитали самостоятельно? Расскажите о них.
 4. Если вы читали книги А. Беляева «Человек-амфибия», братьев Стругацких «Трудно быть Богом» или видели фильмы, поставленные по этим произведениям, то расскажите о своих впечатлениях в классе.
 5. Примите участие в подготовке проекта «Повесть братьев Стругацких «Трудно быть Богом» в киноверсии режиссера Петера Фляйшмана».

Максим ГОРЬКИЙ (Алексей Максимович Пешков)

(1868—1936)

**Горький был нашей совестью, честностью,
нашим мужеством и любовью.**

К. Паустовский

«Надо, чтобы люди были счастливы. Причинить человеку боль, серьезную неприятность или даже настоящее горе — дело нехитрое, а вот дать ему счастье гораздо труднее». Эти слова принадлежат великому русскому писателю Максиму Горькому (настоящее имя — Алексей Максимович Пешков). Он сумел пройти в жизни через самые мучительные испытания и сохранить веру в торжество правды, в человека. О самом себе Горький рассказывал: «Родился в 1868 году в... Нижнем, в семье красильщика Василия Васильевича Каширина, от дочери его Варвары и пермского мещанина Максима Савватиева Пешкова, по ремеслу драпировщика, или обойщика... Отец умер в Астрахани, когда мне было пять лет; мать — в Кунавине — слободе. По смерти матери дедушка отдал меня в магазин обуви; в ту пору имел я девять лет от роду и был дедом обучен грамоте по Псалтыри¹ и Часослову. Из «мальчиков» сбежал и поступил в иконописную мастерскую, потом на пароход в повара, потом в помощника садовника. В сих занятиях прожил до пятнадцати лет, все время занимаясь усердно чтением...

На пароходе, когда был поваренком, на образование мое сильно влиял повар Смурый... он возбудил во мне интерес к чтению книг...

После 15 лет возымел я свирепое желание учиться, с какою целью поехал в Казань, предполагая, что науки желающим даром преподаются. Оказалось, что оное не принято, вследствие чего я поступил в крендельное заведение, по три рубли в месяц. В Казани близко сошелся и долго жил с «бывшими людьми»²... Работал на Устье, пилил дрова, таскал грузы и, прибавим, почитывал всевозможные книжки»

Воспоминания Горького о самом себе говорят, насколько он хорошо знал жизнь простого народа — грузчиков, ремесленников, крестьян, ба-

¹ *Псалтырь, Часослов* — церковные книги, содержащие тексты богослужений, молитв и песнопений

² *Бывшие люди* — бродяги, нищие, воры.

траков, железнодорожников, рабочих, безработных, бродивших по дорогам Российской империи в поисках заработка. Однажды в жандармском управлении Горького спросили, почему он ходит с места на место. «Я хочу знать Россию!» — ответил он. Осенью 1891 года Алексей Пешков пришел в Тифлис¹. Ему было тогда двадцать три года. Позади осталось детство в нижегородском доме деда Каширина, мытарства «в людях» и тысячеверстные странствия. К ним толкала юношу неумная тревога ума и сердца, стремление знать Россию, разгадать тайну огромной, обездоленной страны, понять причину страданий народа.

В сентябре 1892 года в тифлисской газете «Кавказ» вышла первая публикация Горького — рассказ «Макар Чудра». Позднее он писал народовольцу (члену партии «Народная воля») А. М. Калюжному: «Вы первый взглянули на меня не только как на парня странной биографии, бесцельного бродягу, как на что-то забавное... Вы первый заставили меня взглянуть на себя серьезно». В 1884 году Горький публикует рассказ «Старуха Изергиль». В нем повествование много повидавшей на своем веку Изергиль делится на три как бы самостоятельные части (легенда о Ларре, рассказ Изергиль о своей жизни, легенда о Данко). Изергиль рассказывает, что на своем жизненном пути она встречала мужественных и свободолюбивых людей. И потому не только рассказанные ею легенды, но и собственные наблюдения привели ее к собственному убеждению: «Когда человек любит подвиги, он всегда умеет их сделать и найдет, где это можно. В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам».

В 1913 году Горький пишет первую часть автобиографии — «Детство». В 1916 году появляется вторая часть — «В людях», в 1922 году выходит третья — «Мои университеты».

В «Детстве», — писал Горький, — я представляю сам себя ульем, куда разные простые, серые люди сносили, как пчелы, мед своих знаний и дум о жизни, щедро обогащая душу мою кто чем мог. Часто мед этот был грязен и горек, но всякое знание — все-таки мед».

- ? 1. Чем необыкновенна жизнь русского писателя Максима Горького?
2. Какое значение имели книги и чтение в жизни Горького как человека и будущего писателя?

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ

(Отрывки)

I

Однажды вечером, кончив дневной сбор винограда, партия молдаван, с которой я работал, ушла на берег моря, а я и старуха Изергиль остались под густой тенью виноградных лоз и, лежа на земле, молчали, глядя, как тают в голубой мгле ночи силуэты тех людей, что пошли к морю.

Они шли, пели и смеялись; мужчины — бронзовые, с пышными, черными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких куртках и

широких шароварах; женщины и девушки — веселые, гибкие, с темносиними глазами, тоже бронзовые. Их волосы, шелковые и черные, были распущены, ветер, теплый и легкий, играя ими, звякал монетами, вплетенными в них. Ветер тёк широкой, ровной волной, но иногда он точно прыгал через что-то невидимое и, рождая сильный порыв, развевал волосы женщин в фантастические гривы, вздымавшиеся вокруг их голов. Это делало женщин странными и сказочными. Они уходили всё дальше от нас, а ночь и фантазия одевали их всё прекраснее.

Кто-то играл на скрипке... девушка пела мягким контральто, слышался смех...

Воздух был пропитан острым запахом моря и жирными испарениями земли, незадолго до вечера обильно смоченной дождем. Еще и теперь по небу бродили обрывки туч, пышные, странных очертаний и красок, тут — мягкие, как клубы дыма, сизые и пепельно-голубые, там — резкие, как обломки скал, матово-чёрные или коричневые. Между ними ласково блестели тёмно-голубые клочки неба, украшенные золотыми крапинками звёзд. Все это — звуки и запахи, тучи и люди — было странно красиво и грустно, казалось началом чудной сказки. И все как бы остановилось в своем росте, умирало; шум голосов гас, удаляясь, перерождался в печальные вздохи.

— Что ты не пошел с ними? — кивнув головой, спросила старуха Изергиль.

Время согнуло её пополам, чёрные когда-то глаза были тусклы и слезились. Ее сухой голос звучал странно, он хрустел, точно старуха говорила костями.

— Не хочу, — ответил я ей.

— У!.. стариками родитесь вы, русские. Мрачные все, как демоны... Боятся тебя наши девушки... А ведь ты молодой и сильный...

Луна взошла. Её диск был велик, кроваво-красен, она казалась вышедшей из недр этой степи, которая на своём веку так много поглотила человеческого мяса и выпила крови, отчего, наверное, стала такой жирной и щедрой. На нас упали кружевные тени от листвы, я и старуха покрылись ими, как сетью. По степи, влево от нас, поплыли тени облаков, пропитанные голубым сиянием луны, они стали прозрачней и светлей.

— Смотри, вон идет Ларра!

Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами, и видел: там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестёр, — она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они.

— Никого нет там! — сказал я.

— Ты слеп больше меня, старухи. Смотри — вон, темный, бежит степью!

Я посмотрел ещё и снова не видел ничего, кроме тени.

— Это тень! Почему ты зовёшь её Ларра?

— Потому что это — он. Он уже стал теперь как тень, — пора. Он живет тысячи лет, солнце высушило его тело, кровь и кости, и ветер распылил их. Вот что может сделать бог с человеком за гордость!..

— Расскажи мне, как это было! — попросил я старуху, чувствуя впереди одну из славных сказок, сложенных в степях.

И она рассказала мне эту сказку.

Легенда о Ларре

«Многие тысячи лет прошли с той поры, когда случилось это. Далеко за морем, на восход солнца, есть страна большой реки, в той стране каждый древесный лист и стебель травы дает столько тени, сколько нужно человеку, чтоб укрыться в ней от солнца, жестоко жаркого там.

Вот такая щедрая земля в той стране!

Там жило могучее племя людей, они пасли стада и на охоту за зверями тратили свою силу и мужество, пировали после охоты, пели песни и играли с девушками.

Однажды, во время пира, одну из них, черноволосую и нежную, как ночь, унес орел, спустившись с неба. Стрелы, пущенные в него мужчинами, упали, жалкие, обратно на землю. Тогда пошли искать девушку, но — не нашли ее. И забыли о ней, как забывают обо всем на земле».

Старуха вздохнула и замолчала. Ее скрипучий голос звучал так, как будто это роптали все забытые века, воплотившись в ее груди тенями воспоминаний. Море тихо вторило началу одной из древних легенд, которые, может быть, создались на его берегах.

«Но через двадцать лет она сама пришла, измученная, иссохшая, а с нею был юноша, красивый и сильный, как сама она двадцать лет назад. И, когда ее спросили, где была она, она рассказала, что орел унес ее в

горы и жил с нею там, как с женой. Вот его сын, а отца нет уже, когда он стал слабеть, то поднялся в последний раз высоко в небо и, сложив крылья, тяжело упал оттуда на острые уступы горы, насмерть разбился о них...

Все смотрели с удивлением на сына орла и видели, что он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц. И разговаривали с ним, а он отвечал, если хотел, или молчал, а когда пришли старейшие племени, он говорил с ними, как равными себе. Это оскорбило их, и они, назвав его неоперенной стрелой с неотточенным наконечником, сказали ему, что их чтут, им повинуются тысячи таких, как он, и тысячи вдвое старше его. А он, смело глядя на них, отвечал, что

К. Безбородов. «Гордец Ларра». 1979 г.

таких, как он, нет больше; и если все чтут их — он не хочет делать этого. О!.. тогда уж совсем рассердились они. Рассердились и сказали:

— Ему нет места среди нас! Пусть идет куда хочет.

Он засмеялся и пошел, куда захотелось ему, — к одной красивой девушке, которая пристально смотрела на него; пошел к ней и, подойдя, обнял ее. А она была дочь одного из старшин, осудивших его. И, хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его, да и пошла прочь, а он ударил ее и, когда она упала, встал ногой на ее грудь, так, что из ее уст кровь брызнула к небу, девушка, вздохнув, извилась змеей и умерла.

Всех, кто видел это, оковал страх, — впервые при них так убивали женщину. И долго все молчали, глядя на нее, лежавшую с открытыми глазами и окровавленным ртом, и на него, который стоял один против всех, рядом с ней, и был горд, — не опустил своей головы, как бы вызывая на нее кару. Потом, когда одумались, то схватили его, связали и так оставили, находя, что убить сейчас же — слишком просто и не удовлетворяет их».

Ночь росла и крепла, наполняясь странными, тихими звуками. В степи печально посвистывали суслики, в листве винограда дрожал стеклянный стрекот кузнечиков, листва вздыхала и шепталась, полный диск луны, раньше кроваво-красный, бледнел, удаляясь от земли, бледнел и все обильнее лил на степь голубоватую мглу...

«И вот они собрались, чтобы придумать казнь, достойную преступления... Хотели разорвать его лошадьми — и это казалось мало им; думали пустить в него всем по стреле, но отвергли и это; предлагали сжечь его, но дым костра не позволил бы видеть его мучений; предлагали много — и не находили ничего настолько хорошего, чтобы понравилось всем. А его мать стояла перед ними на коленях и молчала, не находя ни слез, ни слов, чтобы умолять о пощаде. Долго говорили они, и вот один мудрец сказал, подумав долго:

— Спросим его, почему он сделал это?

Спросили его об этом. Он сказал:

— Развяжите меня! Я не буду говорить связанный!

А когда развязали его, он спросил:

— Что вам нужно? — спросил так, точно они были рабы...

— Ты слышал... — сказал мудрец.

— Зачем я буду объяснять вам мои поступки?

— Чтоб быть понятым нами. Ты, гордый, слушай! Все равно ты умрешь ведь... Дай же нам понять то, что ты сделал. Мы остаемся жить, и нам полезно знать больше, чем мы знаем...

— Хорошо, я скажу, хотя я, может быть, сам неверно понимаю то, что случилось. Я убил ее потому, мне кажется, — что меня оттолкнула она... А мне было нужно ее.

— Но она не твоя! — сказали ему.

— Разве вы пользуетесь только своим? Я вижу, что каждый человек имеет только речь, руки и ноги... а владеет он животными, женщинами, землей... и многим еще...

Ему сказали на это, что за все, что человек берет, он платит собой: своим умом и силой, иногда — жизнью. А он отвечал, что он хочет сохранить себя целым.

Долго говорили с ним и наконец увидели, что он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего. Всем даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество он обрекал себя. У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел ничего этого.

Когда люди увидали это, они снова принялись судить о том, как наказать его. Но теперь недолго они говорили, — тот, мудрый, не мешавший им судить, заговорил сам:

— Стойте! Наказание есть. Это страшное наказание; вы не выдумаете такого в тысячу лет! Наказание ему — в нем самом! Пустите его, пусть он будет свободен. Вот его наказание!

И тут произошло великое. Грянул гром с небес, — хотя на них не было туч. Это силы небесные подтверждали речь мудрого. Все поклонились и разошлись. А этот юноша, который теперь получил имя Ларра, что значит: отверженный, выкинутый вон, — юноша громко смеялся вслед людям, которые бросили его, смеялся, оставаясь один, свободный, как отец его. Но отец его — не был человеком... А этот — был человек. И вот он стал жить, вольный, как птица. Он приходил в племя и похищал скот, девушек — все, что хотел. В него стреляли, но стрелы не могли пронзить его тела, закрытого невидимым покровом высшей кары. Он был ловок, хищен, силен, жесток и не встречался с людьми лицом к лицу. Только издали видели его. И долго он, одинокий, так вился около людей, долго — не один десяток годов. Но вот однажды он подошел близко к людям и, когда они бросились на него, не тронулся с места и ничем не показал, что будет защищаться. Тогда один из людей догадался и крикнул громко:

— Не троньте его! Он хочет умереть!

И все остановились, не желая облегчить участь того, кто делал им зло, не желая убивать его. Остановились и смеялись над ним. А он дрожал, слыша этот смех, и все искал чего-то на своей груди, хватаясь за нее руками. И вдруг он бросился на людей, подняв камень. Но они, уклоняясь от его ударов, не нанесли ему ни одного, и когда он, утомленный, с тоскливым криком упал на землю, то отошли в сторону и наблюдали за ним. Вот он встал и, подняв потерянный кем-то в борьбе с ним нож, ударил им себя в грудь. Но сломался нож — точно в камень ударили им. И снова он упал на землю и долго бился головой об нее. Но земля отстранялась от него, углубляясь от ударов его головы.

— Он не может умереть! — с радостью сказали люди.

И ушли, оставив его. Он лежал кверху лицом и видел — высоко в небе черными точками плавали могучие орлы. В его глазах было столько тоски, что можно было бы отравить ею всех людей мира. Так, с той поры остался он один, свободный, ожидая смерти. И вот он ходит, ходит повсюду... Видишь, он стал уже как тень и таким будет вечно! Он не понимает ни речи людей, ни их поступков — ничего. И все ищет, ходит, ходит... Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей... Вот как был поражен человек за гордость!»

II

Слышал ли ты, чтоб где-нибудь еще так пели? — спросила Изергиль, поднимая голову и улыбаясь беззубым ртом.

— Не слыхал. Никогда не слыхал...

— И не услышишь. Мы любим петь. Только красавцы могут хорошо петь, — красавцы, которые любят жить. Мы любим жить. Смотри-ка, разве не устали за день те, которые поют там? С восхода по закат работали, взошла луна, и уже — поют! Те, которые не умеют жить, легли бы спать. Те, которым жизнь мила, вот — поют...

... Я посмотрел ей в лицо. Её чёрные глаза были всё-таки тусклы, их не оживило воспоминание. Луна освещала её сухие, потрескавшиеся губы, заостренный подбородок с седыми волосами на нём и сморщенный нос, загнутый, словно клюв совы. На месте щёк были чёрные ямы, и в одной из них лежала прядь пепельно-седых волос, выбившихся из-под красной тряпки, которою была обмотана её голова. Кожа на лице, шее и руках вся изрезана морщинами, и при каждом движении старой Изергиль можно было ждать, что сухая эта кожа разорвётся вся, развалится кусками и предо мной встанет голый скелет с тусклыми чёрными глазами...

С моря поднималась туча — чёрная, тяжёлая, суровых очертаний, похожая на горный хребет. Она ползла в степь. С её вершины срывались клочья облаков, неслись вперед неё и гасили звёзды одну за другой. Море шумело. Недалеко от нас, в лозах винограда, целовались, шептали и вздыхали. Глубоко в степи выла собака... Воздух раздражал нервы странным запахом, щекотавшим ноздри. От облаков падали на землю густые стаи теней и ползли по ней, ползли, исчезали, являлись снова... На месте луны осталось только мутное опаловое пятно, иногда его совсем закрывал сизый клочок облака. И в степной дали, теперь уже чёрной и страшной, как бы притаившейся, скрывшей в себе что-то, вспыхивали маленькие голубые огоньки. То там, то тут они на миг являлись и гасли, точно несколько людей, рассыпавшихся по степи далеко друг от друга, искали в ней что-то, зажигая спички, которые ветер тотчас же гасил. Это были очень странные голубые языки огня, намекавшие на что-то сказочное.

— Видишь ты искры? — спросила меня Изергиль.

— Вон те, голубые? — указывая ей на степь, сказал я.

— Голубые? Да, это они... Значит, летают все-таки! Ну-ну... Я уж вот не вижу их больше. Не могу я теперь многого видеть.

— Откуда эти искры? — спросил я старуху.

Я слышал кое-что раньше о происхождении этих искр, но мне хотелось послушать, как расскажет о том же старая Изергиль.

— Эти искры от горящего сердца Данко. Было на свете сердце, которое однажды вспыхнуло огнём... И вот от него эти искры. Я расскажу тебе про это... Тоже старая сказка... Старое, все старое! Видишь ты, сколько в старине всего?.. А теперь вот нет ничего такого — ни дел, ни людей, ни сказок таких, как в старину... Почему?.. Ну-ка, скажи! Не скажешь...

Что ты знаешь? Что все вы знаете, молодые? Эхе-хе!.. Смотрели бы в старину зорко — там все отгадки найдутся... А вот вы не смотрите и не умеете жить оттого... Я не вижу разве жизнь? Ох, все вижу, хоть и плохи мои глаза! И вижу я, что не живут люди, а всё примеряются, примеряются и кладут на это всю жизнь. И когда обворуют сами себя, истратив время, то начнут плакаться на судьбу. Что же тут — судьба? Каждый сам себе судьба! Всяких людей я нынче вижу, а вот сильных нет! Где ж они?.. И красавцев становится все меньше.

Старуха задумалась о том, куда девались из жизни сильные и красивые люди, и, думая, осматривала тёмную степь, как бы ища в ней ответа.

Я ждал её рассказа и молчал, боясь, что, если спрошу её о чем-либо, она опять отвлечётся в сторону.

И вот она начала рассказ.

Легенда о Данко

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трех сторон таборы этих людей, а с четвертой — была степь. Были это веселые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжелая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жены и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперед, там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днем в сером сумраке и еще плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днем и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А еще страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были все-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали. Но ничто — ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и

тихие, а потом все громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос ее, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди...

«Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Не своротить камня с пути дуемою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станет. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — все на свете имеет конец! Идемте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

— Веди ты нас! — сказали они.

Тогда он повел...»

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где все густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг.

«Повел их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Все гуще становился лес, все меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повел их куда-то. А он шел впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нем собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнем и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещенные холодным огнем молний, казались живыми, простирающи-

К. Безбородов.

«Данко с сердцем-факелом». 1979 г.

ми вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаюсь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шел впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

— Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас! Ты повел нас и утомил, и за это ты погибнешь!

— Вы сказали: «Веди!» — и я повел! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повел вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их еще более.

— Ты умрешь! Ты умрешь! — ревели они.

А лес все гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнем желания спасти их, вывести на легкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого еще ярче загорелось в нем сердце, ибо эта их дума родила в нем тоску.

А лес все пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни.

— Идем! — крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивленно качая вершинами, но его шум был заглушен топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. А Данко все был впереди, и сердце его все пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что была горячей струей из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперед себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видели, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...

— Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжег для людей свое сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на нее и думал: «Сколько еще сказок и воспоминаний осталось в ее памяти?» И думал о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд.

Дунул ветер и обнажил из-под лохмотьев сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей все крепче. Я прикрыл ее старое тело и сам лег на землю около нее. В степи было тихо и темно. По небу все ползли тучи, медленно, скучно... Море шумело глухо и печально.

Вопросы и задания

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. Две легенды рассказала Изергиль о юношах, которые стремились быть свободными. Какое отношение к себе они вызывают у вас?
2. Как можно понять поступок Ларры, убившего девушку?
3. Что особенно потрясает вас в поведении Ларры?
4. Как вы воспринимаете и оцениваете поступок Данко?

● Углубимся в текст рассказа

5. Каков внешний облик Ларры? Какие детали портрета выдают его внутреннюю сущность?
6. Обсуждая способ наказания для Ларры, один мудрец обратился к нему со словами: «...за все, что человек берет, он платит собой: своим умом и силой, иногда — жизнью».

Как характеризует Ларру его ответ? В чем заключен источник его презрения к людям?

7. «Наказание ему — в нем самом!» — сказал старейший из племени. Насколько, по-вашему, мудрым было это решение?
8. Как противопоставлено в легендах понимание свободы Ларрой и Данко?

9. «Что сделаю я для людей! — сильнее грома крикнул Данко». Этот возглас был его ответом на угрозу людей, которые, утратив надежду на спасение, хотели убить его. Откуда Данко черпает силы, совершая свой подвиг?
10. В чем заслуга автора, создавшего рассказ «Старуха Изергиль»?
- ✱
11. Какова роль изобразительно-выразительных средств языка в передаче им атмосферы событий и образов легенд?
12. Какие мысли и чувства остаются у вас после знакомства с легендами о Ларре и Данко?

Для самостоятельной работы

13. Подготовьте выразительное чтение отрывка из легенды о Данко.
14. Прочитайте рассказ «Старуха Изергиль» полностью и ответьте на вопрос в развернутой форме: как связаны события жизни Изергиль с рассказанными ею легендами?
15. «В жизни всегда есть место подвигам!» Эти слова, ставшие афоризмом, произносит Изергиль. Объясните, почему свой рассказ Горький назвал ее именем?
16. Напишите сочинение на свободную тему: в жизни всегда есть место подвигам.

Для дискуссии

Заканчивая легенду о подвиге Данко, Изергиль говорит, что «один осторожный человек», заметив еще пылающее сердце Данко, наступил на него ногой. Как вы думаете, почему он это сделал?

Для будущих филологов

Подготовьте выступление на тему: как в рассказе Максима Горького «Макар Чудра» решается проблема столкновения любви и гордости?

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

Весной 1898 года в Петербурге вышли два небольших томика пока еще никому не известного Максима Горького под названием «Очерки и рассказы». Двадцать произведений, составивших эти томики, вызвали сенсацию. Их читали и перечитывали, о них писали в газетах и журналах виднейшие критики, восхищаясь как богатством содержания, так и художественными достоинствами. Горький стал всероссийской знаменитостью.

Что предшествовало и способствовало такому большому успеху у читателей первых томиков Максима Горького?

Антуан де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

(1900—1944)

**Когда мы омыслим свою роль на земле,
пусть самую скромную и незаметную,
тогда лишь мы будем счастливы...**

А. де Сент-Экзюпери

«Быть человеком — это чувствовать свою ответственность. Чувствовать стыд перед нищетой, которая, казалось бы, и не зависит от тебя. Гордиться каждой победой, одержанной товарищами. Сознать, что, кладя свой кирпич, и ты помогаешь строить мир». Эти слова, сказанные французским писателем и летчиком Антуаном де Сент-Экзюпери, во многом характеризуют жизнь и деятельность его самого.

Он родился во Франции в Лионе, в старинной аристократической семье. Правда, его отец, обладая графским титулом, зарабатывал на жизнь, исполняя обязанности страхового инспектора. А после его смерти семья осталась без средств к существованию, и лишь финансовая поддержка бабушек помогла матери Антуана вырастить пятерых детей и дать им образование.

Мать стремилась поддержать интерес сына к литературе, изобразительному искусству, музыке. Мир его детских увлечений был чрезвычайно разнообразен: он писал стихи, рисовал, играл на скрипке, интересовался техникой. В 1909 году Антуан становится учеником колледжа в городе Ле-Ман.

Первой читательской привязанностью Антуана в детстве были сказки Х.К.Андерсена. За ними последовало увлечение фантастическими романами Ж. Верна, которые, по признанию самого писателя, ослепили его «блеском великолепия и тайны».

В отроческие годы Сент-Экзюпери зачитывается книгами великого француза Оноре де Бальзака и великого русского Федора Достоевского. «Первыми, — вспоминал Сент-Экзюпери, — привлекли меня романы Бальзака, особенно «Отец Горио». В пятнадцать лет я напал на Достоевского, и это было для меня истинным откровением: я сразу почувствовал, что прикоснулся к чему-то огромному, и бросился читать все, что он написал, книгу за книгой, как до того читал Бальзака».

В Париже Сент-Экзюпери завершает среднее образование и задумывается о будущем. Он избирает архитектурное отделение Парижской академии искусств, но вскоре разочаровался в правильности выбора и добровольно записался на военную службу, в истребительный авиационный полк. Работает в авиаремонтных мастерских, затем учится пилотировать гражданские и военные самолеты. Год спустя получает звание младшего лейтенанта и назначение в авиаполк, расположенный на парижском аэродроме Бурже. Через три месяца попадает в аварию, из-за тяжелой травмы вынужден оставить службу.

Мучительно тяжелым оказывается для Сент-Экзюпери расставание с летной профессией. Он меняет специальности, пробует писать.

В 1926 году увидел свет первый его рассказ «Летчик». А вскоре Сент-Экзюпери возвращается в небо — пилотом гражданской авиации.

Летное дело и литература неразделимы в жизни Сент-Экзюпери. «Для меня летать и писать, — говорил он, — это нечто неразрывное и единое. Важно одно — действовать и во всем развивать в себе совершенство». В 1939 году вышла книга Сент-Экзюпери «Планета людей», которая была отмечена Большой премией Французской академии.

Против фашистов Сент-Экзюпери воевал и как летчик, и как писатель. Его аллегорическая сказка «Маленький принц» (1943), созданная в годы второй мировой войны, проникнута верой в будущее и любовью к человеку.

Лишь на Земле Маленький принц узнал, что такое настоящая любовь и дружба. Умей отдавать людям душу и чувствовать себя в ответе за тех, кого ты любишь. Если ты «приручишь» чужое сердце и отдашь взамен свое, то вокруг тебя никогда не будет пустоты. Разъединенность людей, равнодушие к тому, что творится в мире, — эти беды нужно преодолевать совместными усилиями. Таков смысл философской сказки Сент-Экзюпери «Маленький принц».

31 июля 1944 года во время очередного боевого вылета Сент-Экзюпери погиб над Средиземным морем. Всю жизнь этот прекрасный человек отстаивал общечеловеческие ценности, чтобы, как говорил он сам, «каждый человек, являясь частицей своего государства, своей нации, своей духовной родины, был в то же время частицей сообщества людей и защищал каждого».

- ?
1. Каким человеком предстал перед нами французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери?
 2. Прочтите эпиграф и высказывания писателя, помещенные в статье. Какая общая мысль их объединяет?
 3. Если ваше знакомство с произведениями Сент-Экзюпери уже состоялось, то поделитесь своими впечатлениями.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

(Отрывки)

ЛЕОНУ ВЕРТУ

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому.

Скажу в свое оправдание: этот взрослый — мой самый лучший друг. И еще: он понимает все на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живет во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же все это меня не оправдает, я посвящу свою книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправлю посвящение:

ЛЕОНУ ВЕРТУ,

когда он был маленьким

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея — удав — глотала хищного зверя.

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал:

Я показал мое творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

— Разве шляпа страшная? — возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно все объяснять. Вот мой рисунок № 2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на летчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьется с пути.

На своем веку я много встречал разных серьезных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок № 1 — я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах. Я примерялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

II

Так я жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам все починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, и тот был бы не так одинок. Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

- Пожалуйста... нарисуй мне барашка!
- А?..
- Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протер глаза. Начал осматриваться. И вижу — стоит необыкновенный какой-то малыш и серьезно меня разглядывает. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать.

Но на моем рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые внушили мне, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов — снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребенок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

— Но что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьезно:

— Пожалуйста... нарисуй барашка...

Все это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться.

Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я все-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, — и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что я не умею рисовать. Он ответил:

— Все равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать: удав снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

— Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасный, а слон слишком большой. У меня дома все очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

— Ты же сам видишь, — сказал он, — это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому. Но он и от этого рисунка отказался.

— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение — ведь надо было поскорей разобрать моток — и нацарапал вот что:

И сказал малышу:

— Вот тебе ящик. А в нем сидит твой барашек.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

— Вот такого мне и надо! Как ты думаешь, много он ест травы?

— А что?

— Ведь у меня дома всего очень мало...

— Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка...

— Не такой уж он маленький... — сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но, когда я спрашивал о чем-нибудь, он словно и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне все открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолет (самолет я рисовать не стану, мне все равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолет. Мой самолет. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

— Как! Ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.

— Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так, что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьезно. Потом он прибавил:

— Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» — подумал я...

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

— Очень хорошо, что ты дал мне ящик, барашек будет там спать по ночам.

— Ну, конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе веревку, чтобы днем его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

— Привязывать? Для чего это?

— Но ведь если ты его не привяжешь, он забредет неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

— Да куда же он пойдет?

— Мало ли куда? Все прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьезно:

— Это ничего, ведь у меня там очень мало места.

И прибавил не без грусти:

— Если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...

IV

Так я сделал еще одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом!

Впрочем, это меня не слишком удивило. Я знал, что, кроме таких больших планет, как Земля, Юпитер, Марс, Венера, существуют еще сотни других, которым даже имен не дали, и среди них такие маленькие, что их и в телескоп трудно разглядеть. Когда астроном открывает такую планетку, он дает ей не имя, а просто номер. Например: астероид 3251.

У меня есть веские основания полагать, что Маленький принц прилетел с планетки, которая называется «астероид Б-612». Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом.

Астроном доложил тогда о своем замечательном открытии на международном астрономическом конгрессе. Но никто ему не поверил, а все потому, что он был одет по-турецки. Уж такой народ эти взрослые!

К счастью для репутации астероида Б-612, турецкий султан велел своим подданным под страхом смерти носить европейское платье. В 1920 году тот астроном снова доложил о своем открытии. На этот раз он был одет по последней моде — и все с ним согласились.

Я вам рассказал так подробно об астероиде Б-612 и даже сообщил его номер только из-за взрослых. Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: «А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?» Они спрашивают: «Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?» И после этого воображают, что узнали человека. Когда говоришь взрослым: «Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби», — они никак не могут представить себе этот дом. Им надо сказать: «Я видел дом за сто тысяч франков», — и тогда они восклицают: «Какая красота!»

Точно так же, если им сказать: «Вот доказательства, что Маленький принц на самом деле существовал — он был очень, очень славный, он смеялся, и ему хотелось иметь барашка. А кто хочет барашка, тот, безусловно, существует», — если сказать им так, они только пожмут плечами и посмотрят на тебя, как на несмышленного младенца. Но если сказать им: «Он прилетел с планеты, которая называется астероид Б-612», — это их убедит, и они не станут докучать вам расспросами. Уж такой народ эти взрослые. Не стоит на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым...

V

Каждый день я узнавал что-нибудь новое о его планете, о том, как он ее покинул и как странствовал. Он рассказывал об этом понемножку, когда приходилось к слову. Так, на третий день я узнал о трагедии с баобабам.

Это тоже вышло из-за барашка. Казалось, Маленьким принцем вдруг овладели тяжкие сомнения, и он спросил:

— Скажи, ведь правда барашки едят кусты?

— Да, правда.

— Вот хорошо!

Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты. Но Маленький принц прибавил:

— Значит, они и баобабы тоже едят?

Я возразил, что баобабы — не кусты, а огромные деревья, вышиной с колокольню, и если даже он приведет целое стадо слонов, им не съесть и одного баобаба.

Услыхав про слонов, Маленький принц засмеялся:

— Их пришлось бы поставить друг на друга... — А потом сказал рассудительно:

— Баобабы сперва, пока не вырастут, бывают совсем маленькие.

— Это верно. Но зачем твоему барашку есть маленькие баобабы?

— А как же! — воскликнул он, словно речь шла о самых простых азбучных истинах.

И пришлось мне поломать голову, пока я додумался, в чем тут дело.

На планете Маленького принца, как и на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землей, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тянется к солнцу, сперва такой милый и безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть его растет на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать ее с корнем, как только ее узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена... Это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься.

Он завладеет всей планетой. Он пронизет ее насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут ее на клочки.

— Есть такое твердое правило, — сказал мне после Маленький принц. — Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная...

VII

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришел к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

— Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

— Он ест все, что попадется.

— Даже такие цветы, у которых шипы?

— Да, и те, у которых шипы.

— Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заело одну гайку, и я старался ее отвернуть. Мне было не по себе, положение становилось серьезным. Воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

— Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц никогда не отступался, пока не получал ответа. Неподатливая гайка выводила меня из терпения, и я ответил наобум:

— Шипы ни за чем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

— Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

— Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают, если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: «Если эта гайка и сейчас не поддастся, я так стукну по ней молотком, что она разлетится вдребезги». Маленький принц снова перебил мои мысли:

— А ты думаешь, что цветы...

— Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьезным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Серьезным делом?!

Он все смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

— Ты говоришь, как взрослые! — сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

— Все ты путаешь... ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

— Я знаю одну планету, там живет такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьезный! Я человек серьезный!» — совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

— Что?

— Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

— Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело — понять,

почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек вдруг в одно прекрасное утро возьмет и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это, по-твоему, не важно?

Он весь покраснел. Потом снова заговорил:

— Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, — этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок...» Но если барашек его съест, это все равно, как если бы все звезды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Я и думать забыл про злополучную гайку и молоток, про жажду и смерть. На звезде, на планете — на моей планете, по имени Земля, — плакал Маленький принц, и надо было его утешать. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничего не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Я нарисую для твоего цветка броню... Я...» Я не знал, что еще ему сказать. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня? Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез...

VIII

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы — у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесенного неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нем появился бутон. Маленький принц никогда еще не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, еще скрытая в стенах своей зеленой комнатки, все готовилась, все прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрепанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днем. И вот однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позевывая:

— Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я еще совсем растрепанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

— Как вы прекрасны!

— Да, правда? — был тихий ответ. — И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало! А она вскоре заметила:

— Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У нее было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

— Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

— На моей планете тигры не водятся, — возразил Маленький принц. — И потом, тигры не едят траву.

— Я не трава, — тихо заметил цветок. — Простите меня...

— Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится сквозняков... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка».

— Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь ее занесло сюда, когда она была еще зернышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

— Где же ширма?

— Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его все-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок, и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и чувствовал себя очень несчастным.

— Напрасно я ее слушал, — доверчиво сказал он мне однажды. — Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И еще он признался:

— Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был

бежать. За этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я еще не умел любить.

IX

Как я понял, он решил странствовать с перелетными птицами. В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был еще один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана — это все равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Потом Маленький принц не без грусти вырвал последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернется. Но в то утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил чудесный цветок и собрался накрыть его колпаком, ему даже захотелось плакать.

— Прощайте, — сказал он.

Красавица не ответила.

— Прощайте, — повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

— Я была глупая, — сказала она наконец. — Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрека. Маленький принц был очень удивлен. Он застыл, смущенный и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

— Да, да, я люблю тебя, — услышал он. — Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

— Но ветер...

— Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдет мне на пользу. Ведь я — цветок.

— Но звери, насекомые...

— Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

— Да не тани же, это невыносимо! Решил уйти — так уходи.

Она не захотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

XIII

...Четвертая планета принадлежала деловому человеку. Он был так занят, что при появлении Маленького принца даже головы не поднял.

— Добрый день, — сказал ему Маленький принц. — Ваша сигарета погасла.

— Три да два — пять. Пять да семь — двенадцать. Двенадцать да три — пятнадцать. Добрый день. Пятнадцать да семь — двадцать два. Двадцать два да шесть — двадцать восемь. Некогда спичкой чиркнуть. Двадцать шесть да пять — тридцать один. Уф! Итого, стало быть, пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать один.

— Пятьсот миллионов чего?

— А? Ты еще здесь? Пятьсот миллионов... Уж не знаю чего... У меня столько работы! Я человек серьезный, мне не до болтовни! Два да пять — семь...

— Пятьсот миллионов чего? — повторил Маленький принц: спросив о чем-нибудь, он не успокаивался, пока не получал ответа.

Деловой человек поднял голову.

— Уже пятьдесят четыре года я живу на этой планете, и за все время мне мешали только три раза. В первый раз, двадцать два года тому назад, ко мне откуда-то залетел майский жук. Он поднял ужасный шум, и я тогда сделал четыре ошибки в сложении. Во второй раз, одиннадцать лет тому назад, у меня был приступ ревматизма. От сидячего образа жизни. Мне разгуливать некогда. Я человек серьезный. Третий раз... вот он! Итак, стало быть, пятьсот миллионов...

— Пятьсот миллионов чего?

Деловой человек понял, что надо ответить, а то не будет ему покоя.

— Пятьсот миллионов этих маленьких штучек, которые иногда видны в воздухе.

— Это что же, мухи?

— Да нет же, такие маленькие, блестящие.

— Пчелы?

— Да нет же. Такие маленькие, золотые, всякий лентяй как посмотрит на них, так и размечтается. А я человек серьезный. Мне мечтать некогда.

— А, звезды!

— Вот-вот. Звезды.

— Пятьсот миллионов звезд? И что же ты с ними делаешь?

— Пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать одна. Я человек серьезный, я люблю точность.

— Так что же ты делаешь со всеми этими звездами?

— Что делаю?

— Да.

— Ничего не делаю. Я ими владею.

— Владеешь звездами?

— Да.

— Но я уже видел короля, который...

— Короли ничем не владеют. Они только царствуют. Это совсем другое дело.

— А для чего тебе владеть звездами?

— Чтоб быть богатым.

— А для чего быть богатым?

— Чтобы покупать еще новые звезды, если их кто-нибудь откроет.

«Он рассуждает почти как тот пьяница», — подумал Маленький принц.

И стал спрашивать дальше:

— А как можно владеть звездами?

— Звезды чьи? — ворчливо спросил делец.

— Не знаю. Ничьи.

— Значит, мои, потому что я первый до этого додумался.

— И этого довольно?

— Ну конечно. Если ты найдешь алмаз, у которого нет хозяина, — значит, он твой. Если ты найдешь остров, у которого нет хозяина, — он твой. Если тебе первому придет в голову какая-нибудь идея, ты берешь на нее патент: она твоя. Я владею звездами, потому что до меня никто не догадался ими завладеть.

— Вот это верно, — сказал Маленький принц. — И что же ты с ними делаешь?

— Распоряжаюсь ими, — ответил делец. — Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьезный.

Однако Маленькому принцу этого было мало.

— Если у меня есть шелковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, — сказал он. — Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звезды!

— Нет, но я могу положить их в банк.

— Как это?

— А так: пишу на бумажке, сколько у меня звезд. Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.

— И все?

— Этого довольно.

«Забавно! — подумал Маленький принц. — И даже поэтично. Но не так уж это серьезно».

Что серьезно, а что несерьезно — это Маленький принц понимал по-своему, совсем не так, как взрослые.

— У меня есть цветок, — сказал он, — и я каждое утро его поливаю. У меня есть три вулкана, я каждую неделю их прочищаю. Все три прочищаю, и потухший тоже. Мало ли что может случиться. И моим вулканам, и моему цветку полезно, что я ими владею. А звездам от тебя нет никакой пользы...

Деловой человек открыл было рот, но так и не нашелся что ответить, и Маленький принц отправился дальше.

«Нет, взрослые и правда поразительный народ», — простодушно говорил он себе, продолжая путь.

XIV

Пятая планета была очень занятная. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось что фонарь да фонарщик. Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной, затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик. Но он подумал:

«Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе все-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь — как будто рождается еще одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь — как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво».

И, поравнявшись с этой планеткой, он почтительно поклонился фонарщику.

— Добрый день, — сказал он. — Почему ты сейчас погасил свой фонарь?

— Такой уговор, — ответил фонарщик, — Добрый день.

— А что это за уговор?

— Гасить фонарь. Добрый вечер.

— Зачем же ты опять его зажег?

— Такой уговор, — повторил фонарщик.

— Не понимаю, — признался Маленький принц.

— И понимать нечего, — сказал фонарщик. — Уговор есть уговор. Добрый день.

И погасил фонарь.

Потом красным клетчатым платком утер пот со лба и сказал:

— Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. У меня оставался еще день, чтобы отдохнуть, и ночь, чтобы выспаться...

— А потом уговор переменился?

— Уговор не менялся, — сказал фонарщик. — В том-то и беда! Моя планета год от году вращается все быстрее, а уговор остается прежний.

— И как же теперь? — спросил Маленький принц.

— Да вот так. Планета делает полный оборот за одну минуту, и у меня нет ни секунды передышки. Каждую минуту я гашу фонарь и опять его зажигаю.

— Вот забавно! Значит, у тебя день длится всего одну минуту!

— Ничего тут нет забавного, — возразил фонарщик. — Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

— Целый месяц?

— Ну да. Тридцать минут. Тридцать дней. Добрый вечер!

И он опять засветил фонарь,

Маленький принц смотрел на фонарщика, и ему все больше нравился этот человек, который был так верен своему слову. Маленький принц вспомнил, как он когда-то переставлял стул с места на место, чтобы лиш- ний раз поглядеть на закат. И ему захотелось помочь другу.

— Послушай, — сказал он фонарщику. — Я знаю средство: ты можешь отдыхать, когда только захочешь...

— Мне все время хочется отдыхать, — сказал фонарщик. — Ведь можно быть верным слову и все-таки ленивым.

— Твоя планетка такая крохотная, — продолжал Маленький принц, — ты можешь обойти ее в три шага. И просто нужно идти с такой скоростью, чтоб все время оставаться на солнце. Когда захочется отдохнуть, ты просто все иди, иди... И день будет тянуться столько времени, сколько ты пожелаешь.

— Ну, от этого мне мало толку, — сказал фонарщик. — Больше всего на свете я люблю спать.

— Тогда плохо твое дело, — посочувствовал Маленький принц.

— Плохо мое дело, — подтвердил фонарщик. — Добрый день.

И погасил фонарь.

«Вот человек, — сказал себе Маленький принц, продолжая путь, — вот человек, которого все стали бы презирать — и король, и честолюбец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех только он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе».

Маленький принц вздохнул.

«Вот бы с кем подружиться, — подумал он еще. — Но его планетка уж очень крохотная. Там нет места для двоих...»

Он не смел себе признаться в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке еще по одной причине: за двадцать четыре часа на ней можно любоваться закатом тысячу четыреста сорок раз!

XVII

...Попав на Землю, Маленький принц не увидел ни души и очень удивился. Он подумал даже, что залетел по ошибке на какую-нибудь другую планету. Но тут в песке шевельнулось колечко цвета лунного луча.

— Добрый вечер, — сказал на всякий случай Маленький принц.

— Добрый вечер, — ответила змея.

— На какую это планету я попал?

— На Землю, — сказала змея. — В Африку.

— Вот как. А разве на земле нет людей?

— Это пустыня. В пустынях никто не живет. Но Земля большая.

Маленький принц сел на камень и поднял глаза к небу.

— Хотел бы я знать, зачем звезды светятся, — задумчиво сказал он. — Наверно, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою. Смотри, вот моя планета — как раз над нами... Но как до нее далеко!

— Красная планета, — сказала змея. — А что ты будешь делать здесь, на Земле?

— Я поссорился со своим цветком, — признался Маленький принц.

— А, вот оно что...

И оба умолкли.

— А где же люди? — вновь заговорил наконец Маленький принц. — В пустыне все-таки одиноко...

XX

Долго шел Маленький принц через пески, скалы и снега и, наконец, набрел на дорогу. А все дороги ведут к людям.

— Добрый день, — сказал он.

Перед ним был сад, полный роз.

— Добрый день, — отозвались розы.

И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

— Кто вы? — спросил он, пораженный.

— Мы — розы, — отвечали розы.

— Вот как... — промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей Вселенной. И вот перед ним пять тысяч таких же цветков в одном только саду!

«Как бы она рассердилась, если бы увидела их! — подумал Маленький принц. — Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, — ведь иначе она и вправду умерла бы, лишь бы унижить и меня тоже...»

А потом он подумал: «Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух и, может быть, навсегда... Какой же я после этого принц..

Он лег в траву и заплакал.

XXI

Вот тут-то и появился Лис.

— Здравствуй, — сказал он.

— Здравствуй, — вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

— Я здесь, — послышался голос. — Под яблоней...

— Кто ты? — спросил Маленький принц. — Какой ты красивый!

— Я — Лис, — сказал Лис.

— Поиграй со мной, — попросил Маленький принц. — Мне так грустно...

— Не могу я с тобой играть, — сказал Лис. — Я не приручен.

— Ах, извини, — сказал Маленький принц. Но, подумав, спросил: — А как это — приручить?

— Ты не здешний, — заметил Лис. — Что ты здесь ищешь?

— Людей ищу, — сказал Маленький принц. — А как это — приручить?

— У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И еще они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?

— Нет, — сказал Маленький принц. — Я ищу друзей. А как это — приручить?

— Это давно забытое понятие, — объяснил Лис. — Оно означает: создать узы.

— Узы?

— Вот именно, — сказал Лис. — Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

— Я начинаю понимать, — сказал Маленький принц. — Есть одна роза... Наверно, она меня приручила...

— Очень возможно, — согласился Лис. — На Земле чего только не бывает.

— Это было не на Земле, — сказал Маленький принц.

Лис очень удивился:

— На другой планете?

— Да.

— А на той планете есть охотники?

— Нет.

— Как интересно! А куры есть?

— Нет.

— Нет в мире совершенства! — вздохнул Лис.

Но потом он вновь заговорил о том же:

— Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живется мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь точно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

— Пожалуйста... приручи меня!

— А что для этого надо делать? — спросил Маленький принц.

— Надо запастись терпением, — ответил Лис. — Сперва сядь вон там, поодаль, на траву — вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты

молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе...

Назавтра Маленький принц вновь пришел на то же место...

Так Маленький принц приручил Лису. И вот настал час прощанья.

— Я буду плакать о тебе, — вздохнул Лис.

— Ты сам виноват, — сказал Маленький принц. — Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...

— Да, конечно, — сказал Лис.

— Но ты будешь плакать!

— Да, конечно.

— Значит, тебе от этого плохо.

— Нет, — возразил Лис, — мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом добавил:

— Поди взгляни еще раз на розы. Ты поймешь, что твоя роза — единственная в мире. А когда вернешься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошел взглянуть на розы.

— Вы ничуть не похожи на мою розу, — сказал он им. — Вы еще ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он — единственный в целом свете...

Розы очень смутились.

— Вы красивые, но пустые, — продолжал Маленький принц. — Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это ее, а не вас я поливал каждый день. Ее, а не вас накрывал стеклянным колпаком...

И Маленький принц возвратился к Лису.

— Прощай... — сказал он.

— Прощай, — сказал Лис. — Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

— Самого главного глазами не увидишь, — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей все свои дни.

— Потому что я отдавал ей все свои дни... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

— Я в ответе за мою розу... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

Перевод Н. Галь

Вопросы и задания

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. Чем сказочная повесть Сент-Экзюпери «Маленький принц» не похожа на другие сказки?
2. Почувствовали ли вы особую доверительность рассказчика? Как она проявилась уже в первых главах повести?

● Углубимся в текст повести

3. Почему взрослые не понимали рисунков шестилетнего мальчика? Что они утратили с годами, даже самые разумные и понятливые?
4. Взаимопонимание между летчиком и Маленьким принцем установилось после того, как был нарисован барашек в ящике. Почему этот рисунок понравился мальчику?
5. Каждое утро Маленький принц убирал свою планету. Как сам он объясняет необходимость своего труда? Прочитайте этот отрывок выразительно.
6. Вы знаете, что под изображаемыми в аллегорическом произведении существами подразумеваются другие лица, вещи. Каково назначение в сказке «Маленький принц» образов Розы и Лиса?
7. О чем самом главном для себя узнал Маленький принц на Земле?
8. Какие нравственные ценности утверждаются в аллегорической сказке Сент-Экзюпери «Маленький принц»? Что превыше всего ставит автор в жизни современных людей?
9. Как вы думаете, почему автор сам проиллюстрировал свою книгу? Чем его иллюстрации, на ваш взгляд, интересны и необычны?
10. «Маленький принц» — это философская сказочная повесть-притча. Какие отличительные особенности позволяют отнести ее к этому жанру?
11. Если вы читали сказочную повесть-притчу украинского писателя Бориса Харчука «Планетник», то сравните ее с «Маленьким принцем» Сент-Экзюпери. Что в них есть общего?

Для самостоятельной работы

12. Возьмите в библиотеке и самостоятельно прочитайте главы X—XII сказки «Маленький принц». Каких людей встречает Маленький принц на соседних астероидах? Почему он спешит покинуть их? Обратите внимание на то, что во время своих путешествий Маленький принц всякий раз покидает своих соседей с одной и той же мыслью. С какой? Почему, улетая с планеты фонарщика, он думает иначе? Какое значение для понимания образов сказочных персонажей имеет этот художественный прием?
13. «...Я совсем не хочу, чтобы мою книгу читали ради забавы», — пишет Сент-Экзюпери в IV главе своей сказки «Маленький принц». С каким настроением читали вы эту книгу? Укажите отрывки и высказывания из нее, которым вы хотели бы следовать всю жизнь и которые стали вашими нравственными правилами.
14. Используя афоризмы из сказки, напишите сочинение на одну из тем: «Зорко одно лишь сердце», «Самое главное — то, что не увидишь глаза».

ми», «Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения», «Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил».

15. В 2015 году была осуществлена восемнадцатая по счету экранизация книг Сент-Экзюпери. Примите участие в подготовке проекта «Экранизация произведений Сент-Экзюпери» (включите краткие сообщения и видеоматериалы)

Для будущих филологов

Подготовьте выступление на одну из тем: «Антуан де Сент-Экзюпери — летчик и писатель», «Афористичность языка в сказке-притче «Маленький принц».

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

Антуан де Сент-Экзюпери, французский летчик, поэт, писатель, эссеист, журналист, был назван своим соотечественником, писателем Андре Моруа, философом действия. Он писал: «Экзюпери добывал истину, когда летал над Рио-де-Оро и Андийскими Кордильерами, когда потерпел аварию в пустыне и был спасен владыками песков, когда его самолет падал в Средиземное море и на горные цепи Гватемалы, а также в воздушных боях с немцами в 1940 году и вновь — в 1944-м. «Самолет не цель, — говорил он, — только средство. Жизнь рискуешь не ради самолета». Сент-Экзюпери вошел в «золотой список» людей, оплативших свою истину кровью. По сей день его книги остаются самыми читаемыми во всем мире, о нем слагаются стихи и песни, ведь ему удалось в каждой, даже самой робкой, душе задеть героическую струну и каждую душу возвысить до полета».

В чем видит французский писатель Андре Моруа неизменный интерес читателей всего мира к жизни и творчеству Антуана де Сент-Экзюпери?

УЧИМСЯ БЫТЬ КОМПЕТЕНТНЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

О подтексте в художественном произведении

В нашей жизни нередко случаются недоразумения из-за того, что обращенные к нам слова мы понимаем не совсем так, как этого хотел бы тот, кто их произносит. Или, наоборот, не всегда правильно понимают нас, наши слова. В подобном случае человек после сказанного пытается что-то еще объяснить, уточнить, а иногда и уверить в том, что в его словах не было никакой «задней мысли». Отчего же происходит непонимание людей? Оказывается, что смысл, который вкладывает в свое высказывание говорящий, не всегда полностью совпадает со значением произносимых им слов. Уловить скрытый смысл высказывания, отличающийся от прямого его значения, можно по интонации, мимике, жестам человека. Например, слова «день нашей встречи приближался» могут

выражать радость, досаду или тревогу в зависимости от того, как они будут произнесены.

Скрытый смысл высказывания, не совпадающий с прямым смыслом текста, называется подтекстом. В художественной речи (как и в разговорной) подтекст зависит от речевой ситуации, цели и экспрессии высказывания. Понаблюдаем, как это появляется на примере диалога Маленького принца с Лисом. Лис просит, чтобы Маленький принц приручил его. «Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовёт меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища», — говорит Лис. Эти строки невозможно читать без волнения, потому что Лис не говорит прямо о своём одиночестве, но читатель догадывается об этом и сочувствует Лису. Здесь же читаем: «... у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я люблю шелест колосьев на ветру...». Нам ясно, что Лис говорит о любви к Маленькому принцу. И когда они расстанутся, Лис полюбит золотые колосья, потому что они будут напоминать ему друга.

Таким образом, не высказанный прямо, но явно вытекающий из содержания текста его смысл становится наиболее понятным только вдумчивому читателю, внимательному к художественному слову. Американский писатель Эрнест Хемингуэй сравнивал подтекст в художественном произведении с айсбергом, большая часть которого находится под водой, и считал: автор «может опустить многое из того что знает, и если он пишет правдиво, читатель почувствует опущенное так же сильно, как если бы писатель сказал об этом».

- ?
1. Объясните значение понятия *подтекст*.
 2. Каким образом читателю открывается подтекст в художественном произведении?
 3. Перечитайте до конца диалог Маленького принца с Лисом и выявите его подтекст.

СТРУГАЦКИЕ
Аркадий Натанович
 (1925–1991)

Борис Натанович
 (1933–2012)

**Стругацкие наделяют
 людей будущего чертами
 наших лучших современников**

Е. Брандис

Русские прозаики братья Аркадий и Борис Стругацкие — бесспорные лидеры жанра научной фантастики. Не только у себя на родине, но и за рубежом их произведения печатались в переводах на 42 языках в 33 странах мира и выдержали более 500 изданий. В чем же секрет такого читательского интереса и такой популярности?

Описываемый братьями Стругацкими в их книгах мир будущего, другой мир, но, несомненно, близкий, с похожими на нас героями, мыслящими, как мы, охватил страстной любовью читателей XX века. Почему именно научная фантастика стала выбором их литературного труда? Об этом летом 1986 года Стругацкий-старший, обращаясь к своему прошлому, напишет: «Вероятно это сугубо личное дело, которое уходит корнями в детство и юношество: условия воспитания, обучения, литературные пристрастия, ну и темперамент». По его же словам, отец пробудил в обоих братьях «страсть к фантастике». А Борис Натанович добавил: «Мы любили читать фантастику, поэтому и начали ее писать. Без памяти любили Уэллса, Конан-Дойла, Чапека, и нам казалось, что мы знаем, как надо писать, чтобы это было интересно читать...».

Аркадий Натанович родился в г. Батуми 28 августа 1925 года. Борис Натанович — в Ленинграде 15 апреля 1933 года.

Мать — Александра Ивановна Литвинчева всю жизнь проработала учительницей литературы и русского языка. В то время когда их отец работал в издательстве «Главлит», книг в доме было изобилие — по должности ему полагался регулярный книжный паек — свежая художественная литература бесплатно. К слову сказать, во всем остальном нужды не было, но и шиковать не приходилось... Жили в коммуналке.

В детстве в квартире Стругацких было два книжных шкафа, о которых Борис Натанович Стругацкий вспоминал с особым удовольствием. Они содержали «библиотеку интеллигента» (Жюль Верн, Дюма, Толстой, Щедрин, Пушкин и Лермонтов, Лондон и Уэллс); все произведения Достоевского, «Трилогию» Горького, «Тысячу и одну ночь», «Всемирную Библиотеку»...

Оба они любили Чехова, но Аркадий Натанович предпочитал «Скучную историю», а Борис Натанович «Хамелеона». Но совершенно неизвестно, узнали бы мы тех Стругацких, если бы судьба их сложилась иначе, не попали они, как и многие их современники, в условия жестоких военных лет.

Осажденный Ленинград — бомбежки, холод и голод, блокада. Из памяти человеческой эти события было невозможно вычеркнуть. После окончания пехотного училища Аркадия направили на учебу в Военный институт иностранных языков. Борис же окончил Ленинградский университет по специальности «астроном».

Литературная деятельность Стругацких началась еще до войны. Аркадием Натановичем были созданы фантастический роман «Находка майора Ковалева» и рассказ 1946 года «Как погиб Канг». В 1948 году Борис Натанович написал свой первый рассказ «Виско». Затем последовало несколько переводов, рассказов и повестей: «Песчаная горячка» (совместная работа), и «Четвертое царство» Стругацкого-старшего, а также повесть «Пепел Бикини». В это время перед братьями-соавторами остро стоял вопрос: «о чем и как писать»? Если бы не фантастическая энергия Аркадия Натановича, его отчаянное стремление прорваться, реализовать литературное дарование, то — по словам Бориса Натановича — не было бы никогда братьев Стругацких.

В 1959 году вышла первая совместная книга Стругацких — повесть «Страна багровых туч». Связанные общими героями с этой повестью продолжения — «Путь на Амальтею» (1960), «Стажёры» (1962), а также рассказы первого сборника Стругацких «Шесть спичек» (1960) — положили начало многотомному циклу произведений о будущем Мира Полудня, названном так авторами месте, в котором им «хотелось бы жить».

Популярность Стругацких в 60—70-е годы была просто невероятной. Их книги трудно было достать, поэтому их перепечатывали на пишущей машинке и даже трепетно переписывали от руки, не обращая внимания на разгромные статьи официальных критиков, не приветствовавших «какую-то там фантастику». В те годы молодых писателей братьев Стругацких занимал вопрос о возможности ускорения естественного исторического процесса, который они и воплотили в одной из лучших своих книг «Трудно быть Богом», опубликованной в 1964 году в сборнике «Далекая Радуга». Драматизм происходящего в ней раскрывается в описании душевных терзаний главного героя — сотрудника Института экспериментальной истории Антона-Руматы, разведчика, посланного с заданием не вмешиваться, а только наблюдать за жизнью на другой планете, где бесчинствует средневековое варварство. В некоторых своих проявлениях оно напоминает и фашизм, и религиозную деспотию Инквизиции, и, насколько оказалось возможным показать это в середине 1960-х годов, сталинский тоталитаризм. Произведения Стругацких «Трудно быть Богом», «Понедельник начинается в субботу», а потом и «Обитаемый остров», «Пикник на обочине» читатели знали буквально наизусть, говорили цитатами из этих произведений, как «члены какого-нибудь тайного ордена». Между тем проза Стругацких продолжала развиваться, очень скоро они перешли на сложные философские повести: «Улитка на скло-

не», «Гадкие лебеди», «За миллиард лет до конца света», «Град обреченный» — некоторые из этих вещей увидели свет через много лет после того, как были написаны.

Одна из главных тем в творчестве Стругацких — тема выбора — стала основной для повести «За миллиард лет до конца света» (1976), герои которой поставлены перед жестокой необходимостью выбирать между возможностью творить под угрозой смерти, либо отказаться от своих убеждений ради спокойной жизни.

Романы «Жук в муравейнике» (1979; премия «Аэлита» 1981 года) и «Волны гасят ветер» (1985) — подвели окончательный итог представленный писателей-фантастов о будущем и человеке в нем. Никакой технический прогресс, по их убеждению, не принесёт счастья человечеству, если основой его не станет Человек Воспитанный, способный к свободному творческому труду и проявлению лучших человеческих качеств.

Братья Стругацкие — лауреаты многих литературных наград и премий. В 1998 году была учреждена Международная литературная премия в области фантастики имени братьев Аркадия и Бориса Стругацких.

- ?
1. Какие условия воспитания способствовали развитию будущих писателей-фантастов братьев А. и Б. Стругацких?
 2. Какому вопросу, волновавшему писателей, посвящена повесть «Трудно быть Богом»?
 3. К каким выводам о будущем и человеке пришли в своем творчестве писатели-фантасты братья Стругацкие?

РАСШИРЯЕМ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГОЗОР

Невероятная популярность рождала множество слухов и легенд. К примеру, у некоторых романтически настроенных любителей фантастики где-то в начале 70-х годов появилась такая идея-фикс: их любимые авторы на самом деле вовсе не люди, а агенты могущественной внеземной цивилизации; фантасты получили немало писем, где им предлагали помощь, раз уж они «застряли в этом времени на Земле», приносили извинения за то, что современная технология не так развита, чтобы отремонтировать их корабль, и так далее. Стругацкие загадочно улыбались, но всякий раз вынуждены были разочаровывать своих поклонников, у которых не в меру разыгралось воображение. Правда, и сами не раз давали повод для слухов, публикуя некоторые свои произведения и переводы под псевдонимами — С.Бережков, С.Витин, С.Победин, С.Ярославцев, С.Витицкий.

С годами популярность Стругацких не стала меньше. Книги их издаются и переиздаются огромными тиражами, успешно выдерживая конкуренцию с продукцией англо-американских фантастов.

- ?
- ✿ Более 20 раз экранизировались произведения братьев Стругацких. Последняя из них принадлежит режиссеру А. Герману-старшему (2013 г.). Примите участие в подготовке проекта «Лучшие экранизации произведений писателей-фантастов братьев Стругацких».

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ

Текст повести «Трудно быть Богом» рекомендуется взять в библиотеке или воспользоваться Интернетом.

Вопросы и задания

● Ваши первые впечатления, размышления, оценки

1. Какое впечатление складывается у вас о порядках на планете после чтения диалога Руматы с местным ее жителем Киуном?
2. О чем говорят читателю детали описания серого патруля и корчмы? (гл. I)
3. Выполняя задание посланника Земли, Румата постоянно помнит о требовании «базисной теории» Института экспериментальной истории быть терпеливым и терпимым, не забывая вести себя «как замаскированный Бог». В какой ситуации Румата впервые призывает себя быть спокойным, «как Боги»? Легко ли ему было сделать это? Что он вспоминает из текста Библии, по-вашему, в этот момент? (гл. I)
4. Прочитайте выразительно описание простого народа королевства Арканарского. Почему беззащитных и добрых его жителей авторы называют людьми, «далеко обогнавшими свой век»?

● Углубимся в текст повести

5. Как нужно понимать, что жители Арканары не моются, но зато много молятся? Почему в повести на этом заостряется внимание? (гл. II)
6. В чем заключалась в королевстве служба придворных принцев? Как выражено критическое отношение Руматы к своим обязанностям? Отметьте в их описаниях элементы иронии и комизма. (гл. II)
7. Искренно ли Румата называет Патриотическую школу «гнездом мудрости»? Каковы методы обучения в ней? (гл. II)
8. В книге отца Кина «Трактат о доносе» сказано, что в их государстве умные «не надобны», а «надобны верные». Румата назвал эту книгу глупой. Можно ли утверждать, что он четко выполняет свое задание не вмешиваться в порядки на этой планете? (гл. II)
9. Каким образом Румата надеется спасти ученых, книгочеев планеты от истребления их главарем банды Вагой Колесом? Какие способы «спасения» действуют в этом королевстве? Каков подтекст в описании этого отрывка? (гл. II)
10. Румата задается вопросом: есть ли для таких «чудовищных властолюбцев», как Вага, спасение? Какие последствия видит посланник Земли для государства, в котором штурмовики с топорами разгуливают по главным улицам города? Какой страшный конец предсказывает он этому государству? (гл. III)
11. Какие чувства испытывает Румата, не имеющий возможности спасти хотя бы немногих честных и талантливых людей этой планеты? И какие, вместе с тем, бедственные последствия предвидит он, если эти люди захотят активно выразить свой протест? (гл. III)
12. Как описан в повести министр охраны короны Рэба? Какие методы он использовал для личного возвышения по службе? Почему в повести он назван оборотнем? (гл. III)

13. Отметьте сатирические приемы при описании придворного общества во главе с фавориткой короля Оканой. (гл. IV)
14. Есть ли результаты усилий Руматы, пытающегося спасти представителей культуры от опустошительных действий министра охраны короны Рэбы? (гл. III)
15. Что думает о себе Румата, замечая, что стал употреблять «оскорбительные словечки»? Что, несовместимое с пониманием Бога, он, как замечает сам, начинает утрачивать? (гл. V)
16. В чем видит посланник Земли причину рабской психологии людей планеты, на которой пребывает со специальным заданием наблюдателя? К какому выводу о значении этого народа для будущего он приходит? (гл. VI)
17. Обратите внимание на то, из скольких человек состоит суд над избитым и захваченным Руматой? В чем его обвиняют? Каков подтекст описания этого события? (гл. VI)
18. Как вы оцениваете поведение Руматы во время суда? Чем, по вашему мнению, он заслуживает уважения к себе? (гл. VII)
19. Почему Румата говорит Кире, что она родилась на тысячу лет раньше своего срока? Как это следует понимать? (гл. IX)
20. Что, увиденное посланником Земли на планете времени Средневековья, напоминает читателю тяжелые периоды, происходившие в России, Украине и других странах Европы в XX веке?
21. Какое значение для раскрытия замысла произведения имеют использованные авторами «говорящие» названия: королевства Арканар, улицы Премногоблагодарная и т. п.?
22. К какому выводу приходит герой повести о значении эксперимента ускорения процессов исторического развития, в котором он принимал участие?

Для самостоятельной работы

23. Подготовьте комментарии отрывков из текста повести (по выбору):
 - время препровождения придворных принцев в королевстве Арканар;
 - всемогущий предводитель «всех преступных сил» Вага Колесо;
 - штурмовики на главной улице города;
 - восхождение по служебной лестнице министра охраны короны Рэбо;
 - угрызения совести Руматы;
 - простой народ Арканара и его будущее.
24. Ответьте на вопрос в развернутой форме: в чем смысл названия повести братьев Стругацких «Трудно быть Богом»?
25. Напишите отзыв о самостоятельно прочитанной книге братьев Стругацких.

Для дискуссии

Почему пришелец с Земли Румата часто и по-разному размышляет о будущем людей планеты Средневековья? Согласны ли вы с его предположениями? (гл. III, IV, VI)

Для будущих филологов

Почитатели творчества братьев А. и Б. Стругацких назвали 5 главных их произведений. Это: «Трудно быть Богом» (1964), «Понедельник начинается в субботу» (1965), «Улитка на склоне» (1966—1968), «Пикник на обочине» (1972), «За миллиард лет до конца света» (1977).

Подготовьте для демонстрации в классе презентацию одного-двух из этих произведений.

ПРОВЕРИМ СВОЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

1. Какие жизненные испытания предшествовали началу литературной деятельности Максима Горького?
2. В чем заключается смысл противопоставления образов Ларры и Данко в рассказе М. Горького «Старуха Изергиль»?
3. Объясните, почему повесть «Маленький принц» Сент-Экзюпери относят к жанру философской сказки-притчи?
4. Какие открытия делает Маленький принц на Земле? Чем замечателен вам этот образ?
5. Какое значение в повести «Маленький принц» имеют аллегорические образы Розы, Лиса, Змеи?
6. Какие нравственные ценности утверждаются в повести Сент-Экзюпери «Маленький принц»?
7. Какими лучшими человеческими чертами характера наделен образ посланника Земли Антона-Руматы в романе братьев Стругацких «Трудно быть Богом»?
8. Французский писатель XX века Андре Моруа сказал: «Прекрасная книга никогда не оставляет читателя таким, каким он был до ознакомления с нею, — она делает его лучше».

Какое воздействие оказали на вас изученные в этом году произведения русских писателей и писателей других стран? С кем из них вы вели во время чтения самые доверительные беседы? Чем обогатились вы, размышляя над проблемами и образами литературных героев?

Краткий словарь литературоведческих терминов

Антитеза (от греч. *antithesis* — противоречие, противоположение) — резко выраженное в художественном произведении противопоставление образов, понятий, явлений.

Гротеск (итал. *grotesco* — причудливый) — причудливое соединение фантастического и уродливо-комического изображения реальных явлений жизни в художественном произведении.

Деталь (художественная) — выразительная подробность, с помощью которой создается художественный образ. Деталь может уточнять, прояснять замысел писателя.

Драматическое произведение, или драма — произведение, предназначенное для постановки на сцене.

Ирония (от греч. *eironeia* — притворство, насмешка) — осмеяние, выражение насмешки. Отрицательный смысл иронии скрыт за внешней, положительной формой высказывания.

Комедия (от греч. *comoidia* — песня веселой толпы) — драматическое произведение, в основе которого лежит юмор, смешное.

Комическое — смешное в жизни и литературе. Основные виды комического: юмор, ирония, сатира.

Конфликт (от лат. *conflictus* — столкновение) — столкновение, борьба, на основе которых построено развитие сюжета в художественном произведении. Особое значение конфликт имеет в драматургии, где он является главной силой, движущей развитие драматургического действия.

Лирический герой — образ поэта в лирике, один из способов раскрытия авторского сознания. Для лирического героя характерна предельная искренность, исповедальность.

Научная фантастика — изображение фантастически преображаемого наукой мира.

Пародия (от греч. *parodia*, букв. — перепев) — смешное, искаженное подобие чего-то; комическое или сатирическое подражание кому-нибудь (чему-нибудь).

Пафос (от греч. *pathos* — страдание, воодушевление, страсть) — в художественной литературе: возвышенное чувство, страстное воодушевление, приподнятый, торжественный тон повествования.

Подтекст — скрытый смысл высказывания, не совпадающий с прямым смыслом текста.

Прототип (от греч. *prototypon* — прообраз) — реально существовавшее лицо, послужившее писателю основой для создания литературного образа.

Роман (франц. *roman*. англ. *nove*) — жанр эпического произведения большой формы, в котором повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности, ее отношении к окружающему миру, ее становлении и развитии.

Романтика — отражение в литературном произведении возвышенных или героических проявлений жизни.

Сатира (от лат. *satira* — смесь, всякая всячина) — вид комического: высмеивание, разоблачение отрицательных сторон жизни, изображение их в нелепом, карикатурном виде.

Символ (от греч. *symbolon* — условный знак) — в художественной литературе: словесный знак, условно выражающий сущность какого-либо явления.

Стихотворение в прозе — лирическое произведение в прозаической форме. Обладает такими признаками лирического стихотворения: небольшой объём, повышенная эмоциональность, бессюжетная композиция.

Характер литературный — образ человека в литературном произведении, созданный с определенной полнотой и наделенный индивидуальными особенностями.

Художественный образ — человек, предмет, явление, картина жизни, творчески воссозданные в художественном произведении.

Эзопов язык — вынужденное иносказание, художественная речь, насыщенная недомолвками и ироническими намеками.

Эпиграмма (от греч. *epigramma*, букв. — надпись) — краткое сатирическое стихотворение.

Для внеклассного чтения

1. Исторические и лирические народные песни.
2. Народные песни на стихи русских поэтов (К. Рылеев. «Ермак»; Д. Давыдов. «Славное море — священный Байкал»; А. Навроцкий. «Утёс Степана Разина»).
3. Русские обрядовые песни (по выбору учащихся).
4. А. Пушкин. «Простите, верные дубравы!», «Домовому», «Как счастлив я...», «Что в имени тебе моём?...» и др.; «Пиковая дама», «Цыганы», «Медный всадник», «Скупой рыцарь».
5. М. Лермонтов. «Узник», «Пленный рыцарь», «Ветка Палестины» «Песня про купца Калашникова...»; «Маскарад».
6. Н. Гоголь. «Женитьба», «Петербургские повести».
7. Н. Некрасов. «Русские женщины».
8. А. Островский. «Снегурочка».
9. И. Тургенев. «Первая любовь».
10. Л. Толстой. «Юность», «Хаджи-Мурат».
11. А. Чехов. «Тоска», «Свадьба» и другие рассказы.
12. М. Горький. «Юность», «Мои университеты»
13. Ю. Тынянов. «Пушкин».
14. А. Толстой. «Князь Серебряный».
15. А. Грин. «Бегущая по волнам», «Зелёная лампа».
16. В. Каверин. «Два капитана».
17. Е. Носов. «Красное вино победы».
18. К. Паустовский. «Снег», «Телеграмма».
19. Е. Шварц. «Обыкновенное чудо», «Дракон».
20. В. Беляев. «Старая крепость».
21. В. Астафьев. «Фотография, на которой меня нет».
22. В. Богомолов. «Сердца моего боль».
23. Р. Погодин. «Трень-брень», «Ожидание».
24. В. Тендряков. «Весенние перевёртыши».
25. В. Шукшин. «Волки», «Гринька Малюгин» и др. рассказы (по выбору).
26. А. Твардовский. «Тебе, Украина», «Сыну погибшего воина», «Космонавту» и другие стихотворения (по выбору).
27. Н. Рубцов, Н. Заболоцкий, Я. Смеляков, Л. Мартынов, В. Высоцкий, В. Боков, Ю. Визбор. Стихотворения (по выбору учащихся).
28. А. и Б. Стругацкие. «Улитка на склоне», «За миллиард лет до конца света».
29. М. Аромштам. «Когда отдыхают ангелы»
30. Рамайна.
31. Песнь о Роланде.
32. О. Хайям. Рубаи (по выбору учащихся).
33. Низами. Газели (по выбору учащихся).
34. Хафиз. Газели (по выбору учащихся).
35. В. Шекспир. «Двенадцатая ночь».
36. Дж. Свифт. «Путешествие Гулливера».
37. Ч. Диккенс. «Приключения Оливера Твиста».
38. П. Мериме. Новеллы (по выбору учащихся).
39. Э. По. «Повесть крупных гор», «Золотой жук».
40. В. Гюго. «93-й год», «Человек, который смеётся».
41. Ги де Мопассан. «Два приятеля», «Старуха Соваж», «Папа Симона».
42. Э. Войнич. «Овод».
43. В. Скотт. «Квентин Дорвард».
44. Ф. Купер. «Последний из могикан», «Зверобой» и др.
45. Д. Лондон. «Белое безмолвие», «Белый клык», «Мексиканец».
46. С. Цвейг. «Звёздные часы человечества».
47. Г. Уэллс. «Война миров», «Человек-невидимка».
48. А. де Сент-Экзюпери. «Ночной полет», «Планета людей».
49. Дж. Р. Р. Толкиен. «Хранители» (из эпоса «Властелин колец»).
50. Р. Бах. «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».

Навчальне видання

СИМАНОВА Лідія Анатоліївна

**«Інтегрований курс
«ЛІТЕРАТУРА»
(російська та зарубіжна)»**

**підручник для 8 класу загальноосвітніх навчальних
закладів з навчанням російською мовою
(Російською мовою)**

Рекомендовано Міністерством освіти і науки України
Видано за рахунок державних коштів. Продаж заборонено

Головний редактор *Л. Скоб'як*
Редактор *Я. Сисин*
Комп'ютерна верстка *М. Король*
Художнє оформлення *М. Король*

У підручнику використано ілюстрації *С. Кобуладзе, С. Бродського, Г. Макарта, Кукриниксів, Г. Доре, С. Герасимова, Д. Шмаринова, А. Якимченка, О. Константиновського, І. Пчелка, К. Безбородова*

Підписано до друку 08.06.2016. Формат 70×100¹/₁₆.
Ум. друк. арк. 23,328. Тираж 3943. прим. Зам. № 369.

ТзОВ «АБЕТКА». Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції від 19.06.2001 р. Серія ДК №495. 32300, Хмельницька обл., м. Кам'янець-Подільський, вул. Князів Коріатовичів, 9а; а/с 111.

Тел./факс: (03849) 2-73-84; моб.: 0984253404, 0501931724, 0673808375;
e-mail: abetka2006@yandex.ua, <http://www.abetka.in.ua>